

P2

11 15

И. ГАЛЧЕНКО

Товари
идут
Север
на

Иннокентий ГАЛЧЕНКО

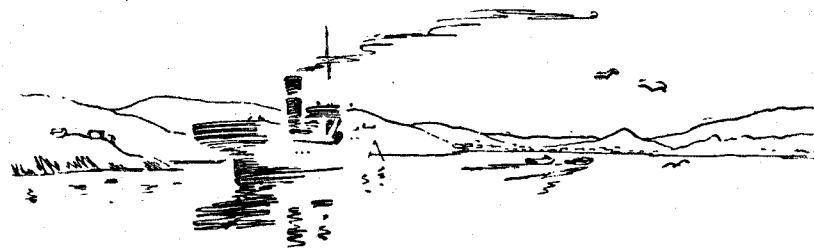
Товарищ
идут
на Север

Записки
поисковика-разведчика

МАГАДАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1957

«Но, дорогие друзья, кто вам сказал, что науку движут только гении? Вы можете взять любую географическую или геологическую карту, нанести на нее маршруты десяти—двадцати или пятидесяти великих путешественников, и тогда вы увидите, что маршруты эти охватывают от силы 5 процентов территории. А все остальное было исследовано, изучено, нанесено на карту рядовыми геологами, географами, топографами—людьми скромными, мало известными. Каждый из них сделал не очень много, а все вместе—больше, чем знаменитости».

В. А. Обручев.

В КОЛЫМСКУЮ ТАЙГУ

Грустный иду по шумной улице Иркутска. Полчаса назад узнал, что в горный институт я не принят. «Поздно приехали. Дождитесь осени, возможно, будет дополнительный прием», — сообщили мне в канцелярии. Опоздал, обидно опоздал, пока выбирался с далеких Алданских приисков. Осеннего приема не дожидаться: сейчас май, а у меня всего двухмесячный отпуск.

Неожиданно кто-то хлопает меня по плечу.

— Ты откуда, Иннокентий, здесь?

Передо мной крепкий, атлетического сложения человек, с резким, энергичным профилем, черными, как смоль, волосами и веселыми карими глазами. Это мой знакомый по Алдану Сергей Раковский.

Я рассказываю о своей неудаче.

— Есть о чем горевать! Я сам было туда сунулся, доучиваться хотел, да знаешь что мне сказали в Союззолоте? «Учеба, конечно, дело хорошее, но пока вы — единственный поисковик-разведчик, знающий Колымскую тайгу, придется обожждать». Я, видишь ли, только прошлой осенью вернулся с Колымы. Бродил там с первой экспедицией Билибина.

«Давайте, — говорят, — собирайте людей и организовывайте там поиски и разведку золота». Едем, Иннокентий, с нами. Учиться никогда не поздно, вернешься оттуда — доучишься.

Порывистый, подвижной Сергей скоро получил мое согласие. Сказать по правде, долго меня упрашивать не пришлось.

Я мысленно представил бескрайние просторы Колымы, и во мне заговорила душа поисковика. Договорившись, что к августу я буду во Владивостоке, мы расстались. Мысленно я уже начал путешествие на Север. Благодаря Раковскому от прежнего огорчения не осталось и следа.

Мы познакомились с Сергеем Раковским пять лет назад на знаменитых Алданских золотых приисках, гремевших в период НЭПа. Я тогда работал десятником. В моем подчинении находились старательские артели, где собралась самая разношерстная публика.

— Что это у тебя за безобразие, народу на работе совсем не видно, — ворчал заведующий горными работами Гордей Федорович, обходя со мной участок, который я принял всего два дня назад. — Десять старательских артелей на участке, а работают только четыре. Остальные где? Пьянствуют?.. Если артели завтра не выйдут на работу, отнимем деляны, есть приказ. Первым делом предупреди артель Степана Дуракова, эти «студенты» уже пятый день не выходят на работу...

Вечером я разыскал Степанову артель.

В большой бязевой палатке стоял низенький стол, уставленный бутылками и закусками. На ковре лежало и сидело в самых непринужденных позах человек десять. Все спорили и кричали, перебивая друг друга.

— А, товарищ десятник, наше вам!.. Степан, принимай гостей! — раздалось несколько голосов.

— Иннокентий Иванович, проходите сюда, садитесь... — пригласил меня, приветливо улыбаясь, молодой человек в косоворотке с расстегнутым воротником. — Будем знакомы, Сергей Раковский, бывший студент, а ныне старатель.

Договорившись со Степаном, что завтра бригада выйдет на работу, я присел рядом с Раковским. Разговорились о том, как он попал в артель.

— Старателем-то я стал чисто случайно, — погрустнел Сергей. — Родителей я потерял еще в детстве. Осталось в семье пять человек, один другого меньше. Вырастили нас, перебиваясь с хлеба на квас, тетка и старшая сестра. С грехом пополам, подрабатывая уроками, закончил я школу и поступил в Иркутский университет. Но жить было не на что. А тут поползли по Сибири слухи о богатых золотых приисках где-то в тайге, на Алдане. Случайно мы встретились с Дураковым, он и уговорил нас, нескольких студентов, отправиться на прииски, подзаработать там на учение.

На Алданские прииски мы попали в самый разгар «золотой

лихорадки». Делянка попала богатая, заработали за лето хорошо. Вернулись в Иркутск. Трое моих приятелей-студентов принялись сразу за учебу, а мы со Степаном и остальными ребятами так «разгулялись», что никак не могли остановиться. «Ничего, — говорил Степан, — гуляй, ребята, заработаем».

К новому году, сдав последнее золото, мы рассчитали, что полученных денег нам как раз хватит, чтобы запастись продуктами и с ними вернуться в тайгу. Ну, и решили мы тогда пойти на прииски и снова заработать. И вот второй год уже тут, — поднялся Сергей проводить меня. — А думаете, скопил что-нибудь на учение? Как бы не так. Вот, может быть, этой осенью повезет.

...Степан Дураков сдержал свое слово. На следующий день артель вышла на деляну. Однажды вечером, когда я закончил съемку металла с прибора, ко мне подошел Раковский.

— Ну, до свиданья, Иннокентий Иванович! Сегодня последний день моем. Завтра идем в другой район...

— Ну, а как заработали?

— Заработали, что называется, заячий хвост да уши. С долгами рассчитаться не хватило. Пришлось отдать палатку и ковер, — засмеялся Сергей. — В общем торговали — веселились, подсчитали — прослезались.

Мне очень нравился этот неунывающий юноша, и, встречаясь с ним во время поездок по Алдану, я всегда интересовался его судьбой. Было видно, что Раковскому надоели мытарства по артелям. Но призвание свое он нашел, лишь когда познакомился с молодым инженером-геологом Юрием Билибиным, возглавлявшим одну из экспедиций на Алдане. Билибин в это время разрабатывал основы поисков и разведок россыпных месторождений.

Работа в экспедиции увлекла Раковского, и он навсегда избрал для себя профессию поисковика-разведчика.

Когда в марте 1928 года Билибин телеграммой предложил ему принять участие в экспедиции на еще не исследованную реку Колыму и подобрать для работы в экспедиции двенадцать человек, он согласился, не раздумывая, и подобрал действительно опытных, решительных и смелых, не терявшихся в трудных таежных условиях рабочих, в большинстве демобилизованных красноармейцев-сибиряков. Среди них был и Степан Дураков.

Вскоре Раковский уехал с Алданских приисков, и я не видел его до этой случайной встречи на улице Иркутска, встречи, которая положила начало моим колымским странствованиям.

Быстро промелькнул отпуск. И вот утром 28 августа, после почти месячного ожидания во владивостокской гостинице, я взбираюсь по крутым сходам на палубу грязного, обшарпанного, закрапанного пятнами красного сурика парохода.

Маленький буксир, содрогаясь от натуги, выводит тяжело груженное судно на середину бухты.

Низкий протяжный гудок, вспенилась вода за кормой, вздрогнул корпус — и медленно поплыла мимо панорама разбросанного на склонах сопот Владивостока. Все уменьшается, как бы уходя в море, зубчатая стена берега. Горизонт застилает синеватая мгла. Мы в открытом море.

На следующее утро просыпаюсь от неприятного ощущения. Меня, как на качелях, подкидывает то вверх, то вниз. Море неспокойно. Мимо иллюминатора проносятся вспененные гребни волн.

Иду умыться на корму. Здесь еще сильнее качает. Мимо меня, хватаясь за стенки коридора, проходят пассажиры с позеленевшими лицами. Смотрю на них с сочувствием. Вдруг чувствую приступ тошноты. И у меня начались приступы «морской болезни», о которой я слышался перед отъездом и в существование которой я, как человек, никогда не плававший в море, в душе не верил.

Выхожу на свежий воздух. Становится легче. Долго стою у борта, глядя на вздыбившуюся пучину. Что ждет меня там, в конце пути?..

К вечеру качка прекратилась. Отлежавшиеся пассажиры постепенно знакомятся между собой. Кто же едет на Север? Большая группа учителей, несколько бригад рыбаков, но больше всего народу едет на колымские прииски.

...Плывем в самом узком месте Татарского пролива. Пароход движется медленно, осторожно и все же к вечеру мы чувствуем, начинает задевать дно и, наконец, дернувшись всем корпусом, останавливается, основательно сев на мель. Обеспокоенные пассажиры выходят на палубу. Зайдя в кают-компанию, с удивлением вижу лоцмана, спокойно играющего с капитаном в преферанс. Мне пришлось однажды ехать на речном пароходе, который на одном из перекатов сел на мель. Тогда вся команда бегала, суетилась, волновалась, а здесь вдруг такое равнодушие.

Все стало понятно лишь после разговора с лоцманом. Мор-

ской прилив, достигнув наивысшей точки, снимет наш пароход ровно в полночь.

Утром мы уже спокойно плывем по сравнительно мелкому Амурскому лиману. Вся остальная часть пути протекает без всяких приключений.

На двенадцатые сутки, 8 сентября 1930 года, наш пароход подходит к бухте Нагаева. Море тихое и пустынное. Лишь изредка из воды выпрыгивают, подымая брызги, какие-то большие рыбы, кажется, дельфины. Один... два... три... И опять все спокойно. Слышно, как напряженно пыхтят машины парохода. Его старенький корпус сотрясает мелкая дрожь.

На горизонте показалась подернутая легкой дымкой полоска земли, она становится все шире и шире. Появились буре-вестники, чайки. Проходим мимо острова. Все заметнее и выше становятся голубые горы. Они как бы вырастают из воды. Я знаю, что бесконечные горные цепи тянутся в глубь материка, и мне, разведчику, не терпится узнать, что они таят в своих недрах. Кажется, сейчас же, прямо с парохода, отправился бы в экспедицию.

Много лет прошло, но до сих пор я совершенно отчетливо помню бухту Нагаева, какой я увидел ее осенью 1930 года.

Своими очертаниями она напоминает ковш. Справа, прижавшись к склону крутой горы, стоит пароход. Бывалые пассажиры мне объясняют, что он набирает пресную воду из ключа. Напротив в редком лесу виднеется несколько приземистых домиков из неотесанных бревен, а правее их, среди кустов стланика и редких лиственниц, белеют по кособору десятки бязевых палаток.

Не доходя полкилометра до берега, пароход застопорил машину, загрохотала якорная цепь, корпус последний раз вздрогнул и затих.

Мы приехали.

Подходит катер. Первым поднимается по трапу живой, среднего роста блондин с трубкой в зубах:

— Будем знакомы, заведующий Нагаевской базой Союз-золота.

Заведующий в нескольких словах знакомит с обстановкой. Большая часть горняков во главе с Раковским отправилась на прииски. Другая часть, — при этих словах лицо заведующего становится скучным, — испугавшись таежных трудностей, возвращается на «материк».

— А вас, товарищ Галченко, — обращается он ко мне, — отправим в тайгу в первую очередь. Ждут вас там. Вот только

не знаю, как вы доберетесь на лошадях до приисков. Это пять-сот километров, а зима на носу.

К полудню начинается прилив, высокий в здешних широтах. Волна за волной с характерным шорохом и шипением набегаёт на низкий песчаный берег бухты. Катер приступает к разгрузке парохода. В первую очередь цепляет баржонку с пассажирами и тянет ее к шаткому деревянному сооружению, которое служит причалом. Уставшие за долгое путешествие люди гуськом, торопливо, толкаясь, спешат на берег.

Здравствуй, колымская земля!

* * *

Вот уже несколько дней я ожидаю транспорта. С утра до вечера брожу по берегу вдоль бухты. Берег густо порос ольховником, выше виднеются корявые, изогнувшиеся в сторону моря однобокие лиственницы. Они одиноко торчат среди густых зарослей вечнозеленого стланика.

Есть в этом суровом пейзаже своеобразная красота. Я люблю бухтой до тех пор, пока холодный туман не прогоняет меня к палаткам. Здесь слушаю рассказы о Колыме. Когда же начнется мой путь в глубь тайги?

Наконец, утром 21 сентября конюх Степан «подает» нам девять белых низкорослых лошадей.

После настойчивых требований руководство базы решило отправить на прииски меня, Леонида Коффа, с которым мы знакомы еще по Алдану, и еще одного горняка. Степан тоже едет с нами. Судя по тому, как он опасливо оглядывается на лошадей, конюх у нас не блестящий.

— Не кони, а чертяки, — не очень смело говорит Степан, трогая свои длинные украинские усы.

Низенькие монгольские лошадки в самом деле храпят, косятся на нас и совершенно явно норовят лягнуть подошедшего к ним Леонида. Позже мы узнали историю появления на Колыме этих лошадей. Оказывается, Союззолото закупило на границе с Монголией тысячу степных, полудиких, необъезженных забайкалок. Далекий путь они переносили трудно. Когда же лошадей сгружали с парохода, они лягались, кусались, визжали, а одна выпрыгнула за борт и утонула.

Конюхи экспедиций, если не было других лошадей, брали забайкалок, которые помирней, и постепенно на конном дворе остались самые дикие. Их наотрез отказывались брать, и толь-

ко наш Степан, к великому удивлению работников конного двора, безмолвно потащил за собой этих лошадок.

Первых трех нам удалось с грехом пополам завьючить. Степан подвел четвертую лошадку с невинной кличкой Шалун. Конек был весь поцарапан, зло блестел глазами и задиристо выгибал шею. Когда он уже был почти завьючен, Леонид подошел к нему, решив что-то поправить. Шалун вдруг подпрыгнул, взбрыкнув обеими ногами. Не попади ему под копыта выюк, он перебил бы Леониду ноги. Затем Шалун оборвал уздечку и, волоча за собой выюк, бросился к морю. На берегу он упал на мокрый песок и начал кататься под хохот собравшихся зевак. Степан попробовал поймать его за узду. Шалун укусил незадочливого конюха за руку и исчез в лесу.

В этот день мы добрались только до конного двора. Вместо Шалуна нам обещали дать другую лошадь. На ней сильно хромающий Леонид должен был догнать нас на Оле.

Утром движемся в путь. Тропа вначале идет вдоль реки, затем петляет по топкому болоту. Лошади проваливаются, падают, сбрасывают выюки. Пройдя километров пятнадцать, намутившись, мы останавливаемся на ночлег.

Едва взошло солнце, наш караван снова растянулся по дороге. Идем вдоль берега моря, иногда приходится вплотную прижиматься к прибрежным скалам. Неожиданно на галечной косе видим двух медведей. Присмотревшись, мы заметили, что они лежат на спине, а лапы скрываются за поворотом, опять спускаются к морю, где на прибрежной гальке шевелятся полумертвые рыбы. Лошади, почуяв медведей, храпят, не слушаются поводьев, но вырваться не могут: с тяжелыми выюками на спине самая норовистая лошадь становится смирной.

Поздно вечером подошли к речке Оле. Переправляться, не зная брода, опасно. К тому же стало совсем темно. Недалеко от реки, выбрав место повыше, ставим палатки. Отпускаем пастись лошадей, разводим костер, пьем чай. Вокруг — хоть глаз выколи. Мерно шумит морской прибой, вдруг в палатку входит Степан и растерянно сообщает:

— Побачьте, начальники, река рядом с палаткой. На чай воду черпал, река далече от палатки была...

Мы выскакиваем из палатки и с ужасом убеждаемся, что окружены водой и отрезаны от лошадей. Их испуганное ржанье слышится где-то далеко в стороне.

«Прилив! — мелькает у меня мысль. — Он погнал назад речку, и она затопила окрестности». Со злобещим шумом при-

ближается вода. Слышится чей-то крик, и через несколько минут к нам подъезжает Кофф, мокрый с головы до ног.

— Чуть не утонул, раза два в темноте вместе с конем окунулся, — возбужденно говорит он, слезая с лошади. — Здесь же вас затопит, нашли где остановиться. Осенью приливы до девяти метров бывают. Отлив начнется в полночь. А сейчас только без четверти одиннадцать, — смотрит он на часы.

Мы лихорадочно начинаем громоздить на валежник выюки с консервами, на них ставим все, что боится воды. С шипением гаснет костер, его заливают вода. Наступает крошечная тьма.

— Вода, вода в палатке! — кричит Степан.

При трепетном свете зажженной спички видно, как множество мелких ручейков подступает к выюкам. Медленно тянется время... До двенадцати часов сидим в темноте на выюках. Наконец, вода, затопив на десять сантиметров пол палатки, останавливается и начинает медленно убывать.

Мы облегченно вздыхаем.

— Вот мы и познакомились с северными приливами, — говорю я, пытаюсь разжечь костер.

— Счастье наше, что начался отлив. Еще метра полтора воды, и плавать бы нам в море, — замечает Леонид, снимая намокшую одежду.

Утром мы осторожно переходим вброд быструю речку и вскоре попадаем прямо в центр Олы — небольшого поселка со старой заколоченной церковью в центре. Нас встречает орава худых, голодных и вороватых собак. Они лают, воют на все голоса. По вытертой на груди шерсти видно, что это ездовые собаки. Выбираем полянку посуше и прямо среди поселка ставим палатку.

Вдоль реки тянутся «поварни» — легкие постройки, около них сушатся растянутые сети, на вешалах вялятся юкола.

Жители почти сплошь камчадалы. Они говорят на русском языке, чуть шепеляво и мягко выговаривая буквы. В основном занимаются рыбной ловлей, промыслом морского зверя, зимой — охотой за пушным зверем и извозом на собаках.

На следующее утро, проснувшись, видим, что нашей обуви, вывешенной на ночь около палатки для просушки, и части немойтой посуды, легкомысленно оставленной Степаном у костра, нет.

— Однако, собачки съели, — говорят, сочувственно качая головами и разводя руками, местные жители. — Сама летом промысляет ездовая собачка, хозяйка ее не кормят — жирная, ленивая будет.

Вскоре мы находим и отбираем у собак часть посуды, основательно вылизанную, и сапоги с объединенными голенищами и изжеванными носками.

— Нет, я с вами на прииски не поеду, — говорит мрачно, но решительно Степан, с огорчением рассматривая остатки обуви, которую он смазал накануне нерпичьим салом. — Хиба эти собаки съедят ночью, хиба эти лошади-зверюги искалечат дорогой. Как хотите, а я здесь останусь, — категорически заявляет нам Степан. Усы его обвисли, весь он за этот короткий путь осунулся, выглядит жалким.

— Ну, что ж, оставайся, поедем одни, — единодушно соглашаемся мы.

В семи километрах вверх по реке — поселок якутов. Оттуда на днях должен был уходить на прииски транспорт в тридцать лошадей с проводником.

Мы собираемся ехать с ним.

Но пошли дожди, в реке поднялась вода. Проводник уверил нас, что в это время через реку вброд на лошадях не переправиться, а впереди четыре опасных брода.

28 сентября погода прояснилась. Решили больше не дожидаться попутного транспорта. С трудом завьючиваем отдохнувших лошадей и двигаемся вверх по реке.

Перед первым же ночлегом догоняем старателя Петра Лулева. Мы с ним познакомились еще в Нагаеве. Он со своим проводником возвращается на прииски. Решаем дальше двигаться вместе, так как они знают тропу и броды. Мы уже хорошо изучили повадки своих лошадей и ежедневно выючим их без большого для себя урона. Только однажды, перепутав лошадей, — они у нас все белые, — я второпях вскочил на необъезженного жеребца, за что был моментально наказан. На полном скаку он помчался к реке и вдруг остановился, как вкопанный, а я полетел с него вниз головой в воду.

С каждым днем становится все холоднее. Пожелтела трава, с тополей и тальника слетают последние листья, осыпаются желтые иголки лиственниц. По небу ползут тяжелые, темные снеговые тучи. Из них иногда сыплется ледяная крупа. Мы каждое утро со страхом выбираемся из палатки, ожидая увидеть снег. Прошли уже более ста километров, но тайга пуста и безлюдна.

Подошли к верховьям реки. В неглубоких протоках, как в садке, плавают стаи крупной кеты. Здесь она мечет икру. В руках Петра появляется несколько трепещущих рыб. Мы лакомимся свежепросоленной кетовой икрой, берем с собой не-

сколько рыбин — за Яблоновым хребтом кеты уже не будет.

Переваливаем хребет, покрытый мелким снегом, и спускаемся в верховья Экчана — одного из притоков Колымы. Находим старое зимовье. Здесь останавливаемся надолго: будем дожидаться, пока установится зимняя дорога. Дальше можно ехать только на оленях.

В зимовье тесно. Выбрав сухую полянку среди кустов, ставим с Леонидом палатку и удобно располагаемся в ней. Но блаженство наше длится всего лишь день.

На следующее утро мы с трудом выбираемся из провисшей палатки. За ночь ее почти завалило снегом. Снег, как клочья ваты, висит на кустах и деревьях.

Вокруг сверкают горы. Небо голубое и чистое. «Зима!» — радуемся мы. Всем нам не терпится скорее попасть на прииски. Но бывалый Петр Лунев охлаждает наш пыл — дорога установится еще не скоро.

Тянутся дни томительного ожидания. Чтобы скоротать время, мы с Леонидом, сделав себе лыжи, с утра до вечера пропадем на охоте.

Плоскогорье, где расположено наше зимовье, — любимое место кочующих эвенов. Многие из них приходят к нашей базе. Одежда оленеводов и охотников свидетельствует, что среди эвенов есть искусные мастерицы. Костюмы сшиты из выделанных оленьих шкур, пыжика и ровдуги. Обувь — торбаза, украшенные бисером, сделаны из прочных шкур с оленьих ног — камусов. На каждом эвене, будь то мужчина или женщина, — небольшой передник, ярко вышитый бисером, опушенный бобром или выдрой. У девушек и женщин передники более нарядные, обычно украшенные в несколько рядов серебряными рублями и полтинниками.

Сейчас, спустя четверть века, когда мне случается бывать в эвенских колхозах, я всегда вспоминаю свое первое путешествие по колымской тайге, зимовье и неприглядную кочевую жизнь эвенов. Зимой в морозы и в летние дни, когда полно «гноса» — комаров и мошки, им приходилось ютиться в своей урасе — примитивном сооружении из жердей, поставленных конусообразно и покрытых дырявой тонкой ровдугой. Как сейчас вижу: посреди урасы горит костер, в который грязная, прокопченная хозяйка без конца подкладывает дрова; дым немилосердно ест глаза, в спину дует ледяной ветер. Палатка с печкой кажется раем по сравнению с урасой, и наши гости эвены неохотно покидают нас, спрашивая, где можно купить печку с

палаткой. Но и в палатке становится уже холодно по ночам.

Сообща находим выход из положения.

Устраиваем несколько субботников, и вскоре около зимовья вырастает новый, высокий, с ошкуренными стенами барак. К ноябрьским праздникам справляем новоселье. Теперь эвены еще чаще приезжают к нам в гости. Мы пользуемся у них большим авторитетом.

Вспоминается такой случай. Как-то вечером привезли на оленях двух раненых охотников — отца и сына. Они неосторожно чистили оружие, и случайный выстрел из двустволки раздробил обоим руки и ноги. Особенно сильно пострадал старик.

Раны гноились. Первая помощь, которую оказали охотникам, состояла в том, что к ранам приложили шкуру специально убитого оленя, сверху перевязали грязными тряпками.

Уже пятый день несчастных лечил шаман — грязный, лохматый эвен, который, чтобы поддержать свой престиж, все время совался с помощью к нашему фельдшеру.

— Да не разводи ты мне тут заразу! Ишь до чего довел больных своим лечением, еще сутки — и началась бы гангрена, — возмутился тот.

Мы честью попросили шамана не мешать, и он, обиженный, уехал. После перевязки раненые впервые за пять суток уснули. На следующий день их увезли в Нагаево.

Эвены пришли нас благодарить. Мы пробовали воспользоваться благоприятным моментом, уговорить эвенов собрать олений транспорт и двинуться в тайгу.

— Голодают крепко на приисках. Продукты были на исходе, когда я уезжал, — сокрушался Петр.

Но наши гости заявили, что они не собрали еще оленей. Никому не хотелось ехать первым и проторять дорогу. Петр, махнув рукой, решил действовать сам. Через несколько дней ему вместе с двумя каюрами удалось организовать первый транспорт из оленей Союззолота, пасшихся около зимовья, и 20 ноября он уехал с продуктами на прииски. Мы проводили его с завистью. Всем нам надоело ждать, хотелось скорее взяться за дело.

Спустя день, вечером, к нашей базе лихо подкатили три нарты. В упряжке — белые ездовые олени. На них — богатая сбруя с бубенцами. С нарт слезли два эвена в пыжиковых кулешках. Один из них, коренастый, широколицый, важно вошел в барак и поздоровался с каждым за руку:

— Мин¹ князь Иван Громов.

Я с удивлением смотрю на «князя». Леонид шепнул мне:

— У этого нераскулаченного «князя» в тайге больше десяти тысяч собственных оленей. Всех бедных эвенов он держит в руках. И знаешь, что им толкует? «Русские придут, тайгу сожгут, оленей отберут...» Вот где, пожалуй, истинная причина, что мы сидим с тобой здесь без оленей.

— Еду договор с Союззолотом заключать! Много товару, спирту надо получить. Груз надо возить, пастухов кормить, — сообщил, отдуваясь, Громов. Его широкое лоснящееся лицо покраснело от выпитого спирта. Маленькие, заплывшие жиром глазки недоверчиво смотрели на нас.

Я глядел на этот живой анахронизм и думал: «Недолго, совсем недолго осталось тебе княжить в тайге!»

Утром Громов уезжал в Нагаево. Мы с Леонидом смотрели вслед упряжке: «Конфисковать бы ее у этого кулака», — мелькнула озорная мысль.

...Снова ожидание. А на приисках положение все хуже. Оттуда приехал уполномоченный управляющего колымскими приисками доктор Савенко.

— Везу корреспонденцию и буду наводить порядок в делах снабжения, — сообщает он. — Горняки голодают, осталась одна фасоль да заплесневелая мука. Насчет вас, — обращается он ко мне, — есть указание направить первым транспортом на прииски, а Коффа командировать в экспедицию Цареградского, куда он просился.

Леонид расплывается в улыбке: экспедиция — его давнишняя мечта.

Вместе с Савенко на двух нартах приехал плотный, подвижный, средних лет человек.

— Александр Швецов, — отрекомендовался он и тут же насмешливо спросил: — Сидите и олешек ждете?

Не получив ответа, он приступает к чаепитию. Чувствуется, что это человек бывалый. Взглянув еще раз на наши лица, он что-то быстро говорит на якутском языке приехавшему с ним каюру. И долго, обстоятельно что-то объясняет сидящим на корточках нашим постоянным гостям — местным эвеном. Говорит на их родном языке. Те постепенно начинают горячиться, стараясь что-то доказать.

— Вот пытаюсь завербовать для вас оленей у местных жителей, — сообщает он, наливая себе вторую кружку чая. — Это

¹ Мин — я (якут.).

занятие стало для меня чем-то вроде специальности. Все лето и осень подыскивал лошадей и оленей для экспедиции Цареградского. Туго ему сейчас приходится на приисках. Надо срочно организовать обоз, завтра поеду по стойбищам. Братьев Крохалевых во что бы то ни стало расшевелю. — И он начинает перечислять нам фамилии якутов и эвенов, селения, где он арендовал оленьи нарты. Мы с надеждой смотрим на Швецова. Нам все больше и больше нравится этот энергичный, напористый человек.

Я спрашиваю его, откуда он так хорошо знает оба местных языка.

— Как же не знать, я еще в одиннадцатом году вместе с отцом в эти края приехал. Мальчишкой совсем был тогда. Сначала телеграфистом работал в Охотске, затем на Яне факторией заведовал. В 1926 году приехал на Олу. И вот тогда, паря, произошло в моей жизни событие — решил золотопромышленником стать, — смеется Швецов. — Началось все со встречи с одним из моих знакомых по Охотску — Филиппом Романовичем Поликарповым. Вот он мне и рассказал, что есть на Колыме верное золото. Связана эта история с именем Бориски Сайфулина...

Мы внимательно слушаем. Швецов, раскурив короткую трубку, продолжает рассказ:

— В двенадцатом году Бориска приехал на пароходе в Олу вместе с уполномоченным коньячной фирмы «Шустов и К^о» Розенфельдом. Рассчитывали, видно, с помощью коньяка скупать за гроши пушнину у эвенов. Розенфельду, как мне рассказывал Поликарпов, удалось наладить переброску грузов с побережья через Купку на Колыму, в Сеймчан. Бориске в качестве конюха приходилось бывать на Колыме. В 1914 году Бориска, скрываясь от призыва, ушел в колымскую тайгу. Косил сено у сеймчанских якутов, охотился и рыбачил на реках Буюнде, Гербе и Оле. И, видно, как бывший старатель, все время искал золото на Колыме. В январе 1917 года богатый якут Александров, возивший грузы с Олы на Колыму, захватил с собой Бориску, по его просьбе, на реку Среднекан. В начале апреля, возвращаясь из Сеймчана, Александров снова заехал на Среднекан. В пяти километрах вверх по реке он нашел палатку и неподалеку, в устье небольшого ключа, увидел глубокую яму, а около нее мертвого Бориску. Похоронили его по татарскому обычаю — в сидячем положении в яме, им же самим вырытой. С тех пор пошла легенда, что Бориска нашел золото

и, увидев его, от радости умер. Кстати отсюда и пошло название «Борискин ключ».

Поликарпов клялся, что Александров и его спутники нашли у покойника золото, но не знали, что это такое, и помалкивали об этом. Я страшно заинтересовался рассказом Поликарпова. Отпустил ему в кредит продуктов на две тысячи рублей. Нашел транспорт и в марте 1926 года отвез Поликарпова и двух местных жителей к Левому Среднекану. Поликарпов облюбовал место и пробил линию шурфов. К маю выяснилось, что они все пустые.

Посоветовавшись, решили возвращаться в Олу.

Груз тащили на себе по распутице и к концу мая добрались, наконец, до ключа Безымянного, в трех километрах выше устья Среднекана. Ободрались все. Голодные. Настроение — хуже некуда.

Начали сооружать лодку, чтобы доплыть на ней до Сеймчана. Среднекан вот-вот должен был вскрыться. Поликарпов взял лоток и начал опробовать щетки на устье ключа Безымянного. И вымыл сразу несколько золотинок. Пробили шурф. На глубине полутора метров достигли скалы, и с первой же пробы Поликарпов намыл шестьдесят граммов тусклых, напоминающих масло песчинок.

— Это было первое юлымское золото. — Швецов снова набивает трубку, задумчиво глядя поверх наших голов. — Так вот, застолбили мы весь Среднекан. Подали заявки в Якутск, в горный округ. В сентябре нам ответили, что заявки опоздали. А тем временем Поликарпов на пароходе уплыл в Охотск, на прииски, оттуда вернулся на Олу с бригадой старателей в тридцать два человека. Набрали в кредит продуктов, и зимой 1926 года бригада его начала работать на устье Безымянного. Намыли они около двух пудов золота.

За ними потянулись с охотских, уже отработывавшихся приисков бригады старателей — русские, корейцы. Кто пешком, кто по морю.

— По нашей заявке Геологический комитет послал на Колыму летом 1928 года экспедицию Билибина. И вот сейчас я работаю в этой экспедиции, — заканчивает Швецов и снова принимается за чай.

Встав из-за стола, он, к нашему удивлению, крестится на пустой угол зимовья...

— Дипломатический маневр, — говорит он, показывая глазами на стариков эвенов, одобрительно поглядывающих на него. — Помогает при заключении договора на аренду оленей.

И Швецов снова начинает степенный разговор с эвенами, уговаривая их скорее вести грузы на прииски.

Швецов оказался человеком необычайно настойчивым. Трудно сказать, сколько раз принимался он уговаривать эвенов, пока они, наконец, не согласились тронуться в путь.

...Вторые сутки мы едем на прииски. Каждое утро после чая наши каюры, надев лыжи, отправляются собирать оленей. Старуха эвенка, жена одного из каюров, варит мясо. Длинным кожаным «маутом» отгораживаем полукруг среди деревьев, загоняем туда оленей.

Часам к одиннадцати нарты запряжены. Закусив вареным мясом, двигаемся дальше. К двум — трем часам, сделав пятнадцать — восемнадцать километров, останавливаемся на ночлег. Через два — три дня езды днюем. Словом, если быть точным, мы не едем, а медленно кочуем. Стоят сильные морозы. Я впервые сталкиваюсь с такой температурой и по неопытности обмораживаю нос и щеки.

Целых два дня задерживаемся у родственников нашего каюра Михайлова, поставивших свои урасы у Талого ключа.

Над горячими источниками клубится пар, олени жадно пьют теплую воду и энергично начинают выкапывать из-под снега ягель. Он здесь, видимо, особенно вкусный.

На третий день, отъехав немного от Талых ключей, встречаем олений транспорт, везущий больных с приисков.

— Торопитесь, ребята, голодает народ, совсем жрать нечего, — мрачно сообщает мне заросший бородой старатель. Он пластом лежит на нарте.

Но мои требования скорее двигаться остаются гласом вопиющего в пустыне.

Вечером Михайлов, поморщив лоб, что-то подсчитывает и сообщает:

— Праздник завтра. Зимний Никола. Дневать будем.

— Как? — возмущаюсь я. — Вчера дневали.

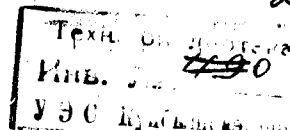
— Нельзя работать — грех. Никола сердиться будет, — поддерживают его другие каюры.

Я проклинаю всех святых.

Наконец, преодолев перевал, стоим у темного, покосившегося креста. На него суеверные каюры привязывают длинный красный лоскут на счастье.

Спускаемся в долину Среднекана, до первого прииска осталось шестьдесят километров.

К вечеру на дороге показываются клубы пара. Навстречу нам идет оленья упряжка.

С удивлением узнаю в первом из встречных Петра Лунева. Он направляется ко мне.

— Здорово, Иннокентий! Заворачивай лыжи! У меня есть распоряжение для тебя — вместе с нами возвращаться обратно.

Я гляжу на него, ничего не понимая.

Петр передает мне пакет. Подпись управляющего прииска-ми и заведующего разведками Раковского. Мне надо возвращаться назад, в бухту Нагаева, набрать там десять рабочих, получить продукты и инструмент и вместе с Петром ехать разыскивать ключ, найденный дорожниками в другом конце тайги. Нам предстоит проехать на оленях более тысячи километров и успеть к весне шурфами разведать ключ.

Сейчас конец декабря, времени в обрез. Несмотря на всю неожиданность поручения, в душе я доволен, что мне доверили самостоятельное дело. Во мне уже заговорил поисковик-разведчик. Что может быть радостнее открытия! Ведь там, где мы, геологи, прокладываем первую тропку, вырастают затем поселки, предприятия, начинается новая жизнь.

Я долго сижу, задумавшись, у костра...

Утром выбираем шесть крепких оленей и на двух нартах, налегке, движемся обратно. Транспорт продолжает свой путь на прииски.

Через пять суток мы — в бухте Нагаева.

РАЗВЕДКА ЗОЛОТА

Уже три дня, как мы с Петром Луневым прибыли на Олу. Основная часть нашего маленького отряда, состоящая из десяти рабочих, бригадира старика Пятилетова и двенадцати лошадей, навьюченных продуктами и снаряжением, уже ушла в тайгу.

Сегодня и мы на двух собачьих упряжках движемся вверх по реке.

— В момент нас собачки домчат до привала. По сто километров в день делают по хорошей дороге. Послезавтра догоним наш транспорт, — уверенно заявляет Петр, усаживаясь на нарты позади Макара — нашего каюра камчадала.

Я впервые еду на собаках. В длинную, узкую, легкую нарту, скрепленную ремнями, впряжено попарно двенадцать собак. На нарте, на расстоянии трети ее длины от передка, прикреплена изогнутая дугой палка, при помощи которой легко одетый и подвижной каюр Макар, то и дело соскакивая, направляет

нарту. Груза на нарте вместе с нами более двухсот килограммов.

— Хак! Хак! Вперед! Вперед! — кричит Макар на упряжку, вырвавшуюся на гладкий лед.

Собаки бегут быстро, со скоростью до двадцати километров в час. В передней паре два опытных вожака — Пестряк и Рябчик. Они хорошо усвоили и четко выполняют несложную команду каюра: «Тах-тах» — направо, «кук-кук» — налево, «той-той» — стой и «поть-поть» — кругом. Пестряк и Рябчик ведут за собой всю упряжку, выбирая наименее трудную дорогу.

Приблизительно через час езды останавливаемся. Макар с моей помощью переворачивает нарты, очищает полозья от налипшего снега, достает из-за пазухи бутылку с водой, смачивает шкурку и натирает ею полозья.

Взглянув на мое удивленное лицо, Макар поясняет: корочка льда уменьшает трение и при езде, постепенно стаявая, смазывает полозья. Таким образом, собаке легче тянуть нарту.

Систематически, через каждый час езды, повторяется смазка полозьев и пяти-десятиминутный отдых для собак.

Каюр меняет местами собак, идущих справа от ремня упряжи — на левую сторону, а идущих слева — на правую сторону. Лентьев перепрягает ближе к нарте.

— Умные у меня, послушные вожаки Пестряк и Рябчик, — хвалит Макар своих собачек, оборачиваясь ко мне.

Неожиданно из кустов тальника поднимается стайка куропаток и летит, пересекая долину. Собаки, увидев птиц, дружно рванулись за ними.

— Той! Той! — диким голосом кричит Макар, тормозя остолом.

Но окованный железом конец палки скользит по гладкому крепкому льду. Собаки, не разбирая дороги, задрав головы, как обезумевшие, мчатся вслед за летящими птицами.

Не удержавшись на прыгающей нарте, я слетаю с нее и больно ударяюсь коленями об лед. Макару удается перевернуть нарту. Протасив ее на боку сотню метров, упряжка останавливается: собаки запутались постромками в кустах.

Прихрамывая, подхожу к нарте. Макар с помощью остала уже водворил порядок в упряжке. Едем дальше. Макар с упреком смотрит на вожakov, не оправдавших его характеристики.

Навстречу идет олений транспорт.

Собаки, несмотря на недавнее крепкое «внушение», молча устремляются к оленям.

— Той! Той! — надывается Макар. — Не удержим — разорвут олешек, людей покусает собачки!

Совместными усилиями мы переворачиваем нарту. Собаки останавливаются.

Олени, оглядываясь, стороной обходят нас.

Вечером, сделав около ста километров, мы останавливаемся ночевать на зимовье. Наши каюры выдают голодным собакам кету — каждой по одной сухой рыбине и по кусочку тюленьего жира. Моментально управившись с едой, собаки, свернувшись калачиком, укладываются вокруг нарты на ночлег.

Весь следующий день мы едем почти без остановок и к вечеру уже догоняем наш конный отряд.

Дальше можно двигаться только на оленях.

— На перевалке олени есть, двадцать четыре нарты. Принадлежат они Петру Атласову, его здесь зовут «Атаман». Атласов согласен везти нас к ключу. Он дорогу в те места знает, — радостно сообщает мне старик Пятилетов. Через два дня, по его словам, можно выезжать.

За дорогу в нашем отряде как-то сами собой распределились обязанности. Старик Пятилетов — наш завхоз. Он же шеф-повар. Ему помогает хозяйственный, молчаливый Иван Волков, земляк Пятилетова.

Ваня Яковенко, лихой кавалерист в прошлом, свою любовь к лошадям перенес на оленей. Помогая нашим каюрам, он самостоятельно ведет обоз из четырех нарт. Глядя на него, Сергей Захаров, юноша со средним образованием, как он любит упомянуть при случае, тоже берется вести три нарты. На его нарте лежит укутанная, словно ребенок, гитара. Сергей бережет ее пуще глаза.

Молчаливый парень Вениамин Рождественский держится в стороне. На стоянках он так же молча и очень добросовестно заготавливает дрова. Есть у нас еще один «молчальник» — Андрей Соллогуб, «американец», как прозвали его рабочие. Несколькими годами он скитался по Америке и сбежал оттуда, как он говорит, «от хорошей жизни». Ребята смеются над ним, что он и свой родной язык забыл и по-американски не научился. Я с трудом понимаю его белорусский говор. Соллогуб по вечерам охотно объясняет удобства и дешевизну проходки шурфов с помощью бойлерной оттайки мерзлых грунтов.

Степан Ложкин с шутками и прибаутками колет дрова, таскает их в палатку. За ночь уходит много дров.

После ужина, которому предшествует сто граммов разведенного спирта, начинаются бесконечные рассказы.

Вниманием слушателей овладевает обычно Костя Пичугин, разбитной москвич, очень красочно рассказывающий о своих похождениях во Франции, куда он попал в первую империалистическую войну с корпусом русских солдат, посланных на помощь союзникам.

Когда запасы различных историй истощаются, Ваня Яковенко достает свою гармонь. И над заснеженными колымскими просторами льются грустные украинские песни. Особенно любит их слушать наш каюр, высокий жилистый Петр Атласов. Он во многих отношениях примечательная личность. Прозвище «Атаман» он получил от эвенов, потому что непременно возглавлял всякое новое начинание. Все делал по-своему, вопреки желанию кулаков. И сейчас он вел поисковиков в новые места на зло кулакам. Быстро, насколько позволяет бездорожье, везет он нас на своих оленях.

Каждый вечер, сев на корточки и закулив свою самодельную трубку, он расспрашивает меня о новой жизни, о советской власти. Лицо его постепенно темнеет от гнева.

— Однако, у «князя» Громова, у «генерала» Зыбина, у братьев Крохалевых оленей надо отбирать. Колхоз делать. Много у них в тайге стад пасут пастухи. Больше тыщи оленей. Совсем бедный стал эвен. Всех оленей забрали они в свой стада, — порывисто говорит «Атаман», размахивая трубкой.

— Скоро придет в тайгу новый закон, — стараюсь успокоить я Петра, — отберут у кулаков оленей. Лучше станут жить эвены.

Но успокоить нашего каюра трудно.

Каждый день перед нами разворачивается однообразная панорама: бескрайние белые хребты, покрытые редкой щетиной темных, словно обугленных лиственниц. Лишь изредка это снежное безмолвие нарушается глухим, похожим на отдаленные пушечные выстрелы гулом: где-то рвет морозом лед.

Впереди на широких, обтянутых камусом лыжах пробивает дорогу «Атаман», ведя за собой упряжку оленей, которые тянут легко груженные передние нарты. За ним идет весь наш отряд. На наше счастье, снег на реке неглубокий, наледей еще нет. Мы делаем в день по пятнадцать—двадцать километров.

На пятый день пути впервые встречаем людей.

На берегу реки видны две конусообразные эвенские урасы. От них столбом поднимается дым. На пологом склоне сопки пасется большое стадо оленей.

— Однако, «генерал» Зыбин кочует. Его стадо. Богатый старик. Три тысячи оленей имеет, — говорит Петр и тихо до-

бавляет: — Скупой старик... Ночевать вместе не будем, дальше пойдем, иначе наши олени у Зыбина в стаде будут...

Около урасы нас встречает сам Зыбин. На вид это уже дряхлый старик. Около него стоит молодая женщина с ярким румянцем во все лицо. Мы приняли ее за его внучку. Оказалось — жена.

Старик вежливо, с достоинством здоровается с нами, небрежно и холодно с Петром и приглашает зайти в урасу.

За чаем, угостив хозяев своими продуктами, договариваемся, что Зыбин нам продаст на мясо несколько оленей.

На следующий день, взвалив на лошадей олени туши, мы продолжаем свой путь. Чем ближе приближаемся к цели, тем больше у нас разговоров о ключе дорожников.

— Найти бы такое золото, чтобы приискковое управление туда переехало. Ближе это будет к бухте Нагаева, — мечтательно говорит Петр, рассматривая со мной схематическую карту. — В картах я слабо разбираюсь. Вот доведу вас до юрты якута Дмитрия Заики, он расскажет, где ключ искать. — Петр, вздохнув, еще раз смотрит на карту. — Ну, пора спать, завтра большой переход.

На другой день к вечеру проезжаем, решив не останавливаться на ночлег, мимо бедной, одинокой якутской юрты. Пока наши остановились у реки на водопой, мы с Петром расспрашиваем хозяина, — это и есть Дмитрий Заика, — где искать ключ дорожников. Дмитрий, в самом деле страшно заикаясь, объясняет:

— Проедете ниже юрты километров десять, слева в реку Бахачу впадает маленькая речка Мончана. Там в одном из ключей они мыли золото.

— Ну, теперь ясно, где нам искать! Найдем! — уверенно говорит Петр, выходя из юрты.

Вечером, чуть выше устья реки, о которой говорил Дмитрий, на высоком берегу устраиваем бивак. Из ущелья, где находятся Бахачинские пороги, дует порывистый ветер, гонит поземку... С огромным трудом натягиваем надувшуюся, как парус, палатку, укрепляем ее камнями, чтобы не сорвало.

Утром отправляемся на поиски.

Происхождение долины Мончана явно ледниковое. Формой она напоминает огромное корыто. Вся долина покрыта наледью. Поверх льда местами бежит вода, и над нею столбом стоит туман. Да, для наших оленей места неподходящие.

Мы с Петром идем вперед. У меня в руках схема-карта, по которой я стараюсь найти ключ.

— Вот в этот, третий справа ключ и надо идти, — доказывает Петр.

— Нет, в следующий, третьего распадка нет на карте, — уверенно говорю я, направляясь к устью следующего маленького ключа, где вскоре обнаруживаю на лиственнице белый затес «кл. Дорожников». Радостно зову к себе всех остальных участников экспедиции.

— Мы у цели!

* * *

Уже второй месяц мы ведем разведку, пересекая всю долину ключа шурфами.

Пятилетов, промывая пробы, качает головой и недовольно ворчит:

— Нет самостоятельного золота! И пласт золотоносный тонковат. — Он резко выбрасывает содержимое лотка. — Не такая у меня думка была про этот ключ. На Среднекане и Утинке золото лучше. Туда, ребята, надо подаваться на старание.

С коротенькой запиской и пробами отправляю Петра в Колымское приискковое управление.

Спустя месяц «Атаман» привозит весть, что к нам направляется геологопоисковая партия инженера Цареградского. Мне приказано завербовать к ее приходу необходимое число рабочих. Но увы! Даже те, кто пришел со мной на этот ключ, не хотят ни единого дня оставаться здесь дальше.

Сколько я ни уговариваю их — все безрезультатно.

— Идем на старание, подзаработать надо.

— Айда на Среднекан, ребята. Золото там богатое, — подбивает всех заядлый старатель Лукьянов.

И они тянутся за ним.

— Напьюсь же я там! — мечтает вслух Пичугин, проживший почти два месяца на сухом законе.

— Скучно здесь — одни, как волки, забились в тайгу и сидим, — говорит Степан Ложкин.

— А на приисках жизнь веселая? — колеблется Яковенко.

— Старательская вольница, — размахивает руками Лукьянов, — идем, ребята, ей-богу, не пожалеете...

— Ну, а я уже стар таскаться за фартом, свое отходил, остаюсь здесь, — закуривая, решительно говорит старик Пятилетов.

Наутро мы вдвоем с Пятилевым грустно смотрим на удаляющиеся олени упряжки. Они увозят наших разведчиков.

Весна в разгаре. На реке блестит, как полированная сталь, наледь. По ней вниз по течению бегут, быстро перебирая но-

гами, олени, падают, поскользнувшись, вскакивают и опять бегут, все удаляясь от нас. Мы остались вдвоем.

Через несколько дней по ключам пошла весенняя вода. Мы с увлечением моем на лотках золото для ситового анализа.

Опытный промывальщик Пятилетов учит меня всем тонкостям этого дела: как взять, как промыть пробу.

По левому склону долины, где уже сошел снег, обнаруживаем серию кварцевых жил. Начинаем летние поисковые работы.

Через несколько дней, на заре, я просыпаюсь оттого, что меня кто-то трясет за плечо. С удивлением вижу Цареградского, с которым мы познакомились в Нагаеве вскоре после моего приезда на Колыму.

— Нечего сказать, горазды понежиться. На дворе день, а они спят, — смеется он.

Растерянно смотрю на часы — три часа утра... — Цареградский хохочет еще громче.

— А мы вчера через гранитный массив напрямик решили махнуть, — насмеявшись вдоволь, говорит Цареградский. — Сегодня утащим вас в наше логово. Там договоримся о дальнейшей работе.

В ПОЛЕВОЙ ПАРТИИ

В обход гранитного массива идем вдоль реки Бахапчи, несящей свои мутные воды вровень с берегами. Тайга уже зазеленела, лиственницы покрываются нежными иголочками хвои. Я срываю тонкие веточки, обкусываю и жую чуть кислую, но приятную на вкус свежую сочную хвою.

Перед самой юртой Дмитрия на легком долбленом ботике переплываем через боковую протоку Бахапчи. Вглядываюсь в перевозчика... Так и есть!.. Степан Дураков, мой старый знакомый по Алдану.

— Работаю вот в партии у Валентина Александровича прорабом-поисковиком. Сейчас ждем арендованных у колхоза лошадей. Как придут, двинемся работать в тайгу, — говорит Степан, легко работая веслом. — Ишь, какой высокий паводок. Скоро тундровая вода пойдет, с ней сплав ожидаем с грузом для приисков, — сообщает он мне, пока ботик наконец пересекает протоку.

На берегу нас встречает по-летнему легко одетая улыбающаяся женщина.

— Моя жена, Мария Яковлевна, работает в нашей партии коллектором, — говорит Цареградский.

Чуть прищурив близорукие глаза, она приглашает нас в палатку.

После чая Цареградский знакомит меня с заданием нашей партии.

— Мы будем вести поисковые работы двумя отрядами. Я постараюсь обработать левобережье Бахапчи до вершины. Говорят, что речка берет начало из озера. Сделаю маршрут на реку Колыму. Вы же будете искать в окрестностях ручья Дорожников, между Бахапчей и Колымой, выше порогов. Площадка эта во всех отношениях интересна и перспективна.

Несколько дней, ожидая, когда подойдут лошади, мы разведем окрестности.

15 июня появляются первые кунгасы сплава. На одном из них я узнаю Ивана Яковенко и Михаила Борисенко.

— К вам приплыли поработать в полевой партии. Ну, какие из нас старатели! — смущенно говорят они мне.

Мы охотно берем их в партию.

Вечером два якута каюра приводят нам восемь белых лохматых якутских лошадей.

— Оротукский колхоз прислал! В экспедиции работать, — сообщает нам по-русски старший каюр. Заметив, что мы удивились чистоте его речи, он добавляет не без гордости: — Грамотный я. Это Афанасий вот только первый раз русских видит, — кивает он на молодого улыбающегося якута, — не знаю, как говорить с ним будете...

— Ничего договоримся, — успокаиваем мы его.

Через несколько дней наш отряд на четырех лошадях уходит к реке Колыме. В отряде, кроме меня и каюра Афанасия, — Иван Яковенко и Михаил Борисенко. Старика Пятилетова из-за приступа ревматизма пришлось оставить.

С каждым днем появляется все больше и больше мелких нахальных комаров, которые тучами преследуют нас, мешая работать. Кожа у нас еще не приобрела иммунитета, поэтому укушенные места распухают и чешутся. Лица наши настолько изменились, что мы с трудом узнаем друг друга. А в сетках работать тяжело и душно.

Мы с Михаилом идем впереди. Я веду съемку, он помогает брать шлиховые пробы. За нами, выбирая дорогу, первых двух лошадей ведет Иван, позади него меланхолично вышагивает наш молчаливый Афанасий. Он беспрекословно слушается во всем бывшего буденновца, знатока лошадей.

Вот лошади вышли на широкую наледь, легко и весело идут по блестящему панцирю, рассыпающемуся под копытами на

мелкие ледяные иглы. Комары постепенно отстают. Местами встречаются глубокие канавы, промытые водой в двух-трехметровой толще. Мы вместе с лошадьми перепрыгиваем через узкие ледяные расщелины и продолжаем двигаться вперед.

— Тахто! Тахто! — раздается истошный крик Афанасия. Мы оглядываемся и видим, что задняя лошадь, проваливаясь в узкую канаву, тянет за собой отчаянно упирающуюся переднюю лошадь. Подбежав, я ножом перерезаю повод, и общими усилиями мы стараемся вытащить испуганное животное. Но оно проваливается все глубже, вот уже беспомощно стоит по брюхо в ледяной воде... Только через час, вспотевшие от усилий, боком вытаскиваем лошадь из канавы, но она не может стоять на окаменевших от холода ногах и валится на лед. До теплой, нагретой солнцем земли ее надо тащить с километр. Это нам не под силу. Мы подстилаем под лошадь ветки, но движения ее становятся все более вялыми, и через час у нее окончательно исчезают признаки жизни.

«Придется составлять акт и подробно описать обстоятельства гибели лошади, — думаю я. — Никто не поверит, что она замерзла в разгаре лета».

Приближаемся к вершине реки. Здесь намечаем места для зимней разведки.

— Перевал скоро будет. Хороший перевал с Мончана на Колыму-реку, — говорит нам Дмитрий, объясняя дорогу.

Но, увы, идет мелкий дождь, вершина реки покрыта туманом, и никакого перевала мы не видим. Двигаемся по руслу реки, выбирая из боковых протоков те, в которых больше воды. Вот русло реки суживается, путь то и дело преграждают гранитные валуны. Туман становится гуще. Неожиданно мы упираемся в скалу, с которой шумно низвергается водопад. С трудом поворачиваем лошадей обратно.

Только на следующий день мы, наконец, находим невысокий перевал, покрытый сланцевой щебенкой, и, обойдя гранитные массивы, попадаем в вершину речки Конго, небольшого притока Колымы.

Приближаемся к самой Колыме. Впереди синеют сквозь тонкую дымку горы на противоположной стороне реки.

— Разрешите с лошадьми идти вперед, — просит меня Иван. — К вашему приходу чаек будет готов, да и рыбка на уху!

Идем вдоль реки. Легко двигаться по намытым ровным косам. Раздвигаю густые кусты тальника и выхожу на почти пересохшую небольшую протоку. *Мое внимание привлекает какое-то движение в небольшой ямке с водой. Присматриваюсь

и с удивлением вижу, что яма вся заполнена крупными черными хариусами, «морсовиками», как называют их на реке Ангаре. Воды в ямке так мало, что верхние плавники рыб находятся в воздухе. Мы моментально руками вылавливаем штук тридцать крупных хариусов.

— Вот это улов! — восхищается Михаил, укладывая рыбу в рюкзак.

Около палатки, которую проворно поставили наши рабочие, каюр с гордостью показывает двух больших линьков и до двух десятков хариусов, пойманных Иваном — нашим неугомонным рыболовом. Зовем рыбака и вываливаем из рюкзака к его ногам наш улов.

— Вот это—да! — разочарованно скребет затылок Иван. — Интересу никакого нет рыбачить — закинул удочку и уже клюнуло...

В тот вечер мы не могли съесть свой улов.

Делаем по долине реки Колымы несколько маршрутов вверх и вниз от устья реки Конго, и мне становится ясно, что в этом месте река пересекает явно золотоносную окварцованную зону. В ряде мест по реке мы вымываем промышленные пробы.

— Долежало золото нетронутым в тайге до настоящих хозяев, — задумчиво говорит Михаил Борисенко, рассматривая пробу.

8 августа мы возвращаемся к юрте Дмитрия и застаем там одного лишь толстяка Гарнова, завхоза экспедиции.

Завхоз рассказывает нам, что Цареградский три дня тому назад вернулся с Колымы, он ходил в маршрут до местности Санга-Талон — «Новые Луга», а сейчас ушел к вершине реки Бахапчи и вернется дней через пять.

В записке, адресованной мне, Цареградский сообщает, что есть сведения о прибытии в бухту Нагаева экспедиции Билибина и что нам придется сплавляться по Колыме до базы экспедиции.

* * *

— Все, что боится воды, — коллекции, карты, полевые и пикетажные книжки, инструмент — пойдет на лошадях в обход порогов, — говорит Валентин Александрович Цареградский, затягивая ремни на последнем ящике. — Думаю, почти уверен, что вы сумеете перевалить через эту гранитную цепь, — говорит он мне не совсем уверенным тоном, — а нас через пороги на плоту сплавит наш знаменитый лоцман Степан.

— Конечно, как-нибудь проплывем! — откликается тот.

Мы трогаем лошадей.

— Счастливо перебраться через хребет. Будем вас ждать за порогами, — кричит нам вдогонку, махая рукой, Мария Яковлевна.

Я смотрю на высокий гранитный хребет и нащупываю глазами пологие темные контуры хребта, места контактов гранитов со сланцами, зная по опыту, что только там возможен перевал.

— Однако, дороги нет. Назад вернемся, — уверенно говорит Винокуров, закуривая трубку.

— Перевалим! — успокаиваю я его и себя.

— Ой, не знаю, как мои старые ноги перенесут меня через эти проклятушие горы, — сокрушается Пятилетов.

— Знаешь что, дед, — обращаюсь я к нему, — оставайся здесь, в бараке, караулить груз. Первой зимней дорогой мы вернемся сюда, будем продолжать разведку.

— Да как же я тут один останусь? — сморщенное лицо Пятилетова расстроено.

— Ну что тебе, старому волку, впервые что ли оставаться в тайге одному, — стали вдруг уговаривать старика Иван и Михаил, боясь, чтобы не оставили их.

Старик замолчал. На следующий день со слезами на глазах он прощается с нами.

В душе мне жаль Пятилетова. Но кого-то надо оставлять, а он аккуратный, честный и опытный таежник и больше других здесь на своем месте.

По сланцевой насыпи зигзагами упорно лезем вместе с лошадьми к перевалу. Легкие, кажется, разрываются от напряжения, но метр за метром мы поднимаемся все выше.

Вдруг неожиданно сланцевая осыпь начинает с шумом двигаться, и мы с лошадьми ползем вниз. И снова, на этот раз уже осторожнее, карабкаемся вверх.

Наконец и люди и лошади, тяжело дыша, потные, стоят на гребне перевала, обдуваемые холодным осенним ветром. Анероид-высотометр показывает 1 150 метров. Пасмурно. С запада движется темная дождевая туча, солнца не видно. Быстро начинает темнеть. Поправляем вьюки. Каюр Винокуров смотрит на спуск, заросший внизу густым стлаником. Он значительно круче, чем только что преодоленный подъем. Каюр укоризненно качает головой.

— Однако, лошади ноги здесь сломают. Наказание, — говорит он и, выбрав направление, начинает зигзагами спускаться вниз.

Спускаться с гор всегда труднее, чем подниматься, лошади садятся на задние ноги и не хотят идти, их приходится тянуть за узду. Вьюки сползают им на голову. Быстро темнеет. Где-то вдалеке гремит гром. Накапывает дождь. На душе тоскливо.

Вдруг идущие впереди лошади начинают боком ползти по осыпи. От неожиданности каюр выпускает повод и сам ползет вниз, цепляясь за кусты. Лошади, докатившись до кустов стланика, перевертываются, в воздухе мелькают их ноги, затем они совсем скрываются из виду. Лишь слышится шум и треск: тяжело навьюченные лошади продолжают катиться вниз.

Винокуров, уцепившись за куст, оцепенев, секунду смотрит на падающих лошадей и затем с криками, путая русские и якутские слова, кидается вниз.

Я мчусь вслед за ним, обдирая лицо и руки о корявый стланик, и вижу Винокурова, прячущего нож в ножны. Со страхом осматривает он свою любимую лошадку, шупает ее ободранные ноги.

Конь, как ни в чем не бывало, стоит на всех четырех ногах со сбитым набок вьюком и грустно шевелит репицей, где вместо пышного хвоста остался лишь пучок коротких волос.

— Ноги целы, ехать можно, — говорит Винокуров, поправляя вьюки и сбрасывая с них остатки разбитых вдребезги лотков.

Наших спутников не видно, сколько мы ни кричим, никто не отзывается. Слышатся лишь порывы ветра и шум дождя.

Становится совсем темно.

— Как будем ночевать, палатка и печка у ребят, — устало говорит Винокуров, вытирая с лица дождевые струи. Нам становится не по себе. Неожиданно, бросив взгляд на одну из лошадей, я замечаю свой вьюк. Там у меня легкая палатка, накомарник на двух человек и кавказская бурка. Мы сразу приободряемся. Теперь хоть есть где спрятаться от дождя.

С трудом разжигаем костер и мокрые, продрогшие, под защитой бурки пьем, обжигаясь, чай. Постепенно костер из сухого стланика разгорается, и ему уже не страшен дождь. Отставших нигде не слышно, никто не откликается даже на выстрелы.

— Что с ними случилось? — беспокоюсь я.

— Да ничего, наверно, — успокаивает меня Винокуров.

Чаепитие кончено. С неохотой покидаем мы костер, на четвереньках забираемся в мокрую палатку-полог и засыпаем, как убитые, под мерный шум дождя.

Солнце уже стоит высоко, когда мы с трудом открываем глаза. В палатке душно. От земли поднимается густой туман.

Винокуров сразу же идет искать лошадей.
Вдруг совсем близко — выстрел. За ним второй.
Я откликаюсь.

Продираясь сквозь густой стланик, подходят наши спутники.

— Наказание! Вот наказание! — непрерывно повторяет Афанасий понравившееся ему русское слово, устало сядя около костра и закуривая самодельную трубку.

— Как кулики на болоте, всю ночь на выюках просидели, ни капельки не спали, темень, дождь, где вас найдешь, — говорит Иван, начиная развьючивать лошадей.

После обеда движемся вниз по густо заросшему стлаником ключу. В честь Афанасия называем ключ «Наказание». Но опробование вести нечем, оба наших лотка вдребезги разбиты. Моей досаде нет предела. Состав гальки по косам и кварцевые жилы, встречающиеся в обнажениях, — все говорит за то, что золото здесь есть. Прорубая дорогу среди корявых лап стланика, мы медленно движемся вперед.

Поздно вечером, измученные, основательно ободренные, останавливаемся на ночлег.

На следующий день идем в густых зарослях молодого лиственничного леса. Осыпи круглых валунов гранита по возможности обходим стороной.

— Чистое наказание! Да, наказание! — ругается Винокуров, со страхом проводя лошадей по осыпям валунов.

Но мы идем и идем, стараясь скорее выйти к реке Бахапче до наступления темноты.

— Ну, я дальше идти не могу. Давайте устраиваться на ночлег! — заявляет Миша, усаживаясь на валун.

— Поднимайся, поднимайся! Два километра — и будет река! Там нас ожидает Цареградский, — говорю я ему раздраженно, хотя сам, признаюсь, с трудом передвигаю ноги.

Он медленно встает и, спотыкаясь, бредет дальше.

Слышится слабый шум. Лошади и люди зашагали быстрее.

— Ждут нас, наверное, ребята, им что, три часа проплыли по порогам, как на поезде, — и на месте, а мы третий день как черепахи ползем, — говорит Иван, ускоряя шаг.

Вот и берег реки. Мы вышли ниже последнего, самого страшного трехкилометрового порога «Сергеевского». Все русло реки завалено огромными гранитными валунами. Вода стремительно несется, зажата в узком ущелье. Пенистые волны с разбегу устремляются на гранитные валуны и, отброшенные,

кидаются в сторону. Шум и грохот катящихся валунов и гальки оглушал, лишая возможности говорить.

Мы, как зачарованные, чувствуя себя маленькими и беспомощными, смотрим на могучий поток. Берег пустынен.

— Что-то не видно Цареградского, может, ниже где пристали, — беспокоюсь я.

Ни выше, ни ниже устья реки не находим никаких следов экспедиции.

— Что с ними могло случиться? Уж не утонули ли? — тревожимся мы не на шутку. Молча, под злобный шум воды, устраиваемся на ночлег.

Утром наши каюры торопливо собираются в путь.

— Надо вернуть в колхоз арендованных лошадей. Ехать очень далеко, — озабоченно говорит Винокуров. — Сдам лошадей — в экспедицию приду работать.

— Ну, отъездили на лошадях, — говорю я ребятам, — теперь будем строить плот. Давай, Ваня, иди руби вязь, клинья, а мы с Мишей заготовим лес...

Иван, взяв топор, уходит к реке.

— Товарищ начальник! Товарищ начальник! — слышу я через минуту его возбужденный голос. Ничего не понимая, оборачиваюсь. Иван, бросив охапку тальника, рысью бежит к нам, показывая на реку.

Вглядевшись в пороги, мы видим, как между валунами мелькнуло какое-то белое пятно, за ним второе, третье... Они быстро приближаются к нам. Вот уже можно разобрать, что это стремительно движутся кунгасы.

Подбегаем к реке, машем руками и кричим, чтобы приставали к нам.

Первый кунгас быстро промчался мимо нас. Нам что-то прокричали оттуда, но разобрать ничего невозможно. Суденышко захватывало носом пену и то и дело ныряло в волны. Посредине кунгаса мелькнули перепуганные лица двух женщин.казалось, они молили о помощи. Вслед за первым проплыл второй кунгас, за ним третий.

Мы быстро бежим по берегу вслед за ними. Ветви стланика цепляются за нашу порванную одежду, превращая ее в лохмотья.

Наконец один из кунгасов пристает к заводи. Ободренный, запыхавшийся, с оцарапанной и грязной физиономией, я скатываюсь вниз и останавливаюсь против выпрыгнувшей на берег совсем юной, среднего роста блондинкой в зеленой юнштурмовке. За ней, сдержанно улыбаясь, прыгает высокая,

по-мальчишески стройная, тоже в юнгштурмовке, девушка. Она останавливается, чтобы поправить свои волосы, которые темными локонами выбились из-под косынки.

Блондинка смотрит на меня растерянно, ее, видно, смутил мой растерзанный костюм и озабоченное лицо. Затем, тряхнув головой и сделав серьезное лицо, хотя глаза ее смеются, она быстро выпаливает:

— Я вас знаю! Вы — Галченко, помощник Цареградского... А я Наташа Наумова, начальница партии экспедиции Билибина. Ваш начальник потерпел аварию — его плот разбило на порогах. Но вы не беспокойтесь, они все спаслись. Его жена плывет на третьем кунгасе. Валентин Александрович просил меня захватить вас, сам он отказался сесть на кунгасы, а починил плот и плывет следом за нами. А это Вера Толстова, коллектор, — знакомит она меня с высокой брюнеткой. — А вот прораб нашей партии, Федор Иванович. Вас знает со времени, когда вы еще пешком под стол ходили, — весело смеется она.

С четвертым членом прибывшей партии меня не надо знакомить: взглянув на подходившего старика, я сразу узнаю давнишнего знакомого нашей семьи, старого амурского поисковика-разведчика Спарышева. Последний раз я виделся с ним на Алдане и вот уж никогда не думал встретить на Дальнем Севере.

— Здорово, Федор Иванович, тебя-то как сюда занесло?

— Да вот, решил на старости лет поискать золото на Колыме. Да что там, Кеша, — он махнул рукой и, отойдя немного в сторону, сокрушенно проворчал: — Видишь, до чего старик дожил — под начало девчонки попал. Девчата и те золото стали искать. «Вы, Федор Иванович, компас с собой обязательно захватите», — говорит она мне. А на черта мне компас, без него тридцать лет по тайге золото искал и ни разу не заблудился.

— Я всех возьму на свой кунгас, — говорит Наташа, подходя к нам.

Мы последними отчаливаем от берега. Мимо проплывает, ныряя по волнам, тяжело сидящий в воде плот, на нем — Цареградский, Степан и Яша. Плот плывет чуть медленнее глубоко сидящих кунгасов, и мы перегоняем его.

Нижняя река становится спокойнее, лишь изредка встречаются быстрые перекаты — да кое-где выглядывают из воды крупные валуны гранита.

Лощман с загорелой бритой головой спокойно, как бы щеголяя своим умением, направляет нос кунгаса прямо на валун. Чуть уловимое движение рулем вправо или влево — и кунгас

проскакивает мимо валуна в такой опасной близости от него, что, если бы кто-нибудь из нас протянул руку, она бы зацепилась о камень.

— Ты, паря, не фасонь, а то посадишь кунгас, — не выдержав, делает замечание сидящий на носу Федор Иванович.

В присутствии Наташи и Веры я чувствую себя несколько смущенно в ободранной робе, всячески стараюсь прикрыть руками свои голые колени, но этим, видимо, лишь обращаю на себя внимание наших спутниц, которые насмешливо наблюдают за моими отчаянными попытками.

Наташа, весело смеясь, сообщает мне последние новости, рассказывает о себе:

— Прямо со школьной скамьи меня назначили начальницей большой партии. Пока добралась до сплава, одно неожиданное таежное приключение за другим.

Мимо мелькают крутые берега. Снизу они заросли густым лесом, а выше по склонам поднимается вечнозеленый стланник.

— Вправо! Вправо бери! Камень! — вдруг истошным голосом кричит, видимо, вздремнувший Федор Иванович.

Рулевой хватается за весло, но уже поздно — наше суденышко с разгона налетает на чуть покрытый водой валун. Кунгас резко останавливается, и мы все падаем на дно.

Под напором воды кунгас накренился на левый борт, туда же невольно бросились люди. Вода с веселым плеском хлынула через борт.

— Все на правый борт! Выравнивай кунгас! — кричит пришедший в себя Федор Иванович. Через секунду кунгас чуть выравнивается и со скрежетом соскальзывает с камня. Плывем дальше...

— В кунгасе течь! — испуганно кричит Наташа, взглянув на растекающуюся между выюками воду.

И в самом деле, кунгас довольно быстро наполняется водой, несмотря на то, что Федор Иванович торопливо вычерпывает ее ведром. Девушки, бросив грести, помогают отливать воду кастрюлями.

Берег близко. Вот уже под дном зашуршала галька, и ползатонувший кунгас плотно садится на мель, метрах в десяти от суши.

Конвейером передаем на берег подмоченный груз.

— Ловко! — смеясь, говорит Наташа. — Все пороги проплыли благополучно, а тут — на тебе! На спокойном месте чуть не утонули. Еще бы немного — и пускать бы нам с Верой пугиры в воде, пловчихи-то мы с ней никудышные...

Отремонтировали кунгас, подсушили груз. Плыдем дальше.

— Я закончила Московскую горную академию, — рассказывает Наташа, — практику проходила на Байкале и в Забайкалье на полиметаллах. С поисками золота я сталкиваюсь впервые. У нас в академии, к сожалению, мало уделяли внимания поискам и разведке полезных ископаемых. Теперь ужасно боюсь, что пропущу, не найду металла в своем районе. Одна надежда на опытного Федора Ивановича, — вздыхает маленькая начальница партии. — Но скажите, почему все же он отказывается от компаса? Как же он тогда ведет съемку местности?

— А это раньше делалось просто, — объясняю я ей. — Хозяин отправляет на поиски золота старого, опытного таежника. Тот имеет право делать заявки на площади, разумеется, на имя хозяина. Сам же таежник получал 100—120 рублей с каждого добытого пуда золота на открытых им площадях. Поисковики двигались в тайгу по солнцу и, конечно, весьма приблизительно рисовали свой «маршрут». Те, кто поопытней, сразу же искали долины, где есть «спутники золота» — кварц и гранит. Летом пробы брали лотками, зимой пробивали несколько шурфов и, если было что подходящее, долину столбили. Ставили столбы через пять верст. Крадучись от конкурентов, закапывали около каждого три тайных нетленных знака: уголь, монету и еще что-нибудь. И сломая голову мчались с заявками в ближайший горный округ, а потом к хозяину. Хозяин интересовался только золотом, геология и составление карт его меньше всего интересовали. Поэтому и приходится сейчас посылать на Амур и Забайкалье геологические съемочные партии в старые выработанные районы.

— И очень часто эти партии находят много интересного, — вставляет Наташа.

— Конечно, прежним поисковикам вроде Федора Ивановича трудно было работать. Но у них есть громадный опыт. Как определить перспективные места для разведки? Как взять пробу? Это умение не всегда может заменить теория...

— Смотрите! Смотрите! Вон направо, в устье речки оставились наши! На ночлег причалили, видно, — кричит Вера, показывая на белеющие вдаль маленькие, как спичечные коробки, кунгасы. На берегу горело несколько костров. Трепетали на ветру палатки.

— Видимо, это устье реки Нерючи, — глядя на карту, говорю я. — Здесь еще не работала ни одна экспедиция.

— Ой, как интересно! — оживляется Наташа. — Иннокен-

тий Иванович, миленький, я вас очень прошу — возьмем несколько проб, и вы научите меня мыть на лотке.

Ну как тут отказать? Причаливаем к стоящим у берега кунгасам. Со всех сторон сыплются вопросы:

— Почему отстали?

— Аварию что ли потерпели? Как это вы умудрились?

— К нам пить чай! — приглашает меня в свою палатку Цареградский. — Ну, я вижу, вы молодцом! Благополучно одолели хребет?

За чаем Валентин Александрович и Мария Яковлевна перебойно расспрашивают меня о наших злоключениях. Я коротко рассказываю. Цареградский хохочет.

— Не везет — так не везет. Мы на сей раз тоже потерпели со Степаном полную аварию. Хорошо, хоть не утонули. Ну, и лица же у этой водички, — он показывает на реку. — Ведь какой прочный плот мы соорудили. Броненосец «Потемкин» — и на тебе! До порогов, правда,плыли хорошо. А там как понесло нас! Степан, надо воздать ему честь, два раза увернулся от валунов. А вот на третий наскочил со всего маху. Груз наш большей частью, конечно, оказался в воде. Яша кинулся его спасать, но не рассчитал своих сил и начал тонуть. Я бросился к нему на помощь. Вода холодная! Бр-р... Вспомнишь — дрожь берет. Вылезли мы с Яшей на плот. Стоим по колено в воде, зуб на зуб не попадает. Честно говоря, впервые у меня появился страх: «Не спасемся, думаю, утонем, до берега далеко, а такое течение и чемпиону по плаванию не одолеть...».

Да, так вот... Сидит наш плот на огромном валуне, как жук на булавке. Моя супруга ни жива ни мертва. Одной рукой фотоаппарат наш прижала к груди, а другой за плот держится. Хотели переправить груз на берег: легкий плот снялся бы с камня, но ничего не получилось. Решили разрубить наш ковчег и на двух половинках плыть к берегу. С горем пополам перерубили по бревнышку наш плот. Мы с Яшей поплыли в одну сторону, Машу со Степаном понесло в другую, прямо к скале...

— Знаете, это такой ужас! Я оцепенела от страха, — обрывая рассказ мужа, восклицает Мария Яковлевна, широко раскрыв глаза. — Смотрю я, как замороженная, на приближающуюся скалу, она все ближе и ближе, а плотик под ногами ходуном ходит... Визжала я со страху, по словам Степана, как поросенок.

«Не кричи! Ложись на плот!» — рывкнул на меня Степан и, кажется, выругался. Я моментально плюхнулась прямо в воду. У скалы плотик чуть не перевернулся, течением его понесло к

берегу. Там нас с берега веревками подтянули... Как хочешь, Валя, а я по горло сыта таежными приключениями, — заканчивает свой рассказ Мария Яковлевна, разливая чай.

На следующий день мы двигаемся дальше.

Вскоре кунгасы wypлывают на широкие просторы Колымы.

— Никогда не думали, что на Севере может быть так красиво! — восхищаются мои спутницы.

— Сколько километров, по-вашему, вон до тех вершин? — спрашивает меня Наташа, показывая на горы, хорошо видимые в прозрачном воздухе.

— Километров сорок, — определяю я, по опыту зная обманчивость расстояния в горах.

— Не может быть, — недоверчиво говорит Верочка, — до них же рукой подать. Километров пять, не больше...

— Доплывем — увидим, — говорю я.

Только к вечеру мы добираемся до этих гор и, свернув в узкую протоку, пристаем к крутому берегу в устье реки Оротукана. Отсюда идем три километра вверх по реке на базу экспедиции Цареградского.

На опушке густого леса среди высоких пней стоят пять срубов, сооруженных на скорую руку, без крыш. Тихо и пусто. Блестят на солнце жестяные банки из-под консервов, жужжат большие зеленые мухи да комары. Все геологи работают в поле.

С нашим прибытием на базе сразу становитсялюдно и шумно.

Вечером, широко шагая среди выючных ящиков, Валентин Александрович «делит владения». Обращаясь к Наташе, слушающей его с серьезным видом, чуть наклонив голову, он говорит:

— Ваша партия будет работать напротив базы, начиная с устья ключа Трех медведей и выше до реки Дебина. До прихода лошадей дней десять придется поработать без транспорта. Партия Семенова будет рядом с нами, ниже по течению. А вы со Степаном, — обращается он ко мне, — сплавитесь еще ниже до ручья Хатыннаха-Кочинского. По этому ручью и пройдет ваш маршрут.

В сборах незаметно прошло три дня. Уже погрузившись на кунгасы, отплыли к местам своих работ партии Наташи Наумовой и Березкина. Мы со Степаном тоже готовы к выходу, но одно событие нас задерживает. Ранним утром причаливает кунгас. Из него быстро выскакивает высокий, ши-

рокоплений человек с рыжей бородой. Он энергично распоряжается, помогая причаливать.

— Билибин, — крепко пожимает он нам руки и сразу обращается к Цареградскому: — Валентин Александрович, завтра надо обязательно плыть на прииски. Предполагается произвести общую оценку колымской тайги и наметить план дальнейшего освоения края. Конференция будет на приисках. Наше — геологов и разведчиков — присутствие там обязательно.

На следующее утро наш кунгас быстро плывет вниз по реке. Проплываем мимо белых палаток партии Наумовой. На берегу виднеются тоненькие фигурки, машущие нам руками.

— В маршрут, видно, не пошли, дождя испугались, — недовольно ворчит Цареградский, смотря на низкие серые облака, из которых уже начал накрапывать дождь.

На Билибина проплывающие мимо нас горы действуют, как крепкое вино. Показывая на обнажения, он с увлечением говорит о геологических богатствах края. Его загорелое лицо, покрытое веснушками, розовеет под тонкой кожей, глаза блестят.

Затаив дыхание, мы слушаем его, и в нашем воображении возникает как бы огромная панорама всего Крайнего Северо-Востока. Билибин, как художник, широкими мазками рисует нам будущее этого края. Потом, видно, вспомнив что-то, прерывает свой рассказ.

— Сейчас мне не верят, — чуть помолчав, продолжает он. — Часто называют фантазером, смеются, когда я называю геологические запасы Колымы... Но, говорят, хорошо смеется тот, кто смеется последним. В ближайшие годы Колымский край покажет себя. В Москве уже заинтересовались им, я там после первой экспедиции сделал несколько докладов. Уверен, что освоение этой богатейшей части страны начнется в ближайшее время с таким размахом, который и не снился скептикам. Самое главное, нужна дорога от моря до приисков. Дорога — это ключ, который отомкнет все богатства Колымы... — заканчивает он.

Проплываем мимо ключа, в устье которого белеют палатки партии Березкина. Он узнал Билибина и что-то кричит, размахивая руками.

Дождь накрапывает все сильнее и сильнее. Торопливо натягиваем брезент и прячемся под него.

Степан в кожаном костюме стоит за кормовым веслом. С обвислых полей его шляпы струйками стекает вода.

Спустя полчаса причаливаем в устье ручья Березового. С большим трудом разводим костер и в последний раз пьем чай все вместе.

— Ваша задача — разведать ключ и назад, — говорит Цареградский, заворачиваясь плотнее в плащ. — С приисков мы быстро вернемся.

Мы со Степаном, мокрые, стоим у костра, с грустью провожая глазами кунгас, постепенно исчезающий в сетке дождя. Пес Демка, неразлучный спутник Степана, жмется к ногам.

Низкое серое небо, кажется, придавило к земле все живое. Темно-коричневая река грозно мчит мимо нас. Так же пасмурно и тоскливо становится на душе. Но распускать себя в тайге нельзя. Я встряхиваюсь.

— Ну, давай, Степан, с десяток километров обработаем, да и на ночлег. Ты бери пробы, а я поведу съемку.

Дождь идет непрерывно. Откуда-то налетел резкий порывистый ветер. Вода в ручье прибывает на глазах, и вскоре он превращается в солидную речку. Ноги скользят по сероватой глине. Лямки наших «сидоров» давят на плечи. Идти становится все труднее. От самого устья пробираемся сквозь березняк. Из-за него и ключ называется Хатыннах, что значит «Березовый».

Вдоль по ручью есть знаки золота, но вода залила все удобные для взятия проб места. Мы со Степаном вымокли до нитки, с веток густого кустарника холодные капли воды брызгают в лицо, попадают за ворот. Стемнело. Дождь с порывами холодного ветра не перестает.

Наскоро выбираем место повыше; стелим ветки, на них бурку, натягиваем сверху палатку-полог.

Дождь, как нарочно, припустил еще сильнее. Закусив холодными мясными консервами, забираемся под полог. Тесно прижавшись друг к другу, скоро согреваемся. Мокрый Демка располагается в ногах. Засыпаем, как убитые.

Утром слышу, как дождь продолжает нудно шуршать по палатке, то затихая, то усиливаясь. Не хочется шевелиться, страшно прикоснуться к мокрому пологу.

Наконец Степан неохотно выглядывает наружу. Свинцовые тучи низко и быстро движутся на север, холодный ветер пригибает мокрый кустарник до земли.

— Да мы прямо в луже спали, — с изумлением говорит Степан, — кругом вода, а мы в бурке, как в ванне, лежим. — Он быстро на четвереньках выползает из-под полога.

В этот момент чувствую, что мне под бок полилась холод-

ная вода через край бурки. Вскрываю, как ужаленный, и следую за Степаном.

Ручей за ночь вышел из берегов, залил прибрежные кусты.

— Да, Степан, дело наше табак, пробы брать негде... — Я сокрушенно качаю головой и вдруг вспоминаю: где-то здесь, километрах в пяти, по словам Цареградского, должны быть три разведочных шурфа, выбитых в прошлом году старателями. Ведь можно найти их, опробовать выброшенную из них породу... Я по дороге проведу геологическую и глазомерную съемку...

Действительно, километров через пять мы подходим к заваленным, полным воды шурфам. В первой же пробе вымываем весовые знаки золота.

— Ключ этот, Степан, обязательно надо как следует разведать, — говорю я, закончив опробование навала, и намечаю места для будущей поисковой линии.

На следующий день мы доходим до вершины ключа. Дождь продолжает идти.

— Жаль, что нет у нас лошадей, — говорю я. — Нужно бы через перевал спуститься на соседнюю реку и опробовать ее. Все говорит за то, что мы идем вдоль золотоносной зоны.

Но увы, пешим ходом, с «сидорами» за плечами, много не сделаешь. Скрепя сердце я предлагаю возвратиться назад.

Через два года в долине соседней реки, куда мы не смогли попасть, было найдено богатейшее, больше того — редчайшее россыпное месторождение золота.

МАЛЕНЬКАЯ НАЧАЛЬНИЦА

— Я так довольна, что вы будете работать в нашей партии, теперь мы обязательно найдем металл, — говорит Наташа, прикрывая рукой лицо от жарко горящего костра. В глубине души я доволен, что Цареградский послал меня работать в партию Наташи Наумовой вместо заболевшего старика прораба Федора Ивановича. Меня несколько смущало только то, что моей начальницей будет Наташа.

— Честное слово, Иннокентий Иванович, буду во всем слушаться вас, опытного таежника, — горячо уверяет она меня. — Нет, правда! Позавчера мы чуть было не были наказаны за непослушание. Рано утром мы с Верой, захватив с собой рабочего Опанаса, без оружия отправились в маршрут. Я шла впереди, и, кроме геологического молотка, у меня в руках ничего

не было. Выбравшись на водораздел, мы невольно залюбовались просторами реки Колымы. В устье ручья Трех медведей были наши палатки. Казалось, до них рукой подать, но мы теперь по опыту знали, что тут верных километров шесть—семь. Склоны гор покрыты красными, желтыми, оранжевыми и зелеными пятнами. Ну, прямо левитановская «Золотая осень». «Давно ли мы шумной ватагой покинули Московский университет, и вот я уже забралась почти на край земли», — думала я, шагая по чуть заметной, выходящей среди кустов стланика тропке. Вдруг ясно слышу, впереди кто-то сопит и тяжело дышит. Мы остановились, как вкопанные, и прислушались. В густом стланике слышались глубокие вздохи, и потом из-за кустов появился огромный лохматый бурый медведь. Он подымался вверх, навстречу нам, по своей тропке. Мы замерли. Я сразу почувствовала себя маленькой-маленькой и беспомощной перед громадным зверем. Я пронзительно закричала. Но медведь, не обращая внимания на крики, продолжал приближаться к нам. Он был от нас уже метрах в двадцати, когда наш обычно неповоротливый Опанас, вырвав у меня геологический молоток, стал кричать и бить по дну чайника, привязанного у него к рюкзаку, с такой силой, что брызгами полетела эмаль.

Медведь остановился, вскинул голову. Увидев нас, рывкнул от неожиданности, привстал на задние лапы. Через мгновение отскочил в сторону и исчез в кустах. Опанас, дико крича, продолжал с остервенением бить по чайнику. Опомившись, я отобрала у него свой молоток. Несчастный чайник был пробит чуть не до дыр. Убежав подальше от опасного места, мы упали на лужайку и долго нервно хохотали.

— Федору Ивановичу о нашей встрече мы решили не говорить. Вам, первому рассказываю, — смеется Наташа, поправляя палкой дрова в костре. — Ну, а теперь пора и на боковую, — встав, говорит она, — завтра нужно идти в тяжелый маршрут через водораздел в долину Дебина. Не знаю, как мы переберемся, — озабоченно смотрит Наташа на темнеющие горы.

Утром, свернув палатки и навьючив лошадей, девушки отправляются в маршрут по пологому водоразделу. Их сопровождает флегматичный украинец Опанас. Егор Ананьевич Винокуров, покуривая трубку, ведет за собой трех лошадей с огромными вьюками.

Мы с промывальщиком Беловым, прихватив одну из лошадей, отправляемся по долине притока ручья Трех медведей,

чтобы провести опробование и геологическую съемку. С Наташей мы условились о месте встречи в долине реки Дебина.

Вечером, закончив разведку ключа, поднимаемся на водораздел. Солнце давно скрылось за горами. Вечерняя заря приобрела сиреневые тона. Перед нами широкая долина Дебина, но нигде не видно дыма от костра, не белеют палатки.

— Где мы найдем наших? — беспокоится Белов.

Выбрав направление, мы начинаем спускаться в долину, продолжая вести глазомерную съемку.

— Смотрите, вон костер! — радостно кричит Белов, показывая на чуть видную искорку далеко внизу. Я засекаю направление. По болоту, в темноте, спотыкаясь, проваливаясь, чертыхаясь, мы долго бредем, пересекая долину, и, наконец, подходим к палаткам.

— А мы думали, что вы заблудились и вас придется искать, — радостно кричит Наташа.

В нашей палатке чисто, тепло и уютно. На полу подостлан брезент. Девушки в лыжных костюмах, в тапочках, согнувшись над импровизированным столом, сделанным из выючных ящиков, при свечке сводят дневной маршрут. Я занят тем же. Быть может, чаще, чем следует, поглядываю на склоненную голову Наташи, окруженную, как сиянием, ореолом светлых волос, меняющих свой цвет при колеблющемся неверном свете. Перехватив мой пристальный взгляд, Наташа чуть заметно улыбается и еще ниже склоняется над картой.

«Я, наверное, останусь старой девой, — вспоминаются мне сказанные как-то ею слова. — Девушкам-геологам вообще не следует заводить семью. Заведется семья — и прощай, геология, ее вытеснят кухня, пеленки и дети...»

Улыбнувшись, я тоже склоняюсь над картой.

Судя по взятым пробам, разведанный нами ключ явно содержит промышленные запасы золота. Я мысленно представляю себе довольную улыбку Наташи, когда она услышит от нас об открытии. Настроение хорошее, несмотря на то, что погода в конце испортилась и сейчас на долины и сопки, не переставая, сыплется мелкая снежная крупа.

На следующий вечер мы долго ожидаем возвращения наших девушек.

— Что, ужинать будете или подождете начальника? — спрашивает наш «шеф-повар» Гарин. — Американцу, конечно, подать кружку холодного компота? — обращается он к Белову.

— Подавай, да живо. На одной ноге. Как я в баре виски подавал, — смеется Белов.

— За что это тебя так странно прозвали? — спрашиваю я, снимая мокрые сапоги.

— Да я в Америке прожил почти пятнадцать лет. Длинная это история, — говорит Белов, отпивая большими глотками холодный компот и поглаживая свою бритую голову. — Родился я в Гродненской губернии, близ местечка Озерки. Очень бедно мы жили: земля вся была помещиков. Много тогда народу из наших мест уезжало в Америку. Сын нашего соседа Станислав тоже туда уехал. Он считался женихом моей сестренки Маруси. Через год выписал ее в Америку. Прислал два билета на пароход. В письме он писал, что работает конюхом у судьи в Нью-Орлеане. Хозяин в счет жалованья одолжил ему денег, чтобы привезти невесту из России. «Ты будешь работать горничной у судьи. Найдется работа и твоему брату», — писал Станислав.

Так вот и уехал я с сестрой в Америку. Это было в 1905 году. В Нью-Орлеане нас встретил Станислав и привез в дом шерифа. Толстый судья, желая, видимо, сразу расположить меня к себе, подарил мне красивые ручные часы. От щедрого подарка я был на седьмом небе и, как оглашенный, неделю проработал в саду у судьи бесплатно. Через два месяца мои часы уже не ходили... Это были обыкновенные штампованные часы, долларовой стоимости, как объяснили мне потом мои новые приятели, рабочие кожевенного завода.

Я был молодой и сильный парень, работа у меня горела в руках. Через год я уже в Чикаго. Оттуда в погоне за работой двинулся в западные штаты, в Калифорнию. Там, в Сан-Франциско, кем только я не работал: на скотобойнях, на конвейерах по сборке машин, бурил колодцы, побывал на Аляске, мыл там неудачно золото, заготавливал лес в Канаде. Попал даже в Бразилию. Там я стал специалистом по проводке канатных подвесных дорог. Опасная это работа. Одно неверное движение при подвеске тяжелого блока — и из тебя получится блин. Но и там недолго я проработал, — продолжает свой рассказ Белов. — Сидели мы однажды в пустом складе и завели разговор, какая нация лучше. У нас там самая что ни на есть интернациональная бригада подобралась. Так вот каждый свою страну до небес превозносил, только швед один и я помалкивали. Один из французов, обращаясь ко мне, и говорит: «Ну, а тебе, Белов, и похвастать нечем, разве темнотой, неграмотностью да царем...» Зло меня тут взяло. Знаю ведь всех их по работе, ничего они не стоят, хвастаются больше делами своих предков. «Вот лучше скажите, — говорю я, — кто что умеет

делать». Стали спорить. Скоро я их всех за пояс заткнул. Только один французик дошлый нашелся: все умеет делать, что и я, только на пошивке сапог погорел, не знает, как их шьют. Оконфузился он и говорит: «Это только одни дикари русские сапоги носят, на Западе культурные люди давно в ботинках ходят». За дикарей он получил в морду, и спор закончился дракой. В молодости я покрепче был, чем сейчас. Передо мною оставался уже один противник, и тут меня ударили по затылку. Я потерял сознание. Пришел в себя, вижу, надо мной наклонился верзила-полисмен с резиновой дубинкой. Повели нас к шерифу. За драку на улице мне как зачинщику присудили штраф. Платить было нечем. Надели на меня тюремный костюм, черный в белую полоску, и отсидел я, как миленький, месяц в тюрьме за защиту русского национального достоинства, — смеется Белов.

— Получал я в Америке два раза гомстеды, земельные участки, в полную собственность. Но так и не стал фермером. Для того, чтобы освоить участки на каменистых и засушливых местах, требовалось вложить в них много труда и большие деньги, а у меня их не было. Оба участка я продал, построив на них предварительно из фанеры и ящиков подобие жилья. Так требовал закон. В начале семнадцатого года узнал о февральской революции, и меня потянуло в Россию. В том же году вышел закон, что эмигранты, прожившие более десяти лет в Америке, считаются американскими подданными. В апреле семнадцатого года Америка вступила в войну. За чужого «дядю Сама» воевать не хотелось, и я отказался от американского подданства. Отказавшихся от подданства заперли в лагеря и в девятнадцатом году вывезли во Владивосток. Вскоре я попал на Забайкальский фронт. Это был уже свой фронт, — смеется Белов.

— С тех пор живу и работаю на Дальнем Востоке. В Охотске я работал на приисках. Пришла однажды американская шхуна Олафа Свенсона. С командой я «спик инглиш», по-английски, значит, поговорил. Стали они мне предлагать спасение от большевиков, хотели увезти в трюме контрабандно. Я отвечаю: сам сбежал от американской жизни, по горло сыт ею, и уговорил тогда остаться у нас из их команды своего земляка Соллогуба, он у вас работал.

— Что-то задержалась в маршруте наша начальница, — помолчав, замечает озабоченно Белов.

Уже совсем темно. Я давно беспокоюсь за Наташу. Дважды выстрелив в воздух, мы долго прислушиваемся. Тихо. Лишь

шумит река и лес. Вдруг далеко, далеко слышны ответные выстрелы.

— Ну, слава богу, идут, надо ужин готовить, — говорит Гарин.

Усталые, мокрые, молча подходят наши девушки к костру.

— Ох, и измучились мы сегодня, еле ноги передвигаем, — говорит Наташа, сбрасывая тяжелый, набитый образцами рюкзака на землю.

Брать лишние образцы пород — это слабость молодых геологов, впервые работающих самостоятельно.

— Ноги прямо не свои, — ворчит она, принимаясь разуваться. — До чего надоели эти ичиги. В Забайкалье куда легче было работать: сухо, степь, места обжитые, ходила я там в женском платье, а здесь по болотам так не походишь. — Она с трудом снимает раскисшие бесформенные ичиги с маленьких, крепких, стройных ног. — Почему у вас такой довольный вид? — замечает Наташа, принимаясь с аппетитом за ужин. — Наверное, хорошие новости?

— Да, Наташа, кажется, мы открыли первое промышленное месторождение, — торжественно сообщаю я. Усталость Наташи как рукой снимает. Сегодня в нашем маленьком лагере весело и радостно.

Вот уже несколько дней мы постепенно поднимаемся вверх по реке, обрабатывая ее левые притоки. По утрам выпадает иней, а в спокойных заводях реки начинает появляться тонкая хрупкая ледяная корочка.

Мы обнаруживаем еще одно месторождение.

— Ну, товарищ начальник, — говорю я Наташе, — сегодня десятое сентября. Надо заканчивать работу и выбираться по добру-здорову из тайги.

— Хоть один — два денечка еще поработаем, — жалобным голосом просит моя маленькая начальница. И я соглашаюсь. Пятнадцатого сентября на лошадях отправляем с Винокуровым все образцы и часть снаряжения. Сами решили сплавиться по реке на плоту. Пока под руководством Белова, мастера на все руки, строится плот, мы вдвоем с Наташей делаем последний маршрут вверх по реке.

— Жаль, что мы не дошли вон до того гранитного массива, — говорит мечтательно Наташа, показывая на виднеющиеся в сиреновой дымке далекие беловатые горы. — Там мы наверняка обнаружили бы не одно месторождение.

— Не жадничайте, Наташа, — говорю я, хотя мне хочется идти рядом с Наташей далеко, далеко, на край земли. — На

следующий год мы или кто-нибудь другой продолжит наши работы и доберется до этих сиреневых гор.

Наташа встает и молча идет вниз по реке к нашему стану. Я, боясь нарушить молчание, иду вслед за ней.

Через несколько дней наш плот причаливает у высокого берега Колымы.

На базе экспедиции, где собрались почти все партии, я узнаю, что мне предстоит провести зимнюю разведку в верховьях Оротукана, где обнаружены богатые россыпные месторождения. Партия Наташи должна плыть на Среднекан, где будет зимой обрабатывать собранные материалы. Белов остается со мной на разведке. Поздно вечером я провожаю грустную Наташу к ее кунгасу и так, не осмелившись ничего сказать ей, прощаюсь со своей маленькой начальницей.

ГОЛОДНАЯ ЗИМА

— Теперь вам ясно, где и как вести зимнюю разведку, — говорит Билибин, пристально глядя на меня своими светлыми глазами и поглаживая рыжую бороду. — Возвращаясь со Среднекана, я прошел по долинам ручья Стремительного, притока Таежного, где вам придется работать. Геоморфология этих ключей такова, что поисковыми линиями обязательно надо пересечь все уровни террас. Россыпи, видимо, будут именно там.

Билибин хитровато прищуривает глаза и смотрит на Раковского, как бы ища у него подтверждения своим мыслям. Затем, раскрывая карту, начинает пояснять:

— Напрямик, через ключ Крохалиный от вашей разведки до прииска, будет километров семнадцать — двадцать. Но там Колыма делает огромную петлю, и стоит перепутать водоразделы и взять чуть левее, как вы протопаете километров сто лишних. Вот, смотрите. — Билибин чертит схему этого участка Колымы. — На приiske «Утинка» вам дадут транспорт, во семь — десять лошадей.

— К сожалению, мы сейчас в состоянии дать вам продукты лишь на три месяца, — замечает Раковский, рассматривая карту. — Поеду в Нагаево, оттуда пришлю продовольствие и разведчиков. Буду отправлять с полугодовым пайком.

Я прикидываю в уме и вижу, что у нашей партии невеселые перспективы. Билибин тоже понимает, что значит остаться в тайге без продуктов.

— Продержитесь только до дороги, — почти жалобно просит он.

Подумав, я соглашаюсь. Все равно иного выхода нет.

— Завтра я отплываю на Среднекан, — прощаясь, говорит Билибин, — вы можете добраться со мной до Перспективного и через перевал пройти на прииск...

Через несколько дней на приiske «Утинка» мы с Иваном Яковенко встречаем своих старых знакомых — неудачников-старателей: обросшего по самые уши черной бородой Емельянова по прозвищу «Колчак» и степенного тоболяка Ивана Волкова. С ними же гармонист и весельчак Степан Ложкин.

Старатели мне рекомендуют хороших, работающих ребят: молчаливого жилистого татарина Сергеева, невысокого разбитного Ванюшку Табакова, его приятеля забайкальца Митьку Чистых. Немного смущенно чувствует себя среди старателей бывший сормовский рабочий Николай Погодин, попавший на прииски, по его выражению, по молодости и дурости: «Свет увидеть захотел».

После долгих и ожесточенных споров на весь списочный состав нашей разведочной партии, — а нас двадцать человек, — выдают трехмесячный паек.

Ассортимент продуктов более чем небогат. Большую долю составляет овсяная крупа.

Разбитной завхоз зовет меня в другой конец двора.

— Вот вам десять чудесных «материковских» лошадок. Это не какие-нибудь якутские козявки. — И мне передают основательно исхудавших крупных лошадей, у которых ребра выпирают, как обручи.

— И чем мы их, бедных, кормить будем? — сокрушается Яковенко.

— Они вас на подножном корму доведут до разведки, — утешают на конном дворе, — а потом вы их передадите на Среднекан. Там сено, говорят, есть. Накосили.

Договорившись с Яковенко встретиться в устье ключа Спорного, я назначаю его старшим. В тот же день я возвращаюсь на базу экспедиции. Меня ожидает Егор Ананьевич Винокуров. Вместе с ним — оротуканский житель, коренастый якут с открытым, добродушным лицом.

— Дмитрий Неустроев, — знакомит меня Егор Ананьевич.

— Договор, однако, надо с ним заключить. У него есть собственные олени, он хочет у вас на разведке поработать. В декабре по зимней дороге обещает приехать.

Я охотно заключаю договор, даю небольшой задаток, но в

глубине души не совсем уверен, что увижу Дмитрия Неустроева еще раз.

Утром 29 сентября выходим вверх по правой террасе реки Оротукана.

— Однако, торопиться надо, скоро снег пойдет, — говорит мой проводник, озабоченно посматривая на небо, сплошь покрытое темными, с тяжелым свинцовым оттенком тучами. У меня сердце ноет от беспокойства, но я стараюсь не терять надежды добраться до разведки, прежде чем начнется снегопад.

Пересекая бесчисленные мелкие болотистые ключи, перебираясь через бурелом, мы медленно двигаемся вверх по реке. С криком летят караваны уток и гусей. Это верный признак того, что где-то на севере уже выпал снег.

Усталые, грязные, едва передвигая ноги, мы выходим к устью ручья Спорного и с радостью видим наших лошадей, пасущихся у берега. Тут же около костра сидят рабочие. Быстро развьючиваем свою лошадь, ставим палатку-полог.

Я с ужасом замечаю, как, тихо кружась, начинают падать крупные снежинки. Они медленно покрывают траву, кусты и землю.

— Торопиться надо, — волнуется Егор Ананьевич.

Ночью я долго не могу уснуть. Ноют уставшие ноги. Едва забываюсь — снится мать, обвиняющая меня в легкомыслии. «Зачем взял лошадей?» — строго спрашивает она, и я просыпаюсь. В палатке холодно. Полотняные стенки ее провисли под тяжестью выпавшего за ночь снега.

С трудом выбираемся наружу и попадаем прямо в сугроб. Снег продолжает идти. Земля уже покрыта сантиметров на пятнадцать—двадцать. Под тяжелыми хлопьями гнутся тонкие ветви ивняка. Лошади, мокрые и голодные, понуро стоят около костра, лишь якутка Егора Ананьевича деловито разгребает копытом снег, добираясь до травы, и энергично обкусывает верхушки тальника, с которых ей на морду сыплется снег.

Яковенко разгребает снег, пытается нарвать травы для лошадей, но это явно бесплодный труд. С жалобным лицом он поглядывает на наши выюки, но кормить лошадей овсянкой из продуктовых запасов я не имею права.

Торопливо навьючиваем лошадей и двигаемся дальше. Впереди идет Егор Ананьевич со своей лошадкой. По дороге она продолжает энергично ошипывать тальники. Гуськом движутся все остальные. Каждый ведет за повод по одной—две тяжело груженных лошади. А снег падает и падает, мутной непроницаемой пеленой закрывая все впереди.

Голодные лошади быстро слабеют и к концу дня еле бредут по глубокому снегу. Сзади я слышу надсадные крики и виртуозную ругань моих уставших, промокших и голодных спутников. Мы идем по руслу реки, в ущелье. Здесь грунт тверже, и легче идти. Но очень часто приходится переходить речку вброд. Вода выше колена обжигает холодом. На поверхности ее плывет нетающий снег.

На второй день нашего пути лошади едва передвигают ноги, а нам надо еще пройти до устья Таежного километров двадцать пять—тридцать.

Я иду впереди каравана и тяну за уздечку пошатывающуюся лошадь. С громадным трудом преодолеваем ставшие такими длинными километры. Неожиданно я выхожу на широкую косу и сквозь сетку падающего снега вижу огромных белых птиц. Они стоят, вытянув длинные шеи, в десяти—двенадцати метрах. Сначала птицы с удивлением смотрят на меня, затем начинают медленно, тяжело хлопая отсыревшими крыльями, подниматься в воздух. Раздается их жалобный крик.

— Лебеди! Лебеди! — кричат мои спутники, показывая на исчезающих одна за другой в белесой мгле гордых, красивых птиц. И ни один выстрел не раздался вслед лебединой стае.

— Лебеди-то вроде нас, грешных, дошли. — замечает Степан Ложкин.

— Стойте! Стойте! Лошадь упала! — кричат сзади. Подхожу к упавшей, уже развьюченной лошади. Она хрипит и бьется в предсмертных судорогах, разбрасывая ногами комья снега. Затем затихает, вытянув ноги.

— Все! Сдохла лошадка, — грустно говорит Яковенко.

Мы делаем настил и заваливаем на него труп павшей лошади. Я ставлю рядом высокую вежу.

На следующий день утром мы обнаруживаем, что за ночь сдохла еще одна лошадь. Остальные стоят, качаясь от порывов ветра. Не выдержав, мы начинаем кормить лошадей овсяной крупой из своего пайка. Но ослабевшие вконец животные едва жуют сухую колючую крупу. А снег продолжает падать и падать, глубина его уже достигает семидесяти сантиметров. Егор Ананьевич с трудом прокладывает дорогу.

— Были бы сейчас со мной мои камусные лыжи, совсем легко пошли бы мы, — говорит он, вытирая со лба пот.

Прошли уже мимо устья ключа Пятилетки. Отмечая его на своей карте, я вспоминаю прекрасные поисковые пробы, полученные здесь летом одной из полевых партий. Еще день—два пути — и мы должны быть около устья ручья Таежного.

Мои спутники, заросшие, мокрые, обсыпанные снегом, безропотно идут вперед. За ними остается извивающаяся змеей глубокая темная борозда.

Вечером четвертого октября снегопад прекратился, и мы, наконец, увидели устье ручья Таежного. Всего лишь четыре лошади дошли с нами до места.

...Ночью ярко мерцают звезды. Холодно. Но в палатке жарко. Натоплена печь, и у всех чуть приподнятое настроение оттого, что вот, наконец, мы у цели...

— Удивительно, до чего живуч русский человек, — философствует Ложкин. — Пять суток по пояс в воде и снегу брели, и хоть бы кто насморк схватил...

Утром обнаруживаем, что и остальные четыре лошади сдохли. Лишь якутская лошадка жива-здоровая и с удивлением обнюхивает трупы своих неприспособленных сородичей.

Много лет прошло с тех пор, но, как сейчас, я вижу нашу бязевую палатку, стоящую среди безмолвного снежного простора, трупы павших лошадей, тощие выюки с нашим двухмесячным запасом продуктов и рабочих, с тоской глядящих вслед Егору Ананьевичу, который, сидя на бодро шагающей низкорослой лошадке, быстро удаляется по проторенной нами дороге.

Уложив на настил павших лошадей и часть продуктов, мы взбираемся на десятиметровую террасу и с тяжелыми котомками выходим по глубокому снегу на первый правый приток Таежного — ключ Каменистый. Здесь мы будем вести разведку. Выбираем лесистое место для барака. Через шесть дней низкое таежное жилье готово. Разведчики приступают к шурфовке.

Я навещаю ранее приехавших разведчиков на ключе Стремительном. Они уже построили барак и шурфуют вовсю.

В одном месте близ барака снег очищен до самой земли.

— В чем дело, для чего столько снега перерыто? — спрашиваю я прораба Ершова.

— Да это мои ребята под снегом «бычки» искали, окурки. Здесь летом палатка полевой партии стояла. Вот и вспомнили курильщики про бычки... — Лицо Ершова становится серьезным. — Как дальше будем жить? — тревожно спрашивает он. — У нас продуктов от силы дней на двадцать осталось.

— А где же ваш трехмесячный паек? — удивляюсь я.

— Какой там паек! Ребята молодые, нарабotaются, appetite, что называется, волчий. Да и не могу их с первых дней заставлять голодать...

Я ему рассказываю про павших лошадей.

— Придется нам в ближайшие дни приниматься за лошадей, — улыбаюсь я, хотя на душе у меня скребут кошки.

Несмотря на приближающуюся голодовку, разведчики работают хорошо. В подавленном состоянии находятся лишь курильщики. Некоторые из них курят сухой мох, выдирая его из пазов барака.

— Через месяц—два зимней дорогой подвезут продукты, — уверяю я вечером соседей, — а до этого времени постараюсь достать продукты и курево в экспедиции Цареградского. Тогда, — обещаю я, — причитающийся мне табак отдам вам.

Измученных разведчиков радует даже эта слабая надежда.

* * *

Прошел октябрь. Продукты уже на исходе и в нашей партии. Съедена последняя павшая лошадь. Решаю идти за помощью на базу экспедиции. По льду реки, едва не попав в полынью, добираюсь до базы.

Здесь все заняты обработкой летних материалов. Продуктов так же, как и у нас, в обрез.

— Придется все же вас выручить, — говорит Цареградский.

Он дает приказание снарядить единственную собачью упряжку. Вот уже нарты нагружены продуктами. Из неприкосновенных запасов мне дают пять килограммов шоколаду. Захватываю с собой широкие, обитые камусом лыжи.

...Собаки стремительно несутся по чистому льду. Темнеет в стороне большая полынья. В ней плавают две утки. Собаки с визгом и лаем мчатся прямо к воде, но, к счастью, утки взлетают, и наши сани скользят по кромке прогибающегося льда в полуметре от воды.

— Будь вы неладны, чуть не утопили, — ругает каюр собак и не удерживается от «рукопашного внушения».

Добравшись до разведчиков, по-братски делюсь с соседями всем, вплоть до шоколада. Посылаю упряжку, чтобы подвезли трупы павших лошадей. Разведчики ругаются, давятся, но ничего не поделаешь — приходится есть конину.

У нас уже многие шурфы добыты. Нужно налаживать промывку проб. Середина ноября, но о приходе транспортов в тайге ничего не слышно. О нас как будто все забыли.

Становится все холоднее и холоднее. Продуктов почти нет. «Надо идти за помощью на прииск «Среднекан», — решаю я. Достаю схему, начерченную Билибиным, и рано утром на лы-

жах направляюсь через перевал на Среднекан. Снег рыхлый, более метра глубиной, к тому же идти мешает валежник. Вот и водораздел. В какую же из трех долин мне спускаться? Еще раз повертев в руках схему, выбираю направление и быстро начинаю спускаться. Полдня иду по узкой долине, а Колымы все нет и нет. Начинает закрадываться сомнение — не попал ли я в ту колымскую петлю, о которой говорил Билибин. Вот и устье. На дереве белеет затес: «река Радужная. Раковский. 1929 год». Сомнений нет, я в начале петли и с самого водораздела шел в противоположную от Среднекана сторону. Теперь нахожусь от него почти в три раза дальше, чем был утром.

Проклинаю себя и обманчивый рельеф местности, иду вниз по Колыме. Местами чернеют большие полыньи. Вот уже и ночь. Яркая луна освещает заснеженные склоны сопки. А я иду и иду, не останавливаясь. Все чаще мне приходится делать небольшие пятиминутные остановки — передышки, все труднее вставать потом на лыжи. Луна светила недолго. Скоро ее диск скрылся за вершинами сопки. Стало темно. Делаю остановку, развожу костер, пью сваренный в кружке чай, закусываю «неприкосновенным запасом» — последней плиткой шоколада. В полудреме сижу у тлеющих углей.

...Светает. Можно идти, не рискуя попасть в полынью.

Вот и последний изгиб реки. Но ноги совсем отказываются идти, через каждые двести—триста метров сажусь отдыхать. Вот, наконец, виден и Среднекан. С трудом выбираюсь на крутой берег.

...Прочитав мой рапорт о падеже десяти лошадей, управляющий Колымской конторой Союззолота Улыбин морщится и, с сожалением глядя на меня, говорит:

— Да, паря, дело унылое. Десять томских лошадей! Это сумма!.. Не знаю, как тут и поступить. Приведи ты лошадей на Среднекан и сдай их со своего подотчета, ты бы не отвечал. Правда, здесь бы они тоже сдохли: сено-то не накошено.

— Да они еще нас от голодной смерти спасут, — возражаю я. — Мы уже четвертую лошадь доедаем.

— Вот это дело, — радостно гудит Улыбин. — Давай, иди к главному и обмозгуйте с ним, как это дело лучше оформить.

С бухгалтерией вопрос о лошадях решается благополучно. Управляющий конторой Союззолота Улыбин — старатель, родившийся и выросший на забайкальских приисках. На Колыму он приехал в мае 1929 года. Здесь работал по старинке, тем же старательским способом.

На геологов он смотрел как на чудаков, напрасно тратящих

государственные деньги, считая, что более или менее полезные люди из них лишь поисковики-разведчики. Поэтому большой щедрости от него ожидать было нечего.

На двух нартах я привез разведчикам куль ржаной муки и куль овсянки. Но вместе со мной приехали еще пять человек разведчиков, пять дополнительных едоков. Привезенных продуктов хватило лишь на десять дней. Над нами опять навис призрак голода. Уже съедены все дохлые лошади. Но и на голодном пайке мы не прекращаем работу в шурфах.

Вдруг неожиданно вечером в барак протискивается фигура, с ног до головы укутанная в меха. Откуда-то из глубины мехов слышится:

— Здорово, догоры!

По этому приветствию мы узнаем нашего старого знакомого — «Атамана» Петра Слепцова.

— Однако, решил, помочь надо, начальник, тебе, — говорит он, — привел двух запасных оленей, мясо, небось, пригодится? — широко улыбается Слепцов.

Своим поступком он тронул разведчиков до глубины души. Прощаясь, я ему даю расписку для получения денег на Среднекане. Расплатиться мне с ним нечем.

Но помощь «Атамана» отвела от нас беду лишь на время. К десятому декабря все было съедено. И мы прекратили работу. Наступил настоящий голод. Мы лежали в бараке и слушали, как от жестокого мороза трещат деревья.

Тяжелее всего почему-то переносят голод курильщики. Раз в бараке я застаю безобразную сцену. Один из рабочих с полном бросается на прораба Ершова, требуя от него курева, которое якобы он припрятал. Я быстро ликвидирую инцидент, припугнув почти обезумевшего курильщика ружьем, висевшим у меня за плечами.

Вокруг зимовья будто все вымерло, не видно ни куропатки, ни кедровки. Только трещит лес от мороза и, как далекие орудийные раскаты, ухает лед на реках. В темном бараке идет вялый разговор о каком-то легендарном лабазе с продуктами, оставленном для полевых партий недалеко от устья Таежного.

— Это, ребята, случилось со мной на лесных заготовках в Канаде, я тогда совсем зеленый был, — слышится голос Белова. — Триста человек нас работало на лесозаготовках. По очереди каждый из нас помогал повару на кухне. И вот в мое дежурство повар куда-то ушел и поручил мне сварить рисовую кашу. «Налей немного воды вон в тот котел, — сказал он мне, уходя, — насыпь рису и свари кашу на всех».

А я с рисом в Белоруссии никогда дела не имел. Сделал, как сказал повар. Налил в большой котел немного воды, отсыпал в него полкуля рису. Показалось жидко. Думаю: «На триста человек ведь надо кашу варить», — и высыпал весь куль. Стал варить. Смотрю, лезет и лезет у меня из котла рисовая каша. Я уже всю посуду свободную рисовой кашей заполнил, а она все лезет и лезет. Страх на меня напал, — слабо смеется Белов. — Пришел повар, за голову схватился...

Я мысленно представляю себе рисовую кашу, лезущую из котла, и глотаю набежавшую слюну.

В наступившей тишине слышу вроде слабый лай собак. «Кажется, это шум в ушах от голода», — вяло думаю я.

Но лай и повизгивание собак все слышнее и слышнее. Выскакиваю из барака. В облаке пара к бараку приближаются три упряжки собак. С передних нарт соскакивает бывалый разведчик Степан Дураков.

— Слышал, что голодаете, — здороваясь с нами, говорит он. — Решил подбросить три нарты продуктов. На побережье мобилизованы все собаки, и тридцать упряжек с продуктами идут за мной на прииски. Не знаю, как наледи пройдем, — озабоченно качает головой Степан.

Через несколько дней, на обратном пути, Степан снова заезжает к нам.

— Половину собак пришлось бросить, замерзли в наледи. А продуктов, что привез для прииска, что капля в море...

Ровно пятнадцать дней мы проработали на продуктах, привезенных Степаном.

У нескольких рабочих появились первые признаки цинги. В среднем течении ручья Таежного под руководством Белова рубим ошкуренный чистый барак, уже сделана таежная печь. Белов выпекает из последней белой муки хлеб. На Новый год мы справляем новоселье. Съедаем последние продукты.

...В первых числах января, поздно вечером, на лыжах приходит со Среднекана человек. Говорит, что он — секретарь аварийной тройки, организованной на приисках. Тройка постановила, что если через три дня не прибудет транспорт с продуктами, всем выходить с приисков ему навстречу. Чтобы этот транспорт подогнать, уже вышла бригада молодых геологов во главе с Васьевым и Арсеньевым. А нам, разведчикам, тройка приказывает немедленно уходить из тайги...

— На чем и как? Лыж нет.

— Надо делать их, — не совсем уверенно говорит секретарь и, помолчав, замечает:

— По сведениям тройки, около вас, на устье Ларюковой, имеется лабаз с продуктами. Верно это?

Я предлагаю ему и Ложкину проверить завтра.

Всю ночь я не сплю, обдумывая, что делать, чтобы спасти людей от голодной смерти. По моим вычислениям, получается, что через несколько дней должны подойти олени транспорты. На Стрелку, — она от нас в семидесяти километрах, — они уже наверняка подошли. Но на чем до Стрелки добраться?

Утром секретарь аварийной тройки и Ложкин на лыжах отправляются на поиски лабаза. А в полдень в барак вбегает Яковенко с криком:

— Олени идут! Пять нарт...

Через несколько минут заходят Дмитрий Неустроев и старик Пятилетов, которого он привез с Бахапчи.

— К тебе, начальник, приехал на пяти нартах по договору работать. Провиант привез немного с Бахапчи...

На радостях я чуть не расцеловал Дмитрия и Пятилетова, догадавшегося захватить продукты.

— Транспорт теперь есть свой, живем! — радостно кричит Яковенко и тут же предлагает свои услуги: отвезти разведчикам на «Стремительный» часть продуктов.

Утром я уже посылаю Дмитрия за продуктами на Стрелку. Но увы, вернувшись на пятые сутки, он привозит нам лишь куль муки и куль овсяной крупы. На Стрелке продуктов нет, первый транспорт прошел прямо на прииски. Правда, на днях ожидают конные транспорты. Но он не стал их ожидать и привез то, что сумел достать.

Через несколько дней от плохо ободранной овсянки у многих из нас появляется резь в желудке. По-прежнему в ушах стоит звон, вероятно, от недоедания. Уже конец января. Стоят страшные морозы. По рекам над наледями постоянный туман.

Я опять посылаю Неустроева за продуктами. С помощью Пятилетова и Белова мне удастся организовать промывку проб. Первый металл, вымытый в пробах, сразу поднимает у разведчиков настроение.

— Не зря мы здесь промучились, — говорю я, рассматривая пробы.

К нам заглядывает инструктор наших разведок Эрнест Бертин. Чуть заикаясь, он разочарованно говорит:

— А я думал, вы сытно живете...

— Ничего, вот приедет со Стрелки Дмитрий Неустроев, заживем... — успокаиваю я не столько его, сколько себя.

Но увы... Приехал Дмитрий и привез небольшой бочонок

абрикосового джема и грубое сукно. Больше ничего на Стрелке нет. Делю варенье на всех разведчиков. Дней пять удастся поддерживать силы, но мы начинаем ненавидеть абрикосовое варенье. Дмитрий снова отправляется на Стрелку. Сам голодный, он и вида не подает, что значат для него такие перегоны.

Это была наша последняя голодовка. С Неустроевым, вернувшимся на сей раз со Стрелки с продуктами, приехали первые бригады разведчиков, захватившие с собой шестимесячный запас продуктов. Их послал Раковский из Нагаева. В последующие дни бригады прибывали одна за другой, и я едва успевал расставлять их на разведку.

* * *

Смутные слухи о получении радиограммы, где сообщалось об организации правительством нового треста под названием «Дальстрой», до нас, геологов, работающих в тайге, дошли в декабре 1931 года. До летней навигации новому руководству до нас не добраться, — решили мы, — и продолжали работать по-прежнему. Вскоре об этом забыли.

Разведчики, прибывшие к нам в феврале, рассказывали, что в Нагаеве со дня на день ожидают руководителей нового треста. Караван судов, вышедших из Владивостока, ведет ледкол. А пока местные власти подвергли домашнему аресту всех снабженцев Союззолота во главе с Антоновичем, объявив их главными виновниками голода на приисках. Они сидят по квартирам, играют в преферанс, а снабжение приисков идет еще хуже. Раковский сбился с ног, организуя бригады разведчиков и направляя их с продуктами в тайгу...

Поднялся спор: пробьется ледкол с караваном судов в Нагаев или нет.

— Видать, настырные мужики, что пробиваются сквозь льды на Колыму, — говорит старик Пятилетов с одобрением.

С прибытием продуктов работа у нас пошла веселей. По пояс в снегу разведчики таскают на себе к шурфам дрова. Закладывают на ночь пожоги. Утром «выгружают» шурфы, извлекая всю растаявшую породу на поверхность и выкладывая ее по порядку — через каждые двадцать сантиметров — правильными усеченными пирамидками. После промывки определяется содержание золота на один кубометр.

Шурфовщики вечерами хвастаются друг перед другом количеством заложенных пожогов и метражом пройденной углубки. Среди вновь прибывших много демобилизованных моряков

с Тихоокеанского флота. Приходится на ходу учить молодых шурфовщиков, которые охотно идут на хорошо оплачиваемую сделную работу. Результаты промывки давали нам возможность проводить на некоторых участках более детальную разведку и подготавливать разведанные площади для сдачи в промышленную эксплуатацию.

...Наступил март с его неожиданными морозами и снегопадами. Перебои с доставкой продуктов прекратились. Мы стали забывать голодную зиму. Но она все-таки напомнила нам о себе. Все больше и больше рабочих жалуется мне на то, что у них опухают и кровоточат десны. Помимо этого первого признака цинги, я замечаю у многих общую сонливость и слабость, мешающую работать.

Я отдаю приказ раздать всем кислую капусту, но это помогает слабо, да и капусты мало.

— Эх, жирку бы морского зверя сюда, как рукой цингу бы сняло, — говорит старик Пятилетов, рассматривая в зеркале распухшие десны в своем почти беззубом рту.

Больше половины разведчиков у нас уже цинговало. Сказывалось зимнее недоедание, однообразное «меню» и напряженная работа. Заболевшие цингой неохотно уходят с разведки на Среднекан, в больницу.

В середине апреля из Нагаева на разведку приезжает Раковский. Он сопровождает пожилого грузного инженера, приехавшего с руководством Дальстроя. Задача инженера — осмотреть разведочные работы и выбрать полигоны для эксплуатации.

Вечером Сергей Дмитриевич делится со мной своими нагаевскими новостями:

—... Новое руководство, взяв бразды правления, прежде всего освободило из-под ареста снабженцев и потребовало обеспечить прииски продуктами. Те после вынужденного отдыха сейчас бойко трудятся, — смеется Раковский. — В Дальстрой вливаются все организации. Улыбин сдает дела и уезжает. Приехало много опытных специалистов, целыми группами прибывают геологи-комсомольцы, только что со школьной скамьи. Трест прежде всего собирается вести автодорогу на Колыму. Много привезено техники. Сейчас руководители треста собираются на прииски, чтобы ознакомиться с делами на месте. В частности, решили выявить возможность организации нового прииска на базе вашей разведки. Надо не подкачать, хорошо подсчитать запасы...

На следующий день мы обходим все шурфы.

На обратном пути инженер, явно довольный, отдуваясь, говорит:

— Теперь можно подумать об организации в этом году первого на Колыме горнопромышленного управления, скажем, Южного... А сколько еще нужно будет организовать таких управлений в ближайшие годы, чтобы выполнить задание правительства. На ломике да тачке далеко не уедешь, потребуется механизация горных работ. У меня здесь появилась одна идея по ведению эксплуатационных работ в зоне вечной мерзлоты. Надо использовать аммонит для рыхления не только торфов, но и золотоносного пласта. Это даст возможность вести горные работы круглый год... Над этим следует подумать, — снова, уже в бараке, говорит инженер. — Да и вам, Сергей Дмитриевич, при проходе шурфов можно использовать аммонит. Это повысит производительность и облегчит труд шурфовщиков.

— Видите ли, может пострадать качество разведки, — слабо возражает Раковский. — А вообще следует об этом подумать. Уж больно дедовским способом мы еще работаем на разведке, — говорит он, оживляясь.

...Весна вступает в свои права. Прилетели снегири, они деловито что-то клюют на дороге и около наших шурфов. На солнышке снег начинает быстро таять. Чернеют южные склоны гор. Мы торопимся закончить разведку до появления весенней воды. Как ни хочется мне, чтобы скорее пришло лето, в душе я даже радуюсь всякой задержке в наступлении весны: так много еще неоконченных дел. Приходят последние конные транспорты с продуктами. Прибывают рабочие. Они сразу же приступают к строительству прииска.

Около нашего барака, на сухой террасе, оборудует палатки только что прибывшая полевая партия. Яковенко уже помогает геологам расположиться на новом месте. Молодой начальник партии, комсомолец Яша Фейгин в новеньком обмундировании, обвешанный фотоаппаратом, кожаной желтой планшеткой, компасом и подпоясанный патронташем, оживленно, чуть хвастаясь, рассказывает мне:

— Нас, геологов, едущих на Колыму, руководство треста снабдило в Москве всем самым лучшим. Спальные мешки у нас на гагачьем пуху. Костюмы из меха ангорской козы. Охотничьи ружья — «Зауэр», бинокли, анероиды, геологические молотки и другое снаряжение — самое лучшее. Теперь только работать...

— Баловство одно, — ворчит себе под нос старик Пятилетов, — надоест еще тебе эту сбрую по тайге таскать.

Прибывает руководство нового прииска, и я передаю ему основную часть освободившихся рабочих. Проходка шурфов почти полностью закончена. Осталось только несколько линий домыть.

Первого мая под открытым небом мы проводим митинг. Третьего мая Дмитрий Неустроев увозит меня и бухгалтера со всеми нашими отчетами и пробами на Среднекан. Я тепло прощаюсь со своими разведчиками, сумевшими преодолеть все трудности холодной и голодной зимы...

* * *

Небольшой барак, расположенный в живописном месте немного выше устья Среднекана. Это своеобразная штаб-квартира разведчиков. Здесь живет Раковский. Тут временно расположились и мы с бухгалтером. Торопливо заканчиваем свой отчет по разведке.

По-весеннему многоводна Колыма, всего лишь дней десять, как закончился ледоход. Полая вода залила все вокруг, и сквозь окно барака я вижу лишь верхушки веток затопленных тальников с ярко-желтыми шариками и зелеными листочками. Чтобы попасть к нам в барак, нужно переехать на лодке затопленное устье ручья или сделать большой крюк вверх по течению.

Закончив дела, мы ожидаем лошадей, чтобы вместе с Раковским ехать в отпуск на «материк», как здесь, на Колыме, называют центральную часть СССР.

В штаб-квартире никого из геологов уже не осталось, все ушли в поле. Не застал я и Наташу. Она со своей партией последней зимней дорогой уехала в тайгу, пожелав мне в письме «хорошо, хорошо отдохнуть и покупаться в Черном море».

Наконец лошади прибыли, и в двадцатых числах июня мы подъезжаем к поселку Ола. Идет мелкий нудный дождь. Тянет холодом и сыростью — чувствуется близость Охотского моря. А вот и оно — свинцовое, хмурое...

Едем вдоль берега по вычной тропе, затем сворачиваем и выезжаем к речке Дукче. Отсюда до самого Нагаева наши лошади бодро шагают по строящемуся колымскому шоссе.

Дирекция Дальстроя только что перебралась из Нагаева на берег речки Магаданки, расположившись в низеньком длинном одноэтажном помещении. На правом берегу речки идет большое, но увы, беспорядочное строительство. Разношерстные бараки растут, как грибы, и никто пока не задается целью распланировать улицы в рождающемся городе.

В ожидании парохода мы живем в Нагаеве уже десятый день. Неожиданно подходит пароход каботажного плавания, собирающий засоленную рыбу по Охотскому побережью. Он направляется во Владивосток. Мы большой компанией, запасшись продуктами, располагаемся в самом нижнем трюме парохода.

В дальнейшем наше путешествие на «материк» напоминает быстро крутящийся кинофильм с самыми неожиданными кадрами.

В НОВУЮ ЭКСПЕДИЦИЮ

Курьерский поезд замедляет ход. Все реже и реже постукивают колеса.

Подъезжаем к Владивостоку.

Пять месяцев назад мы уезжали отсюда в отпуск. Тогда был разгар лета, сияло солнце. А сейчас... Туман, слякоть, сквозь сетку мелкого дождя видны проплывающие за окном пакгаузы из оцинкованного железа, водокачка и знакомые очертания вокзала...

В коридоре гостиницы, где мы остановились (мы — это я и Раковский с молодой женой Аней), неожиданно встречаем теперь уже главного геолога нашего треста Валентина Александровича Цареградского.

Он задумчиво идет нам навстречу, чуть наклонив голову с копной выходящих черных волос. Резкие морщины на лбу и чуть заметные мешки под глазами придают его бледному лицу утомленный вид.

— Мне как раз вас и нужно, — здороваясь, говорит Цареградский. — На ловца, как говорится, и зверь бежит. Заходите-ка в номер, товарищи...

Усадив нас, Валентин Александрович с застенчивой улыбкой начинает рассказывать и постепенно оживляется:

— Совсем было мы с женой уехали в отпуск и вдруг получаем телеграмму от директора Дальстроя с просьбой задержаться во Владивостоке до его приезда. Уговорил он меня возглавить новую экспедицию и продолжить свои работы в среднем течении Колымы. Здесь же я с ним договорился, что моим заместителем по технической части назначается вы, Сергей Дмитриевич. Требуется лишь ваше согласие...

Раковский весело кивает головой.

— А Иннокентий Иванович, — обращается он ко мне, — возглавит одну из геологопоисковых партий и выполнит спе-

циальное задание, о котором я расскажу на месте. Я вижу по вашим глазам, что вы согласны. — Шагая по комнате и потирая руки, он весело продолжает: — Экспедиция обещает быть интересной, но трудной. Главная задача — подобрать хороших работников. От этого наполовину зависит успех работ любой дальней экспедиции. Не мне это вам говорить. Подбор людей в экспедицию вам, товарищ Раковский, и вам, товарищ Галченко, я сейчас и поручаю. У вас много знакомых среди рабочих и старателей. Нужно подобрать человек сто...

— Да, — задумчиво произносит Сергей, зайдя ко мне в номер поздно вечером, — опять новая экспедиция, новые сборы, заботы... Это все по мне. Только вот не знаю, Иннокентий, что делать с Аней, она и слышать не хочет о возвращении на «материк». Вот задача, — он ерошит волосы и вопросительно смотрит на меня.

— Не знаю, что тебе и посоветовать, — смеясь, говорю я, — но, по-моему, если она хочет ехать, пусть едет... В экспедиции работа для нее всегда найдется.

Больше к этому вопросу Сергей уже не возвращался. Мы с ним с головой окунулись в организационные дела экспедиции. Нужно было срочно достать необходимое оборудование, инструменты, продукты и погрузить все это на пароход. Одновременно подыскивали людей.

Номер, где мы жили, превратился в своеобразное вербовочное бюро. Весть о наборе в экспедицию моментально распространилась среди работников, едущих на Север, и к нам идут люди самых различных профессий: бухгалтеры, экономисты, плавовики, снабженцы, радисты, механики, учителя, журналисты, просто молодые люди без профессий, мечтающие о таежной романтике. Приходят иногда мужчины и женщины, готовые, по их словам, «ехать хоть на край света». Последняя категория самая опасная. В большинстве это неудачники, потерпевшие аварию в семейной жизни, люди неуживчивые, создающие в экспедиционных условиях нервную, склочную атмосферу.

Здесь-то и помогает Сергею умение разбираться в людях, его прямолинейность и твердость. С утра до вечера его осаждают желающие ехать. Он терпеливо ведет с ними переговоры и, узнав все о человеке, говорит «да» или «нет». Чаще — «нет».

Перед самой посадкой на пароход он с грустью докладывает Цареградскому:

— Желающих ехать много, но нужных нам — геологов, топографов, коллекторов, промывальщиков и опытных рабо-

чих-разведчиков — почти не удалось завербовать. Придется подбирать на месте...

— Ну, на нет, как говорится, и суда нет, — невесело улыбается Цареградский. — Подберем в Нагаева. Есть у меня на примете несколько человек. Пригласим начальниками партий. Взяты, к примеру, геолога Наташу Наумову... Почему бы ей не поработать у нас?

При одном имени Наташи у меня учащенно забилось сердце, но я стараюсь принять равнодушный вид. Оказывается, курортные впечатления не заслонили воспоминаний о ней...

— Она, правда, молодой геолог, — продолжает Цареградский, — но в первое лето с работой справилась, и неплохо. Да Иннокентий Иванович знает ее как работника...

Я совсем теряюсь и, желая скрыть смущение, чересчур торопливо подхватываю:

— Но если она согласится, то с ней поедет и ее прораб Вера Толстова. Это неразлучные подруги.

— Ну что же, хорошо, — смеется Сергей, — лишний прораб, значит, будет.

Так намечается костяк нашей экспедиции.

* * *

В море наш пароход четыре дня треплет жестокий осенний шторм. С материка упорно дует ветер. Порывы его достигли одиннадцати баллов... Глухие удары содрогают от носа до кормы крепкий корпус нашего небольшого суденышка. Все трюмы плотно задраены, и волны перекачиваются через палубу.

Днем и ночью мы слышим вой и рев разъяренной стихии. Больше половины пассажиров лежит пластом.

На пятый день ветер стихает, небо проясняется, удары волн становятся все слабее и, наконец, качка затихает.

Мы входим в бухту Нагаева. Здесь стоит несколько пароходов. В левой части бухты, защищенной горами, виднеются широкие кромки льда. В некотором отдалении от берега бросяем якорь.

На берегу собралась большая толпа встречающих. Люди что-то кричат, машут руками, но катер почему-то не подходит.

— Странно, — говорит Раковский, рассматривая в бинокль берег. — На берегу не видно ни одного катера, ни одной лодки.

Вскоре все выясняется. Из вернувшейся с берега лодки поднимается по трапу грузный, в морской форме человек. Тяжело отдуваясь, он басыт:

— Три дня у нас с тайги в море дул почти двенадцатибалльный ветер. Разыгрался небывалой силы шторм, и все катера и лодки сорвало и унесло в море. Сейчас абсолютно не на чем разгружать пароходы...

— Начались сюрпризы, Валентин Александрович! — обращается Сергей к Цареградскому. — У меня, кажется, родилась одна идея — пароход должен встать вон у той кромки льда и вмерзнуть. Тогда мы сможем выгрузить снаряжение на лед, а потом вывезти машинами на берег. Один пароход, у которого противоледовая обшивка, будет ежедневно разбивать лед, сохраняя канал. По этому каналу все разгрузившиеся пароходы выйдут в открытое море...

— Это действительно идея! — поддержал его Цареградский. — Надо сейчас же предложить капитану и директору треста.

После некоторых колебаний рискованное предложение Сергея принято. Вечером пароходы, за исключением одного, стоят уже около кромки льда.

Мы два дня ночуем на пароходе. На третий день по трапу, спущенному прямо на лед, выгружаемся и переезжаем на берег.

Через несколько дней разгрузка пароходов уже идет полным ходом. Ящики и тюки выгружаются прямо на крепкий лед, тут же их укладывают на машины и увозят на склады.

Работы завершаются сравнительно благополучно. Только две машины провалились с грузом под лед, который треснул после отлива. Водители успели выскочить на лед в предусмотрительно открытые двери кабин. Незначительная часть груза была подмочена морской водой, выступившей на поверхности прогнувшегося от тяжести льда.

Пароходы, прогудев на прощание, медленно выходят один за другим в открытое море. С другой стороны бухты слышатся взрывы — это горняки приступили к постройке причалов будущего порта.

* * *

В маленьком кабинете Цареградского, где помещается вся геологоразведочная служба Дальстроя, людей набилось, как сельдей в бочке. Накурено и душно. За столом сидит Раковский, перед ним чертежи кунгасов.

— Смотри, Степан, — обращается он к наклонившемуся над чертежами Дуракову, задумчиво покручивающему свой

черный ус, — придется вот такого типа кунгасы делать, тонн на десять грузоподъемностью. По весенней воде они пройдут через пороги. Всего для переброски нашего груза потребуется около двадцати таких кунгасов. Бери рабочих, которых мы с тобой отобрали, и дней через пять двигай на сплав. Нужно торопиться. К первому мая необходимо построить все кунгасы. Но строй их, Степан, на совесть, покрепче, сам знаешь, что им предстоит выдержать...

Степан, не тратя лишних слов, тут же садится писать заявку на все нужные для строительства материалы.

— Ну, а теперь нам с тобой, Иннокентий Иванович, надо поговорить о подготовке людей, — обращается ко мне Раковский. — Помещение для курсов имеется. Программу мы с Валентином Александровичем разработали, рассчитана она на три месяца. Завтра можно будет приступить к занятиям. Геологию прочтут Цареградский и Ушаков, поиски — я, разведку, математику можешь ты, и так далее, не стесняйся, привлекай, кого найдешь нужным. Да... Вот здесь четыре комсомольца просятся к нам в экспедицию, коллективное заявление подали. Сейчас послушаем, что скажет их представитель Дмитрий Асеев.

Вперед выходит высокий молодой паренек, взволнованно дыша, срывающимся звонким голосом обращается к нам:

— Очень просим взять нас в экспедицию. Все мы закончили десятилетку, а я даже два курса Ленинградского горного института, но определенных профессий не приобрели. Здесь работаем кто в бухгалтерии, кто в плановом отделе. Но эта канцелярская работа не по душе. Ребята мы здоровые, умеем плавать, стрелять, в школе занимались спортом, туристами ходили по горам Крыма и Кавказа.

— Это очень хорошо, товарищи, но учтите, — серьезно говорит Раковский, — в экспедиции вам придется много и тяжело работать. Все это совсем не будет походить на спортивную экскурсию или туристские походы и, самое главное, потребует от вас специальных знаний.

— Вот мы и хотели просить принять нас на курсы коллекторов и прорабов, — в один голос заявляют комсомольцы.

— Договорились, — заключает Цареградский, — учитесь. В зависимости от вашей успеваемости будем решать, взять или нет вас в экспедицию.

Довольные комсомольцы шумной ватагой выскакивают из кабинета.

— Ну, теперь примемся за вас, Наташа, — улыбается Валентин Александрович.

— Вы так упорно уговариваете меня ехать в экспедицию, что я, кажется, вынуждена буду дать свое согласие, — смеясь, говорит она. — Но если я и поеду, то только вместе с Верой, мы с ней так сработались.

— Это у нас уже предусмотрено, — вставляю я.

Наташа смотрит на меня серьезно, и я, смутившись, замолкаю.

— Так и запишем, едете с нами, — говорит Цареградский, прощаясь с Наташей.

У нас с Наташей после моего отпуска установились какие-то странные взаимоотношения. В первую встречу она радостно со мной поздоровалась и почти весь вечер расспрашивала о том, где я побывал, о Москве. Рассказывая, я невольно любовался ее загорелым лицом, задумчивыми глазами. Но стоящие рядом молодые люди всячески старались привлечь внимание хорошенькой девушки. К концу вечера вниманием Наташи всецело завладел чернобровый красавец Артистов. Я сидел в углу, разговаривая с Аней, и каждый раз, когда слышал Наташин смех, сердце мое болезненно сжималось.

После этого вечера она при встречах со мной старалась сделать вид, что она очень занята работой, торопилась куда-нибудь уйти или начинала оживленно разговаривать с Верой, односложно отвечая мне. У нас никак не налаживались те хорошие товарищеские отношения, которые были летом в полевой партии.

Несколько раз я давал себе слово не встречаться с Наташей, относившейся ко мне все с большим безразличием, но получалось так, что я опять ее видел, и мысли о ней не покидали меня ни днем, ни ночью.

Сейчас, услышав, что Наташа, наконец, решила ехать с нами, я в душе ликовал. Я буду работать с ней, я буду ее видеть каждый день.

— Вот что, — перебивает мои мысли Сергей, — женщины экспедиции на сплав не будем брать, провезем на оленях по зимней дороге. На днях мы все двинемся в тайгу.

— Я предпочитаю плыть вместе со всей экспедицией, а то какая же я буду начальница партии. Нет, мы с Верой поплывем, — решительно заявляет Наташа. Она уже одетая стоит у двери.

— Ну, вам, девушки, виднее, — покосился Сергей, — только смотрите, не зовите маму на порогах.

С утра, упаковав вещи, томлюсь в ожидании машины, которая должна заехать за мной. Большая часть работников экспедиции уже уехала. Вчера я проводил своих курсантов, коллекторов и прорабов. Вечером вслед за ними уехал Раковский, которому выпала честь сопровождать женщин. Он должен помочь им уехать на прииски оленьим транспортом, минуя пороги. Остались лишь Цареградский, заканчивающий последние дела, и Наташа с Верой. Девушки трудятся над заключительной главой своего отчета.

После обеда, когда я уже окончательно решил, что сегодня не уеду, за мной подъезжает груженная машина. В кузове, завернувшись в тулуп, сидит человек.

— Александр Егоров, еду вместе с вами промывальщиком в экспедицию, — кричит он мне. Его широкое медно-красное лицо расплывается в приятной улыбке, виден ряд крепких белых зубов.

С помощью Александра мы быстро грузимся. Я сажусь в кабину, Егоров снова завертывается в тулуп, поудобнее устраивается на тюках, и машина трогается.

Мимо проплывает строящийся город, вдали виднеется закопанная льдом бухта Нагаева, за ней в дымке — бескрайнее море.

«Сейчас апрель 1933 года... Через сколько лет увижу опять эти берега?» — с грустью думаю я.

Широкая трасса уходит в тайгу. Мелькают низкорослые тонкие лиственницы, торчащие из-под снега пни. Дорога отличная, и спидометр отсчитывает километр за километром.

Ночуем в Палатке.

На следующий день минуем крутой перевал. По обеим сторонам трассы стоят невысокие березки, засыпанные снегом, сверкая и переливаясь всеми цветами радуги под ярким апрельским солнцем.

«Вот если бы так удобно и быстро доехать до места назначения экспедиции», — думаю я, пригревшись в кабине.

— Да, товарищ Галченко, — словно угадав мои мысли, произносит молчавший до сих пор шофер, — скоро трасса кончится. Сейчас вот спустимся с перевала, переедем через реку — и автомобильной дороге конец. Дальше поедете уже на тракторах до перевалки, а оттуда до сплава на лошадях или оленьих.

Благополучно перебравшись по наледи через речку, мы въезжаем в дорожный поселок — конечный пункт трассы.

...Раннее весеннее утро. Солнце только что взошло и заливает бледно-розовым светом белоснежные просторы безмолвной тайги. Воздух морозен, чист и прозрачен. В гулкой тишине слышен рокот трактора. С огромными усилиями он тащит на перевал наши тяжело груженные сани. Мы сидим на вьюках высоко, как на стогу сена.

Вдоль дороги, рядом с грохочущим трактором, по весеннему насту бежит с десяток белых с розовым отливом куропаток. Они деловито ошипывают почки с верхушек придорожных кустов и не обращают на нас никакого внимания. Наши заядлые охотники стонут от нетерпения, лезут за ружьями. Но трактор останавливать нельзя. Скрепя сердце смотрим, как куропатки скрываются в кустах.

Через час мы подъезжаем к перевалке. Это десяток разбросанных в беспорядке таежных барачков и несколько длинных складов, заваленных грузами. Отсюда грузы идут в тайгу, на сплав, а затем уже на оленях и лошадях — на прииски.

— Ну, товарищи, приехали, — весело говорит тракторист, — повез бы дальше, да провалюсь на реке под лед. Отсюда до сплава рукой подать — шестьдесят километров.

...И вот мы у места, откуда должно начаться наше путешествие по воде. Вдоль берега стоят двадцать уютнообразных, с высокими бортами, десятиметровой длины кунгасов. Они готовы к спуску на воду. Предполагается, что команда каждого кунгаса будет состоять из пяти—шести человек.

Поодаль, в стороне от берега, в два ряда белеют бязевые палатки. Здесь живут члены экспедиции. В одной из палаток, самой вместительной, организована столовая. Здесь безраздельно хозяйничает жена нашего старика-прораба Дмитрия Старостова. Все ее величают Васильевной.

— Ничего со своей старухой не мог поделать, — жалуется нам Старостов, — хотел послать со всеми женщинами на прииски, а она мне в ответ: «С тобой, Митя, поплыву — и никаких. Не в таких переделках в тайге бывала, а ты меня сплавом пугаешь».

Экспедиция, готовая двигаться дальше в тайгу, уже живет походной жизнью. Сегодня с утра приводим в порядок снаряжение.

— Трактор! Смотрите, трактор идет! — раздается чей-то звонкий голос.

Выскакиваю из палатки. Действительно, вдали на реке виднеется трактор с груженными сани. Это первый трактор, добравшийся до сплава.

— Наверное, Цареградский с оставшимися товарищами, — высказывает предположение Сергей. — Вовремя едут. Скоро реки вскроются.

«Сейчас я увижу Наташу», — мелькает у меня радостная мысль.

Подходит трактор, но, кроме водителя и нашего снабженца Михаила Лунеко, ездившего выручать остатки грузов с перевалки, никого не видно.

— Валентина Александровича не дождался, — говорит Михаил, соскакивая с трактора. — На днях ожидают его на перевалке. Боюсь, что его застанет паводок и до нас не успеет добраться.

— Да, дело — дрянь, надо выручать нашего начальника, — беспокоится Сергей. — Степан, подбирай человек шесть ребят да двигай на тракторе на перевалку. Может, ты съездишь, Иннокентий? — предлагает он мне.

Я охотно соглашаюсь.

...Светлая северная ночь. Десять человек лежат на сене в пустых тракторных санях и дремлют. Равномерно стучит трактор. Вдруг раздается треск. Я качусь по саням вниз головой, инстинктивно хватаясь за борта. На меня наваливаются, чертыхаясь, остальные пассажиры. Александр летит в воду. Трактор сразу затих.

— Фу ты черт, провалились под лед, — ругается Степан, — цел ли трактор только? Наше счастье — воды в реке мало.

Перед моим лицом струится прозрачная вода. С трудом выбираюсь из наклонившихся саней, упершихся одним полозом в дно реки. Заглохший трактор стоит в воде, видна только его выхлопная труба. Прямо по воде бредет к нам тракторист Николай.

— Чуть отвернул в сторону, думаю, проеду по льду, и на тебе, провалился! Как мы из этой ловушки выберемся? — ожесточенно скребет он затылок.

— Выберемся, — уверяет Степан. — Трактор лишь бы был в порядке.

— Сейчас проверим, — отзывается Николай и, провозившись с четверть часа, запускает трактор. Мы все облегченно вздыхаем.

— Ну, ребята, рубите несколько толстых лиственниц, тащите сюда, подведем их под гусеницы, и он по ним, как миленкий, вылезет.

Проработав около двух часов, мы, наконец, выручаем трактор и сани из ледяной ловушки и продолжаем свой путь.

Но дорогой трактор часто останавливается, и лишь к обеду следующего дня мы подъезжаем к перевалке.

Уже появилась весенняя вода. С каждым часом она прибывает. Мокрый снег, оседая на глазах, превращается в лужи воды на льду. Навстречу нам по колеям дороги бегут ручьи.

— Товарищи, вы приехали вовремя, — здороваясь, говорит начальник экспедиции. — В ночь надо срочно двигаться на тракторе обратно на сплав.

— Не знаю, как и поедом. Барахлит наш трактор после прыжка под лед, товарищ начальник, — жалуется Николай.

Наташа и Вера, обе загоровшие, похожие на стройных подростков в своих темно-синих лыжных костюмах и коротких резиновых сапогах, весело выбегают нам навстречу.

— А вы почему не на сплаве, а здесь, Иннокентий Иванович? — спрашивает меня Наташа.

— Да вот вас приехали встречать, — смущенно говорю я.

Наташа бросает на меня мимолетный, как мне кажется, благодарный взгляд и продолжает оживленно:

— Кое-как домучили свой отчет, с трудом добрались до перевала, но завтра будем уже на сплаве, конец нашему сухопутному путешествию.

— Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь, — качает головой Степан. — Весна дружная, не пришлось бы плыть раньше времени.

Ночью мы выезжаем обратно на сплав. Но нам определенно не везет. Трактор начинает чихать и останавливаться.

— Барахлит машина, — сокрушается Николай, часами возясь около трактора. Он настойчиво и терпеливо его запускает, но трактор через каждые три—четыре километра останавливается вновь.

К вечеру, проехав тридцать километров, мы добираемся до «верхнего сплава» — старого брошенного барака. Трактор с трудом перебирается через реку, вода почти покрывает его гусеницы. Со скрипом и визгом, по гальке, он с трудом затаскивает груженные сани на берег и останавливается около барака.

— Да, отъездили, — сокрушается Степан, — отсюда придется уже плыть.

— Валентин Александрович, надо бы Николая отпустить, — предлагает Степан, — а то застрянет он с трактором в тайге. А мы сделаем небольшие плотики и через несколько дней, как позволит вода, сплавим на них груз до своих кунгасов. По реке здесь километров тридцать будет...

Цареградский соглашается.

Мы сидим вокруг большого костра и ожидаем, когда же закипят чайники. Красные блики от костра играют на стенах полуразрушенного барака, на стволах сухих деревьев.

— Не грустите, девушки, — смеется Степан. — Это только начало ваших приключений. Где ваша палатка? Сейчас мы вам ее поставим и оборудуем, выбирайте место...

— Нет, мы сами поставим, — упрямо вскидывает голову Наташа.

— Нет, Наталья Ивановна, это мужское дело. А вы, если желаете нам, холостякам, помочь, то сварите на всех суп, — предлагает Степан.

Вера и Наташа начинают хлопотать около ведерной кастрюли, подвешенной над костром. В стороне уж белеет поставленная палатка. Крышки чайников вдруг почти одновременно запыркали, из носиков, пузырясь, полилась в костер вода.

Выбрав вблизи костра сухое ровное место, заросшее прошлогодней травой, расстилаем брезент и, расположившись полукругом, пьем чай. В тишине отчетливо слышно, как шумит речушка.

Поставив недопитую кружку чая на брезент, Цареградский задумчиво смотрит на костер и, не обращаясь ни к кому, говорит:

— Да, быстро бегут годы... Давно ли я был студентом Ленинградского горного института? Помню, с каким замиранием сердца я присутствовал на организационном собрании геологического кружка «Сибирская секция». Там нас собралось около десятка бедно одетых студентов, мы поставили перед собой задачу: по окончании института ехать работать в отдаленные районы Сибири и Дальнего Востока, исследовать эти неизвестные земли, закрасить огромные белые пятна на геологической карте, найти стране месторождения полезных ископаемых.

Мой выбор пал на реку Колыму. Я добросовестно изучил все материалы по бассейну этой реки, какие сумел найти. Дипломную практику я проходил в алданской тайге. Вместе со Степаном Степановичем Дураковым мы там бродили по горам. Он, бросив свое старание, работал у нас в партии рабочим, — ласково взглянув на Степана, говорит Валентин Александрович.

— Вернувшись в Ленинград, защитил диплом и неожиданно получил предложение от геолога Билибина примкнуть к экспедиции, впервые едущей на реку Колыму под его руководством. В апреле 1928 года, ровно пять лет тому назад, курьерский поезд уносил меня на Дальний Восток...

Широко раскрыв свои большие глаза, слушает Вера. Прижавшись головой к высокому пеньку, она задумчиво теревит кончик черной косы, перекинутой через плечо. Наташа — само внимание. Прикрыв рукой свое раскрасневшееся от ярко горящего костра лицо, она не сводит с рассказчика глаз. Чуть улыбаясь, поглаживая свои черные усы, слушает всегда подтянутый Степан.

Александр, тихо поднявшись, снимает кастрюлю со сварившимся супом. О нем уже забыли.

А Цареградский так же негромко продолжает:

— Во Владивостоке около месяца ждали парохода. В середине июня на стареньком, арендованном Совторгфлотом японском пароходе мы вышли в море. Большую часть пути море было покрыто густым туманом, поэтому через каждые пять минут раздавались низкие протяжные гудки парохода. Каюта наша находилась около трубы, так что спать почти не удавалось.

Казались ложными все описания поэтов и писателей, восхищавшихся красотами моря. Только в последние три дня туман исчез, и сквозь дымку облаков проглянуло солнце. Появились буреветники, чайки, морские утки, чувствовалась близость земли. Последний день пути мы плыли вдоль берега. Слева смутно виднелись голубые горы.

Вечером заскрежетали якорные цепи, и наш пароход встал на рейде. Катера не было. Команда отправилась на берег в шлюпках, а нам пришлось ждать.

Солнце посылало последние лучи из-за зубчатых, заостренных гор, отражаясь в окнах полутора десятков домов поселка Олы. Над морем легла белая северная ночь.

В этой первой экспедиции участвовали два геолога — Юрий Билибин и я, два практика-разведчика — Сергей Раковский и Эрнест Бертин, геодезист-астроном Казанли, доктор Переяслов, завхоз и двенадцать рабочих — завербованных на алданских приисках старателей.

Наша экспедиция была организована трестом Союззолото. Руководство в Москве ничего толком не знало про этот край и поручило нам проверить заявку, сделанную несколькими старателями на реке Среднекане, а затем провести поиски вокруг этого района.

Чтобы попасть в тайгу, нам требовались лошади. Но местные власти под всякими предлогами отказывались помочь экспедиции. Тогда мы сами принялись доставать лошадей. Везде нам отказывали. Только один местный житель, Макар Медов,

крепко сложенный якут лет шестидесяти, с морщинистым, изъеденным оспой лицом, как-то за очередным чаепитием, предварительно подробно расспросив о целях и задачах нашей экспедиции, повернулся ко мне, сощурив раскосые хитрые глаза, и неожиданно предложил: «Однако, три лошади у меня есть. У соседей — Семена и Афанасия — еще попрошу. Сам проводником поеду, только богатые люди — эвены и якуты — обязательно будут сердиться. Но ничего, начальник, — покровительственно похлопав меня по плечу, продолжал Макар, пуская клубы едкого махорочного дыма, — помогать, однако, надо советской власти».

Помимо всего, Макар Медов был чрезвычайно любознателен. Жажда посмотреть на незнакомые края толкнула его в молодости в далекое и длительное путешествие.

Услышав от казаков и жителей города Якутска о далекой Колыме-реке, об обилии рыбы в реках, он в качестве конюха прибыл с купцом в поселок Олу. Здесь, проработав некоторое время батраком, обзавелся семьей. Возил грузы зимой на оленях, летом на лошадях до реки Колымы. Семья его росла, но хозяйство по-прежнему было небольшим, жили бедно, впроголодь.

Таков был этот местный житель, согласившийся нам помочь. И Макар выполнил свое обещание.

Но сами понимаете, на восьми лошадях, собранных Макаром, много грузов мы перевезти не смогли. Решили подбросить их лишь до реки Бахапчи, а дальше рискнуть сплавиться до устья Среднекана. Местные жители, и Макар в том числе, в один голос говорили: «Это опасная затея. На протяжении тридцати километров идут сплошные пороги, а по Бахапчинским порогам никто еще не проплывал. Двадцать пять лет назад пытались проплыть по ним казаки, но на первых же порогах разбились».

Но у нас другого выхода не было.

— Восьмого августа Билибин с пятью рабочими и нашим проводником Макаром Медовым, взяв трехмесячный запас продуктов и самое необходимое из вещей, отправился вверх по реке Оле. Я в тот же день отправился продолжать свои работы на побережье. Ну, а дальше вам расскажет про сплав участник и главный лоцман Степан, — хитро улыбаясь, говорит Цареградский.

— Расскажите, Степан Степанович, как вы плыли первый раз по этой реке, — просим мы хором.

— Расскажи, Степан, это полезно послушать, первый раз будем плыть по реке, — поддерживает Цареградский.

— Да что рассказывать, — смутившись, говорит Степан. — Только в конце августа привел нас Макар вот на это место, где мы с вами сидим. «Отсюда можно плыть на плотах, река здесь уже широкая», — заявил он. Мы приступили к постройке двух прочных плотов. Вставали очень рано, ложились поздно.

Тридцатого августа плоты были готовы. Вечером в палатке, накануне отплытия, мы еще раз долго расспрашивали Макара о порогах, о Колыме и о признаках, по которым можно узнать устье Среднекана, куда нам надо было плыть. На большом листе бумаги Макар с сосредоточенным лицом, пытая, «начертил» нам схематическую карту нашего пути до Среднекана, метко описывая местность. Сергей быстро перечертил ее себе в записную книжку, проставил названия, расстояния между протоками и замечания Макара.

Вскоре Макара, здорово выпившего, совсем развезло, и он начал усиленно и слезно уговаривать нас не плыть, а вернуться с ним обратно и зимней дорогой ехать на прииск. Сергей махнул на него рукой и прекратил расспросы. А Макар, сидя на земле в углу палатки, продолжал разговаривать сам с собой, причитая нараспев по-якутски:

«Большая да большая, страшная река Бахапча,
Плохие да плохие пороги в ущелье,
Бедные да бедные русские, однако,
Все покойники будут».

«Ничего, Макар, — успокаивал я его, — у нас на Лене по Витиму пороги — не приведи господь, а плавали через них. Проплывем и здесь».

Рано утром мы отплыли. Я с Билибиным поплыл на первом плоту, Сергей с ребятами — на другом.

Воды в реке было мало, наши тяжело груженные плоты часто садились на косы, их приходилось беспрерывно сталкивать с мелких мест.

Неприятный сюрприз ожидал нас на второй день нашего плавания. Целый день пришлось тащить плоты по почти сухой протоке, так как путь преграждал большой порог, который нельзя было при малой воде переплыть. Этот порог мы назвали «Неприятным».

После порога мы еще два дня тащились по мелководью.

Наконец, река стала шире, и приходилось только следить, чтобы плот шел главной струей. Быстро плыли вперед. Однажды вечером Билибин говорит мне: «Степан, наверно, скоро по-

роги начнутся. Причаливать, пожалуй, пора к берегу на ночлег. Да и солнце скоро зайдет».

Вдруг наш общий любимец — пес Дёмка вскочил на ноги и стал смотреть вперед... Смотрю, впереди на правой косе как будто два медведя ходят. Солнце скрылось за горой. Стало сразу темнее. На гальке около воды шевелились две неясные темные фигуры, одна побольше, другая поменьше.

«Да, определенно медведица с медвежонком, — подтвердил Билибин. — Доставай, Степан, винчестер».

Затихли. Плоты понесло скорее, мы прицелились. Присматриваюсь. Да это же люди! Наклонились и сеть выбирают, вот блеснула серебром рыба, бросают на берег.

«Не стреляйте! — закричал я. — Это люди, Юрий Александрович!» — и толкнул в сторону его винчестер.

От неожиданности он нажал курок. Прогремел выстрел. Люди быстро вскочили на ноги, теперь их было хорошо видно. Вдруг они сразу что-то закричали, размахивая руками. Но из-за шума ничего не было слышно. Я взглянул вперед и невольно выругался. Прозевали порог! Наш плот несло к левому берегу прямо на камни, торчащие гребнем.

«Бей вправо!» — крикнул я, хватаясь за весло.

Но было поздно: плот налетел на камни. Вышибло переднее весло, больно ударило Билибина. Плот затрещал, лопнули передние вязья. Моментально стало заливать груз. Передние бревна начали расходиться с одного боку веером. Мы с Иваном нажали веслом, и плот, развернувшись, сорвался с камня. Нас занесло в тихую заводь и стало крутить. Рядом с нами плавали ящики с консервами и вьюки с мукой.

Причалив, мы моментально выловили из воды подмоченный груз, разложили его на берегу.

На долбленом маленьком ботике-душегубке, быстро пересекая реку, подплывал к нам якут. На корме сидел его десятилетний сынишка, на дне ботика прыгали жирные серебристые хариусы.

Мальчуган испуганно смотрел на заросших волосами мокрых русских.

Едва успев поздороваться с якутами, мы бросились помогать причаливать Сергею, благополучно проплывшему порог.

Якут, спокойно закулив трубку, смотрел на нашу суету. Выше, на берегу, стояла с короткой трубкой во рту якутка, за ее подол цеплялся мальчуган лет трех.

«Да это юрта Дмитрия Амосова — «Заики», Юрий Александрович! Про нее еще Макар говорил. Как быстро проплы-

ли! Отсюда рукой подать до порогов, километров десять, не больше», — проговорил Сергей, здороваясь с Дмитрием и его женой.

Гурьбой, во главе с хозяевами, мы отправились к юрте, стоявшей немного в стороне от реки. Около юрты, у дымокуров, лежали и стояли коровы с телятами, лениво отмахиваясь от надоедливых комаров.

Гостеприимные хозяева угостили нас испеченными на костре хариусами, чаем с молоком и сушеной рыбой вместо хлеба.

На все наши вопросы о порогах Дмитрий, делая страшное лицо, махал руками и отвечал по-якутски:

«Плохо, плохо. Плыть нельзя, покойник будешь».

Больше мы ничего от него не добились.

На следующий день, подсушив груз, мы простились с гостеприимным семейством Дмитрия и отчалили.

«Бедняги русские, все утонут», — уверенно сказал он на прощание.

И я и Сергей Раковский знали якутский язык. Переводить его слова мы, конечно, не стали.

Пороги, действительно, оказались трудными и опасными. Дважды, с большим риском для жизни, приходилось снимать наш плот с камней. В последний раз, снимая плот, мы потеряли Дёмку. Он соскочил с полузатопленного, прижатого к валуна плота и выплыл на берег. Наш плот неожиданно сорвало и понесло по реке. Дёмка не сумел нас догнать по берегу, и мы все жалели нашего любимца.

Первый порог мы назвали «Два медведя» в память о неудачной охоте. Затем шли пороги: Ивановский, Юрьевский, Степановский, Михайловский и Дмитриевский в честь первых сплавщиков-разведчиков.

Последний порог был назван Сергеевским. Он оказался самым опасным и длинным, усыпанным в шахматном порядке крупными гранитными валунами, с резким падением воды на сливе. На нем впервые сел на камни плот Раковского. Мы пронесли мимо него с необычайной быстротой и сплыли в тихий тилес.

Оказать Раковскому помощь было невозможно.

Просидев два часа на камнях, он отделил от плота четыре бревна. Только тогда ему удалось сняться с валуна среди бушующей воды.

В устье реки Бахапчи мы оставили затесы на деревьях, чтобы нас могли найти остальные члены экспедиции, и поплыли по широкой и спокойной Колыме.

Вскоре показалось устье первой реки, которую мы называли Утиной. Промелькнули устья еще нескольких речек. На третий день мы причалили в устье реки Среднекана. Узнали ее по приметам, живо и детально описанным Макаром Медовым.

Поднявшись вверх по реке на несколько километров, натолкнулись на старателей, мывших золото в устье ключа Безымянного.

Мы были на месте назначения. В шести километрах от устья ключа срубили два барака. Сделали стол, нарезали чурбаков вместо стульев, каждый по своему вкусу сделал себе койку. Поставили привезенную с собой железную печку, и наше жилье было готово к зиме. Сразу же приступили к разведке. Продовольствия хватило до начала декабря. Около месяца пришлось жить впроголодь. Когда мы съели внутренности павших лошадей и принялись за конскую шкуру, пришел, наконец, долгожданный олений транспорт с продуктами, с ним прибежал потерявшийся Дёмка. Вот и весь рассказ... — разводит руками Степан.

— Надо будет тебе, Степан Степанович, составить схематическую карту порогов, — озабоченно говорит Цареградский, — она здорово может помочь.

Большинство из нас, постелив на землю ветки, располагается на ночлег около костра. Несколько человек забирается в барак.

Завернувшись с головой в свою кавказскую походную бурку, я моментально засыпаю.

— Ну, товарищи, поднимайтесь! Завтрак давно готов! Отсыпаться что ли приехали, плоты делать надо, — будит всех утром Степан.

На следующий день к вечеру десять готовых и оснащенных двумя веслами плотов стоят на слегах вдоль берега.

— Завтра погрузимся и поплывем. Вода в реке подходящая, — удовлетворенно говорит Степан, осматривая плоты и проверяя крепления для весел.

— Вам с Егоровым поручаю самый ответственный груз — точные приборы, — вручая мне тюки, говорит Цареградский.

Утром один за другим отчаливают плоты.

Плывем медленно. На реке еще много льдин. К тому же она то и дело разделяется на протоки, в которых очень трудно ориентироваться.

Часто стаскивая с мелких перекатов свой плот, мы с трудом проплываем километров десять. Под вечер нас неожиданно заносит в узкую и быструю протоку.

Вдали, впереди нас, другой протокой плывет несколько наших плотов.

— Не в ту протоку мы с тобой, Александр, попали. Проплывем ли? — сомневаюсь я.

— Ничего, проплывем, впереди их еще окажемся, — уверенно говорит Александр, направляя плотик на середину протоки.

Впереди слышится шум и какие-то крики.

Вдруг видим, навстречу нам бегут два человека, машут руками и кричат, надрываясь:

— Куда вы плывете! Назад надо. Здесь не проплыть. Ледяной затор.

Впереди протока забита льдом, вода уходит под него. Два потерпевших аварию плотика, повернувшись на ребро, преграждают ей путь. Вода бурлит, пенится. Выбрасывая канат, нас стараются подтянуть к берегу, но не могут удержать. Мы с Александром прыгаем в воду и с трудом выбираемся на берег. Наш плотик, став на ребро, окончательно запруживает протоку, и вода устремляется поверх льда.

Несколько секунд я, еще не опомнившись, слежу за своим узлом с ценным грузом. Он, соскользнув с плота в воду, быстро плывет дальше. Я что есть духу бегу вдоль берега, не сводя глаз с узла.

Лихорадочно мелькают мысли: «Там все точные инструменты, без которых не может работать экспедиция. Спасти их надо во что бы то ни стало». И я, задыхаясь, еще быстрее бегу за уплывающим узлом. Через километр его начинает прибывать к берегу. Я вбегаю по пояс в воду и, схватив узел за край, пытаюсь подтянуть его к себе. Но он вырывается из рук и плывет дальше. После нескольких попыток задержать узел схватываю его основательно. Он тянет меня в воду. Чувствую: еще секунда — и я поплыву вслед за ним. С трудом преодолев силу течения, подтягиваю, наконец, ценный груз к берегу. Мокрый, обессиленный, еле переводя дух, сижу около, не в состоянии вытянуть узел из воды. На помощь ко мне подбегают Степан, Цареградский и девушки. Они помогают вытащить груз на сухое место.

— Ты здесь сушишь! Ужин нам приготовьте! Мы пойдем с Валентином Александровичем выручать плоты, — быстро говорит Степан и бегом устремляется по берегу.

— А мы проплыли благополучно другой протокой, причалили ниже, метрах в двухстах отсюда, решили подождать

вас, — рассказывает Наташа, помогая мне разжечь костер. — А вы молодец! Спасли груз...

— Хорош «молодец», чуть не утопил все, — отвечаю я, смутившись. Но в глубине души польщен похвалой Наташи.

Усаживаемся на валежник у костра. Я разуваясь и выливаю воду из своих коротких резиновых сапог. Мокрые брюки неприятно холодят и липнут к телу.

Притопывая, кручусь около ярко горящего костра. От меня валит пар.

— Знаешь что, Ната, нам тоже следует подсушиться. Ноги-то ведь мокрые, — обеспокоенно говорит Вера.

Девушки быстро разуваяются.

— Замучилась я с этими сапогами, портянки вечно сбиваются в комок и трут ноги, — жалуется Наташа, грея у огня свои маленькие ноги.

— Наташа! — ахаю я. — Разве так обуваются? Пожалейте свои ноги, ведь вы завертываете их, как девочки пеленают своих кукол. Завтра я покажу вам, как следует обуваться. Геолог обязан беречь свои ноги, со стертými ногами далеко в тайге не уйдешь.

— Да, в университете нас этому не учили, — смеется Наташа, надевая на ноги тапочки. — Увидела бы свою дочь сейчас моя старенькая мама, пришла бы в ужас, — задумчиво глядя на костер, продолжает она. — Ее маленькая Ната, в глухой тайге, мокрая, голодная, сидит у костра на берегу бурной реки, по которой она плывет на каких-то немыслимых плотах...

— Вы, Наташа, как будто раскаиваетесь в выборе профессии, — говорю я, пристраивая на костре чайник.

Вера молча готовит ужин.

— Откуда вы взяли? — вспыхнув, возражает Наташа. — Я очень люблю свою профессию. А кто, как не вы, в прошлом году не раз обвиняли меня в том, что я не имею чувства меры в работе, — лукаво улыбается Наташа. — Вы лучше расскажите, Иннокентий Иванович, как вы стали поисковиком?

— Ну, это наша наследственная профессия, — смеюсь я. — Еще мой дед искал золото в Забайкалье и амурской тайге. На Амур он приехал, отслужив двадцать лет на Кавказе. Решил старик искать счастье на новых местах. Крепкий, как дуб, дед прошел первым с поисковой партией инженера Аносова по Становому хребту, водоразделу Амура. Они нашли несколько золотоносных площадей для золотопромышленных компаний. Отец мой искал золото в амурской и нижнеамурской тайге. Так что я родился и вырос на золотых приисках. Мать работала

помощником смотрителя золотопромывочной машины, и меня еще грудным младенцем девочка-нянька носила к ней на работу.

Подперев кулачком подбородок, Наташа внимательно слушает.

— Окончил десятилетку, когда на Дальнем Востоке только что установилась советская власть. В это время умер на приисках отец. На моих руках остались брат, две сестры и мать. Конечно, учение пришлось оставить. Стал учительствовать. Наступил тысяча девятьсот двадцать четвертый год, начала оживать золотопромышленность. И мы с братом отправились на вновь открытые Алданские прииски. Там мы были свидетелями настоящей золотой лихорадки! Люди, как одержимые, стремились на прииски. Дорога на Алдан напоминала путь поспешного отступления армии. По обе стороны валялись в снегу трупы погибших от голода лошадей и верблюдов, брошенные сани, ящики и мешки. В ночь под пасху распространился слух, что дальше в тайге найдено богатое золото, и тысячи людей, не смотря на распутицу, не зная дороги, кинулись в тайгу, боясь опоздать...

Весной тридцатого года меня отправили учиться в горный институт, но на прием я опоздал и вот завербовался в колымскую тайгу. Но учебники до сих пор вожу с собой...

На реке послышался разговор, скрип весел и плеск воды.

— Кажется, наши плоты плывут! — кричит Вера, вскакивая на ноги.

Из-за поворота реки выплывает плотик.

— Эй, ловите чалку, — кричит Степан. — Получайте свой плот. С трудом мы его с Валентином Александровичем выручили.

Вскоре причаливают еще два плота.

На следующий день плывем без особых приключений. Впереди — плот Степана, на нем — обе девушки.

— Через пять километров сплав! — кричит Степан. — Здесь смотрите в оба! Наледь большая зимой была.

Вся долина реки покрыта льдом. Река промыла себе русло во льду, и мы плывем по коридору с ледяными бортами... Вдруг плывущие впереди выскакивают с плота на лед. Плот с грузом исчезает под нависающим карнизом льдом. Люди быстро бегут через этот ледяной мост и опять прыгают на плотик, выплывший из-под льда.

«Наш плот с громоздким узлом не пройдет подо льдом», — мелькает у меня мысль.

Мы сильно и дружно гребем с Александром и сажаем плот на галечную косу.

— Мы за вами лодку пришлем! — кричит Степан. — Ждите!

В томительном ожидании проходит несколько часов. Наш плот уже снесло с косы. Груз мы частями вытащили на лед и ждем. Наконец приходит лодка.

Плывем мимо покачивающихся на воде только что спущенных кунгасов, привязанных толстыми канатами за пни.

На берегу шумно и людно. Торопливо идет погрузка нескольких кунгасов. Они плывут с грузом для приисков. Немного в стороне стоят наши экспедиционные, уже загруженные, кунгасы. Подплываем к ним, причаливаем.

— Наконец-то прибыл последний, самый ценный груз, — с облегчением говорит Раковский, здороваясь с нами.

К обеду, когда в реке начинает прибывать вода, кунгасы один за другим отчаливают и уплывают вслед за передним лоцманским «судном» Степана.

Меня назначили «капитаном» кунгаса. В моем подчинении команда из пяти человек. С нами плывут Наташа и Вера.

В последний раз я хозяйским оком оглядываю кунгас: все ли на месте? Проверяю кормовые и носовые весла: хорошо ли они ходят в гнездах, крепки ли они, есть ли длинные шесты. Пробую, как качает воду деревянная помпа.

Впереди, примерно метрах в трехстах, где начинается перекат, виднеется несколько уже севших на мель кунгасов. Около них по колено в воде копошатся люди. Мимо нас проплывают остальные кунгасы.

— Мы поплыли! Счастливы вам оставаться! — насмешливо раскланивается с кормы Михаил Лунeko.

— Ну, ну! Не сядьте на первом же перекате! Пловцы! — громко и насмешливо кричит им вслед наш прораб Мика Асеев, высокий, с копной каштановых волос. Рядом с ним машет рукой низенький Ваня Ушаков.

— Чего же мы выжидаем? — нервничает Наташа.

— Наш лоцман знает, что делать, — хитро сощурился глаза, отвечает ей Мика. — Все уплывшие вперед кунгасы рассядутся на мелких местах, и мы по ним, как по бакенам, уплывем дальше всех...

— Вот это ловко! Верно, Ната? — смеясь, говорит Вера.

— Что, хитрите или боитесь плыть? — кричит со своего кунгаса Сергей. — Вы последние, сзади уже идет на лодках аварийная команда.

— Давай отчаливай, Александр! — командуя я, и наш кунгас отходит от берега.

Проплываем мимо сидящего на первом же перекате Михаила Лунеко. Мика насмешливо кричит:

— Ну, мы поплыли! А вы, кажется, сидите?

Тот только махнул рукой, сталкивая кунгас с мели.

За перекатом тихий плес, плывем медленно. Я стараюсь держаться подальше от нависших с обоих берегов подмытых деревьев.

На следующем перекате, более широком и мелком, сидит еще больше кунгасов. В одном месте они стоят в ряд и, как плотиной, перегораживают речку. Между ними по узкой глубокой протоке проплывает идущий впереди кунгас. Мы плывем вслед за ним и, не задерживаясь, проскальзываем между кунгасами.

— Ишь, чужими руками жар загребают! — обиженно кричат нам.

— Спасибо, ребята, за подмогу! — с мальчишеским озорством, раскланиваясь в обе стороны, благодарит Мика сидящих на мели.

Но за следующим плесом нас ожидает широкий, разбившийся на ряд проток перекат. Почти все ушедшие вперед кунгасы уже сидят здесь на мели.

Я теряюсь: не знаю, куда плыть. Идущий впереди кунгас неожиданно цепляется дном о гальку и, загребая в кучу уютнообразным носом мелкие камешки, останавливается. Мы обходим его справа, задеваем дном гальку, но срываемся с мели и плывем дальше.

— Влево струя пошла! — кричит Александр. — Бей влево!

Но уже поздно. Тяжелый кунгас не может выйти на середину протоки и основательно садится на мель.

— Заводи «оплеуху», Александр! — командуя я.

Спущенную в воду плаху течение ставит перпендикулярно к кунгасу. На ее ребро вскакивает Александр. Но это не помогает. Кунгас мелко дрожит, но не двигается. Его заносит мелкой галькой. Со стяжками в руках дружно прыгаем в ледяную воду. Девушки, свесив с кунгаса ноги, тоже собираются последовать за нами.

— Куда! Куда вы! Сидите! Кунгас сейчас пойдет, — кричат Мика и Александр.

Но те, не послушавшись, уже шлепнулись в воду. Облегченный кунгас как будто этого только и ждал. Вздвигнув, он быстро плывет вниз.

Побросав моментально стяжки, хватаемся за борта и прыгаем в кунгас.

— Ну вот, видите, только и ждал, чтобы мы слезли. Сразу поплыл, — смеется Наташа, свешивая с борта свои ноги в легких ичигах. Из пробитых носков струйкой стекает вода.

— Смотри, Вера, какая красота! Вода вытекла, и ноги уже согрелись...

— Наталья Ивановна, вы мне сегодня вечером дайте ваши ичиги, я вам их подремонтирую. А то вы об острые камни ноги изуродуете, — басит Александр.

— Нет, спасибо, пожалуй, так лучше, — отмахнулась было Наташа, но, взглянув на выглядывающий палец, вдруг смутилась и согласилась на предложение Александра.

Впереди снова широкий веер переката. Кунгасов впереди уже не видно. Сколько я ни смотрю вперед, повсюду мелко.

Плывем на «авось». Несколько раз задеваем дном гальку и, наконец, садимся основательно. Не помогает даже и то, что все соскочили в воду. До глубокого места метров триста. Все мы дружно, под команду Александра «Еще раз взяли!» метр за метром толкаем кунгас.

С завистью смотрим на проплывающие мимо кунгасы.

От холодной воды немеют ноги. Зябнут мокрые руки. Со стяжков холодная вода бежит по плечам.

Подплывает на лодках аварийная команда. Она начинает энергично и умело помогать нам. Мы быстро стаскиваем свой кунгас на глубокое место и плывем дальше.

К вечеру вода прибывает, и мы благополучно, незаметно для себя проскальзываем узкий порог Сюрпризный, которого все ожидали со страхом.

На третий день плаванья все кунгасы причаливают против юрты Дмитрия Заики.

Дмитрий с радостью встречает своих старых знакомых.

— Ну, смотрите, товарищи лоцманы, дальше держите ухо востро, — инструктирует нас Степан. — Аварийная команда со своими лодками там не пройдет.

Утром мы с трудом сталкиваем свой тяжелый, севший за ночь на мель кунгас. Плывем в середине каравана. У всех напряженное и нервное состояние.

Мы входим в ущелье, промытое рекой в гранитных скалах. Берега почти совсем сблизились. Вся долина и русло завалены огромными гранитными валунами, закрытыми большой весенней водой.

— Ну, начинается! — побледнев, глухо говорит Мика, крепко обхватив большими руками кормовое весло.

Я напряженно слежу за сливом воды. Стараясь направить кунгас по фарватеру реки, командую:

— Бей вправо! Бей влево! — и тяжелый десятитонный кунгас медленно двигается то вправо, то влево, обходя торчащие из воды валуны и подозрительные белые буруны.

На кормовом весле трое: я, Мика и Ушаков. На переднем — Егоров с промывальщиком Наташиной партии Ткаченко, флегматичным, грузным украинцем.

— Мы с Верой хотим вам помогать, — не совсем уверенно говорит Наташа.

— Знаете что, девушки? Давайте-ка в свой носовой отсек и не мешайте нам, — протестую я решительно. — Видите, что впереди!

Наш кунгас со страшной быстротой несется среди бурунов прямо на скалу. «Ивановский пережат, — мелькает мысль. — Только бы уловить момент и отбить вовремя нос кунгаса от скалы».

Девушки, взглянув вперед, молча забираются в свой носовой отсек. Ушаков, как замороженный, смотрит на страшный порог. Вдруг он бледнеет, бросает кормовое весло и молча, на четвереньках, лезет в отсек к девушкам.

— Ты куда? — кричит Мика.

— Не могу! Мне дурно! Кружится голова, — отвечает слабым голосом геолог и скрывается в отсеке.

Я выжидаю момент, и когда мы почти вплотную подходим к скале, громко кричу:

— Бей влево!

Мы с удвоенной силой бьем веслами, направляем нос кунгаса по струе и мчимся вдоль скалы, отброшенные упругой волной.

— Смотрите! Смотрите! Кунгас на камне!

Быстро приближаемся к потерпевшим аварию. На борту затопленного, как бы накинутаго на валун кунгаса, лежат вровень с бушующей водой люди и, как безумные, кричат:

— Держи влево! Держи вправо!

В середине я вижу жалко улыбающуюся толстую Васильевну, цепляющуюся за борт.

Всего лишь в метре проскакиваем мы мимо кричащих и беспомощных людей.

— Чуть не разбились, — облегченно вздыхает Мика. — Как вы думаете, спасет их наша аварийная команда?

— Если на них до этого не налетят такие пловцы, как мы, и не утопят, — мрачно отзывается Егоров.

Мы проплываем мимо еще нескольких сидящих на камнях кунгасов.

— Ну, товарищи, приготовься! Степановский порог...

Кунгас начинает крутить. Мы упорно работаем веслами и держим нос по струе. Впереди нас плывет кунгас.

«Не столкнуться бы», — лихорадочно думаю я и направляю кунгас ближе к берегу. Встречная волна обдаёт нас брызгами с головы до ног.

...Перед носом мелькает что-то большое, черное. Раздается треск, резкий толчок. Но мы мчимся дальше.

— Стукнулись, наверное, о камень? — выглянув, спрашивает бледная Наташа.

— Ничего, все благополучно, сидите пока...

Последний, самый длинный пережат мне кажется бесконечным. Река, изгибаясь, как желтая змея, мчится вся в пене, среди огромных разбросанных в шахматном порядке валунов. На выходе из порога торчит, как жук на булавке, налетевший на чуть прикрытый водой валун кунгас. Его захлестывает вода...

Сильный удар веслом по боку сбивает меня с ног, и я лечу вниз головой в бушующую реку. Мимо меня мелькает белый борт кунгаса. Инстинктивно плыву к берегу, захлебываясь в набегающих волнах. Больно ударившись несколько раз, скользя по валунам и преодолевая быстрое течение, с трудом выбираюсь на берег. С моей отяжелевшей телогрейки льется вода. На мое счастье, когда меня сбросило в реку, мы находились близко к берегу.

Я бегу вниз, выбираю спокойное место и кричу, машу руками. На одном из кунгасов заметили меня, приближаются к берегу. С помощью нашего молодого экспедиционного геолога Андрея Горелышева забираюсь на кунгас.

— Хорош лодман! — смеется он, оглядывая меня.

От холода у меня зуб на зуб не попадает. Чтобы согреться, энергично работаю кормовым веслом.

«Как-то плывет моя команда без лодмана», — мелькает тревожная мысль.

В первой же заводи ниже порогов мы причаливаем около группы кунгасов, среди которых я нахожу свой.

— Мы так беспокоились за вас, — радуется Наташа, увидев меня.

— Это я виноват, — мрачно бурчит Мика, — зазевался и не удержал весло...

— А как вы доплыли без горе-лоцмана? — смеюсь я.

— Кунгас вел твердой рукой Александр. Ваня Ушаков встал на свой покинутый пост, Наташа с Верой тоже помогали, — рапортует, уже улыбаясь, Мика. — Решили здесь ночевать и ждать вас.

Уже вечерет. Почти вровень с берегом река стремительно катит мутные желтые воды. Солнце скрывается за зубчатыми высокими горами, и лишь розовый отсвет вечерней зари играет на вершинах, покрытых пятнами снега.

Подплывают кунгасы Цареградского, Степана Дуракова, Раковского.

— Что вы наделали! Оборвали своим кунгасом единственную лодку, которую мы пытались сплавить на веревке ниже порогов, — говорит мне недовольно Сергей. — В случае аварии что мы будем делать без лодки?

Причаливает еще кунгас. На нем много народу. Подходит расстроенная Васильевна.

— Накормили бы мы рыб, если бы не Митя Чистых с ребятами. Четыре раза к нам подплывали аварийщики, но их все проносило мимо. Только на пятый раз сумели они нас снять. А кунгас и все добро утонуло, — жалуется она.

— Ну, не все, Васильевна! Мы часть твоего добра в реке выловили, часть на берегу нашли, — говорят ребята, сдавая хозяйке мокрые тюки и чемоданы.

— А где аварийная команда? — тревожно спрашивает Степан.

— Собирались плыть прямо на лодке за нами через пороги, — отвечает Старостин.

— Вот лихачи! — возмущается Сергей.

— Лодка, лодка перевернутая плывет! И на ней люди! — закричали кругом.

Посредине реки на перевернутой лодке плывут, распластавшись, два человека. Один лежит без движения, другой бьет руками и ногами по воде.

— Молодец Чистых, греется! А что Иван без движения лежит? — раздаются голоса.

— Кто ближе, подгребайтесь к ним. Спасайте ребят! — кричит Степан и бросается к своему кунгасу.

Быстро отделяются от берега три кунгаса и, сильно работая веслами, скрываются за поворотом реки.

— Спасут или нет? — нервничая, спрашивает всех Наташа.

— На кунгасах догонят, снимут ребят, — уверяет Мика.

Поздно ночью около соседнего костра слышу вопрос:

— Ну, что, Степан, удалось спасти ребят?

— Спасли только Дмитрия Чистых, а Иван Белов утонул. Догнали мы их километров через пять, бросили веревку, на ней подтянули Чистых. Бросили Ивану. А он у самого кунгаса выпустил веревку. Конечно, сразу исчез в воде. Больше его не видели.

— Неужели никак нельзя было их спасти? — недоумевает Наташа. При свете костра ее широко раскрытые глаза кажутся черными, на лице глубокая скорбь.

Все сидят, опустив головы, с винватым видом, хотя каждый из них только что, рискуя собственной жизнью, спасал товарищей. Егоров, насупившись, подозрительно трет глаза. Иван Белов был его закадычным другом.

Вдруг, закрыв лицо руками, Наташа бежит, спотыкаясь, в свою палатку. Долго слышны ее приглушенные всхлипывания. Мы молча сидим у костра.

— Жаль парня! А все лихачество. Не слушают, когда предупреждают... — грустно говорит Дураков.

— Мы думали, что проплывем на своей лодке! Разве мы знали, что такие пороги! — оправдывается Чистых. Слышно, как у него стучат зубы.

ПО КОЛЫМЕ ДО ВЕРХНЕ-КОЛЫМСКА

Переправившись через пороги, наш караван без приключений минует остаток пути и выходит на широкие просторы Колымы. Проплываем мимо Утинки.

На высоком правом берегу, в устье небольшой речушки, белеют палатки.

Причаливаем. Нас встречает коренастый, тучный, но подвижный Евгений Трофимович Шаталов. Следуя обычаю геологов не бриться в поле, он отрастил русую бороденку, придающую его молодому лицу солидность.

— Как нельзя кстаи прибыли, — стремительно тащит он нас. — Два противня зажаренных хариусов. Только хотели приступить к трапезе — вы подплыли...

За едой Шаталов быстро вводит нас в курс своих дел:

— В прошлом году благодаря настойчивости Билибина были отправлены несколько дальних геологопоисковых партий в верховья Дебина и в бассейн Берелеха. Юрий Александрович, отправляя меня в верховья Дебина и в бассейн Берелеха, уверял, что я там обязательно встречу металлоносную зону.

Промышленные месторождения, по его расчетам, должны были быть в районе пересечения реки Берелеха и старой якутской тропы, идущей в Сеймчан. Так оно и оказалось. А в средней части течения Дебина, в районе ручья Ягодного, партии Леонида Сняtkова и Арсентьева в прошлом году также обнаружили золото.

— Но что еще любопытнее, — частит Шаталов, разделываясь с последним хариусом, — по дороге к Дебину добросовестный Леонид Сняtkов бегло опробовал долину Ат-Уряха и обнаружил богатейшие месторождения. Сейчас туда отправлен опробовательский отряд Сергея Лапина. Уверен, что здесь мы тоже найдем металл, тут как раз должна пройти основная рудоносная зона. А вот ваша экспедиция, по-моему, идет далеко-далеко. Можете выскочить за пределы зоны, и придется вам ее перехватывать где-нибудь на Индигирке...

Мы дружно смеемся, но в душе уверены в успехе.

Через несколько дней все кунгасы экспедиции причаливают в устье Среднекана. Здесь к нам присоединяются остальные члены экспедиции, двигавшиеся по суше: наши женщины и высокий, кудрявый, застенчивый, как девушка, молодой геолог Юрий Трушков.

Первое июля. Жаркий летний день. Все кунгасы экспедиции уже вторые сутки стоят против якутского поселка Сеймчан. Хребет Черского, Утинка и Среднекан остались позади.

Из Сеймчана от экспедиции отделяются две геологоразведочные партии Юрия Трушкова и Наташи Наумовой. Они проведут маршрутную съемку реки Сеймчан и через водораздел должны будут пройти: одна партия — по реке Омулевке, а другая — по реке Ясочной и Поповке до Верхне-Колымска — предполагаемой базы экспедиции. Основная часть экспедиции должна продолжать сплав до Верхне-Колымска.

Выгружаем с кунгасов груз для уходящих партий.

— Завтра вы отплываете дальше... Как-то не верится, что наше плавание уже окончено, — грустно говорит Наташа, срывая цветы шиповника.

— В работе время пролетит незаметно, — утешает ее Вера.

— А зимой мы соберемся все вместе и будем обрабатывать материалы, — бодро подхватывает Мика.

Местные жители от мала до велика собрались около кунгасов. Они впервые видят так много русских «нюча». В особенности их привлекает наше экспедиционное «подсобное хозяйство». Мы везем с собой кур, гусей, уток и пару свиней. Всю эту живность они тоже видят впервые и со страхом отбегают в

сторону, когда на них бросается наш воинственный Петька, защищая своих кур.

Мы отправляемся в центр Сеймчана, чтобы договориться с правлением колхоза насчет лодмана и аренды лошадей на лето для работы в экспедиции. Сеймчан — это селение, состоящее из двух десятков юрт, привольно раскинутых на протяжении тридцати пяти километров в Сеймчанской впадине — широкой долине с тучными лугами и кочковатыми болотами.

Хорошо утоптанная тропинка вьется среди цветущего шиповника. По сторонам стоят высокие лиственницы, вдали раскинулись живописные березовые, ольховые и тальниковые, рощицы, среди которых видны черемуха и рябина.

— Благодатные места. Совсем как на «материке»! Распахать бы их! — восхищаются мои спутники. — Вот только проклятые комары, ни днем, ни ночью от них покоя нет.

— Через десять дней комаров еще больше будет. Тучей будут летать, — говорит наш попутчик старик якут, местный житель. — Чистое наказание! Скот тогда только ночью пасти можно. У дымокуров будем спасаться.

Подходим к юрте, где помещается контора колхоза. Договариваемся насчет лодмана. Колхоз охотно дает в аренду экспедиции лошадей. Все материальные и организационные вопросы решены без затруднений.

— Ну, а теперь вы поплывете до Верхне-Колымска — пункта, где закончил свой сухопутный маршрут Черский. Там вы начнете со своей партией площадную съемку, только, как говорится, в обратном направлении маршрута, — улыбаясь, говорит мне перед отплытием Цареградский. — Получите еще и особое задание, но об этом поговорим на месте, — загадочно заканчивает он.

На следующее утро мы, счавив попарно кунгасы, плывем дальше по тихой многоводной Колыме. Наша флотилия идет по глубоким, не замерзающим даже зимой плесам, «сеймам», от которых и произошло название поселка Сеймчан.

Ниже Сеймчана на протяжении ста километров Колыма течет в узкой долине, пересекая предгорья хребта Черского. Здесь неожиданно встречаем пароход, который впервые идет из бухты Амбарчик с грузом для приисков. В ответ на протяжный приветственный свисток парохода мы даем салют из ружей. В прибрежных скалах гулко перекачивается эхо.

Там, где Колыма сворачивает к северо-востоку, она становится широкой, со множеством островков, густо заросших лиственничным и тополевым лесом.

Здесь встречаются высокие с беловатыми стройными стволами чозении «Кореянки» — один из видов ивы, заросли красной и черной смородины, которую местные жители именуют амурским виноградом, или «охотой».

Почти все острова окаймлены гибким тальником, на котором белесыми полосами виднеется засохший ил — следы весенней полои воды.

Вспугиваем выстрелами плавающих по реке уток. Пробуем ловить рыбу прямо с кунгасов, но неудачно — рыба не клюет. Загораем на солнце — посредине реки почти нет комаров.

Мы стараемся плыть за передним лощманским кунгасом, но несколько раз основательно садимся на мель. А когда в погоне за лощманом наши спаренные кунгасы попали в залом и их чуть не перевернуло, мы, махнув рукой на лощманский кунгас, плывем там, где меньше шансов сесть на мель или попасть в залом.

На Колыме очень много заломов. Это большие груды стволов, нанесенных весенним половодьем на острова и отмели.

Среди множества протоков мы совершенно теряем ориентировку и не знаем, где плывем.

Вдруг впереди, у правого берега, видим несколько причаливших кунгасов. С трудом подгребаем и причаливаем к ним. Нас мгновенно окружают тучи комаров.

У подножья горы, на болотистых лугах, среди озер разбросаны четыре якутские юрты. Оказывается, это поселок Балыгычан, недалеко от устья реки Балыгычана.

Здесь мы намечаем дальнейший план. Договариваемся, что все кунгасы соберутся у реки Столбовой и оттуда мы поплывем за лощманом, чтобы не пропустить левую колымскую протоку Прорву, впадающую в реку Ясачную, на которой стоит Верхне-Колымск.

— Столбовую реку пропустить трудно, там на середине реки столб стоит. Видно, хорошо, — уверяет нас лощман.

И вот снова наши кунгасы в пути. Плывем, не останавливаясь на ночьлег. Ночи светлые, и плыть даже лучше, виднее слив воды.

Наконец на середине реки мы видим остров с высокой острой скалой. Это и есть «столб». Шумной ватагой выходим на берег. Мы в стране юкагиров.

Остров густо зарос развесистыми березами. Людей не видно. Тихо. Тропка приводит к небольшой рубленой избе. Открываем дверь и в полумраке видим — все в доме спят. Один из спящих поднял голову, сонно взглянул на нас, что-то пробормотал на

незнакомом языке и опять уснул. Мы в недоумении выходим из избы. Лощман объясняет:

— Юкагиры, или одулы, как они себя называют, летом днем спят — много комаров и жарко, а ночью работают, ловят рыбу, гуляют. Такой обычай у них. Вот увидите, ночью обязательно в гости придут.

И действительно, всю ночь гости не давали нам спать. Они по очереди обходили все кунгасы и поставленные на берегу палатки. Трое юкагиров, стройные, среднего роста, веселые и общительные, вели разговор на якутском языке, попивая крепкий чай. Их светлые, округлые лица без бороды и усов, с прямыми носами, с широкими мясистыми ноздрями, были необычайно оживлены. Женщины с черными, заплетенными в косы волосами принимали живейшее участие в общем разговоре и кокетничали с мужчинами.

Юкагиры-одулы, по-видимому, наиболее древний и когда-то многочисленный народ северо-востока Сибири. Издавна они занимались рыболовством и охотой и вели полукочевой образ жизни. Единственными домашними животными у них были собаки, обычно две—три на семью, больше они не в состоянии были прокормить. Во время весенних перекочевок юкагирам приходилось самим впрягаться в нарты, чтобы помогать собакам.

Впоследствии юкагиры сильно смешались с якутами, эвенками и русскими. Национальные особенности и язык наиболее сохранились у верхнеколымской группы юкагиров.

Экономическое положение юкагиров до советской власти было чрезвычайно тяжелым. Однообразие пищи, постоянные голодовки, принесенные сюда венерические болезни, эпидемии оспы, гриппа, кори катастрофически сократили население. По переписи 1926—1927 годов числилось всего пятьсот юкагиров.

Советское правительство приняло решительные меры для подъема благосостояния юкагиров-одулов — им безвозмездно выделены олени, лошади, коровы, для них завозятся продукты, орудия рыбной ловли и охоты. К тому времени, когда мы встретились с юкагирами, в юкагирских поселках намечалось открытие школ-интернатов.

Мы быстро подружились с этими общительными людьми и с сожалением расстаемся с ними.

На Столбовой оставляем партию — она будет обрабатывать с кунгаса оба берега Колымы. Остальные плывут дальше.

В полдень девятого июня мы замечаем на берегу деревянную потемневшую церковь с четырехугольной колокольней, без

крыши. Это и есть город Верхне-Колымск — «крепость», как его называют местные жители.

Сорок два года тому назад И. Д. Черский так описал бытие своей экспедиции на зимовку в Верхне-Колымск.

«Невзрачный уголок этот мы узрели 28 августа старого стиля, подплывая к нему на двух карбасах, по причине значительного повышения уровня вод в реках, затопивших низкие места и помешавших нам приблизиться к Верхне-Колымску на лошадях. Почерневшая, хотя и не старая, деревянная церковь, развалина древней часовни, семь юртообразных домиков без крыши и без оград, со слюдяными или ситцевыми окошками, неправильно расставленных вдоль берега, да еще несколько амбаров — вот все, что мы увидели, обогнув последний мыс реки».

К этому описанию можно теперь добавить: исчезли развалины древней часовни, а на крутом илистом берегу реки Ясачной был сделан небольшой помост-причал и около него на берегу лежала куча каменного угля.

На подходе к Верхне-Колымску мы салютуем из ружей. Все жители «крепости» от мала до велика и даже собаки выбегают на берег. Раздается несколько ответных выстрелов. Один за другим кунгасы причаливают к берегу.

Нас встречает высокий, степенный, лет сорока якут. Он помогает подтянуть и крепко привязать кунгас. Потом широко, добродушно улыбаясь, он протягивает каждому из нас руку.

А вокруг — оживленная, любопытная толпа. Здесь же, на берегу, знакомимся почти со всеми жителями.

* * *

— Я вас вызвал по интересному и важному делу, — обращается ко мне Цареградский, доставая из своей походной сумки синий пакет со следами пяти сургучных печатей, с надписью на углу «Сов. секретно».

Мы сидим вдвоем в домике, где, по словам местных жителей, зимовал И. Д. Черский.

Цареградский достает из пакета два листа плотной бумаги, исписанных каллиграфическим почерком, и протягивает мне. Первый датирован 1914 годом. Некто Попов, отставной пятидесятник якутского казачьего войска, как он титулует себя, обращается к главноуправляющему Ленских приисков «Лена-Гольдфильдс», предлагая указать и продать за сумму, о которой он договорится, богатые золотоносные площади, застолбленные им, Поповым, в бассейне реки Колымы. Точное место

он укажет по заключении договора. Далее в письме подробно описывается, при каких обстоятельствах он нашел золото, как мучился один в тайге. Летом ему мешали работать «тучи комаров», зимой он нанял оленей и в сопровождении якута возчика выехал из крепости. Сначала направился на юг, потом на север. Ехал вдоль разных рек целых полмесяца.

«Это он для зашифровки места не называет, — думаю я, — чтобы никто не смог их найти без него».

У речки Попов и его спутник вырыли яму в две четверти глубиной и промыли в ней всю породу. И, наконец, — первый успех: «Наши превеликие труды были богом награждены, и мы вымыли кусочки золота».

Далее подробно описываются похождения в тайге, где Попов с якутом чуть не погиб, потеряв весь груз, в том числе и мешочек с золотом. В декабре он добрался до Верхне-Колымска и, узнав о войне, выехал в Якутск.

Во втором письме, датированном 1917 годом, Попов сообщает Временному правительству, что он знает очень богатое золото на реке Колыме, и предлагает указать местонахождение, если Временное правительство оплатит ему расходы, понесенные им при поисках золота, и вознаградит за находку. Судя по второму письму, Попов был глубоко уверен, что он действительно знает, где находится «богатое золото».

Прочитав, я вопросительно смотрю на Цареградского.

— Это как бы изюминка экспедиции, — улыбается он. — Наша задача — проверить достоверность открытия Попова. Ваша партия будет вести съемку по маршруту Черского. Я предполагаю, что «яма Попова» окажется на площади ваших работ. Нужно убедиться, не является ли это очередной «золотой» легендой.

Я еще раз внимательно перечитываю письма.

— Нужно спросить местных жителей, был ли здесь Попов. И если жив его проводник, то он нас проведет к яме. Где якут хоть раз был, он обязательно найдет это место.

— Пожалуй, правильно, — соглашается Цареградский. — Хорошо. Действуйте. А о содержании письма никому ни слова.

Прежде всего я направляюсь к председателю колхоза. Старый якут с веселыми искорками в прищуренных глазах помнит все, что прошло на его глазах десятки лет назад.

— Был, был такой чудак русский. Все что-то в тайге искал с проводником.

— А проводник жив?

— Живой! Вон в том доме живет, юрту свою бросил.

И старик указал на небольшой обмазанный глиной домик без крыши.

Захватив из запасов партии бутылку спирту, полкирпича чаю, сахару и галет, иду к проводнику. В избушке, разделенной на две половины, со стенами, оклеенными вместо обоев листками евангелия, меня встречает человек, с которым, оказывается, я уже знаком, — Афанасий Иванович Данилов, тот самый, который помогал нам причалить к берегу.

— Проходите, проходите! — здороваясь, приглашает он.

Его жена Матрена, маленькая, подвижная женщина, сразу же начинает готовить для гостя традиционный чай.

— Я к вам, Афанасий Иванович, по важному делу пришел, — начинаю я свой разговор после первой же выпитой рюмки, закусывая тающей во рту вяленой нельмой. — Вы, говорят, были проводником у Попова, ездили с ним всю зиму. Расскажите все, что про него знаете.

— Верно, ездил. Молодой, холостой я тогда был. Попов к нам в крепость весной приехал, последней дорогой в четырнадцатом году. Большой, высокий человек был. А лицо у него рябое, нос — как у ястреба. Отставной казачий начальник он был. Привез с собой продукты, товары, котел и железный инструмент. Торговать, однако, не стал. Золото, говорит, искать у вас приехал. Все лето по тайге ходил. Вернулся довольный. Зимой нанял оленей, уговорил меня каюром быть. Якутским трактом доехали мы до реки Бочеры. Там остановились. На месте, где дорога выходит на реку, яму копали. Конец ноября был. Великие морозы стояли. Костром отогревать мерзлую землю приходилось. В две четверти яму выкопали. В котле воду грели, золото мыли. Кусочки такие желтые в мешочек Попов складывал. Шибко радовался и говорил: «Не пропали наши труды, Афанасий! Богатым человеком теперь буду, моя эта теперь река, столбы я поставил. Продам реку и деньги большие получу». Первый раз я слышал, чтобы тайгу можно было продать. Чудак был человек, — смеется мой собеседник.

— В ноябре мы доехали до одной речки. В узком ущелье поставили палатку. Утром Попов залез на высокий берег над рекой.

«Здесь, — говорит, — Афанасий Иванович, должно быть золото, будем бить яму. Я расчищу снег, а ты заготовь сухих дров».

На ночь разложили большой костер. На следующий день заставил он меня в большом котле натаять из снега воды, а сам стал мыть в большом котле обыкновенную землю, выну-

тую из ямы. После каждой промывки долго смотрел через стекло на дно ковша, но я видел — ничего там не было.

На третий день, когда в яме остались небольшие куски скалы, Попов вдруг радостно крикнул: «Есть!» Стал показывать мне дно ковша. Я увидел несколько желтых небольших камушков. Страшно радовался в тот вечер Попов, угостил он меня спиртом и говорит:

«Не пропали наши труды даром, Афанасий Иванович. Никому ничего не рассказывай, богатыми людьми мы станем. Как приеду обратно, тебя отблагодарю».

Я тоже тогда радовался.

Афанасий Иванович, отхлебывая горячий густой чай, продолжает:

— Еще немного мы помыли, но ничего не нашли. Решили двигаться дальше. Целый день ехали по безлесным сопкам, к вечеру были на перевале и начали спускаться. Постепенно спуск становился все круче и круче. Нарты набегали друг на друга, сбивая в кучу оленей. Узкое ущелье уходило вниз. Откуда-то появилась наледь. Мы не ехали, а беспомощно катились вниз по льду и воде. Торбаза начали промокать и вскоре обледенели. В них, как в колодках, не двигались ноги. Мороз был страшный...

Вдруг с ужасом вижу — олени впереди куда-то проваливаются, судорожно цепляются копытами за лед, стараясь остановиться. Я крикнул Попову, чтобы он держал нарты, иначе пропадем, но передняя упряжка уже катилась вниз и тащила за собой остальные. Выхватив нож, перерезал я упряжь второй нарты, завернул оленей в сторону и уперся руками в торос. Мы с Поповым ободрали руки в кровь, но остановили четыре нарты около самого края обледеневшего водопада. Передней же нарты с оленями нигде не было видно.

Попов, бледный, со страхом смотрел вниз.

«Пропали мы, Афанасий Иванович, — проговорил он, еле шевеля замерзшими губами. — Замерзнем мы здесь!» — и вдруг неожиданно заплакал.

Тут я совсем испугался. Думаю: «И верно пропали». А сам кругом смотрю, как отсюда из ущелья выбраться. С трудом прошел по наледи обратно. В морозном тумане ничего не было видно. Наконец нашли место на камнях, где лежал снег и не было воды. Здесь можно было поставить палатку. Осторожно завернули назад оленей и добрались до этой площадки. Быстро разгрузили нарты, поставили две из них стоймя и кое-как натянули палатку. Я наладил печку. Попов меня с удивлением

спросил: «Где дров для печки возьмем? Нартами придется топить, иначе замерзнем».

Долго мы мучились в ту ночь, пока разгорелись дрова из сырых, обледеневших нарт. Еще больше мучились разуваясь. Кое-как оттаяли торбаза около печки, и лишь тогда удалось их стянуть с заоченевших ног. Сумели даже вскипятить чай. Выпив горячего чаю, окончательно отогрелись. Сожгли мы за ночь две нарты и почти все свечи. Этим спаслись, не замерзли.

Утром я пошел искать наши упряжки. Выкарабкался наверх из ущелья и нашел оленей, пасущихся ниже водопада, который отвесно падал с высоты двух саженей.

С трудом спустившись обратно в ущелье, привел я к палатке четырех самых сильных оленей. Сказал обрадованному Попову, что сможем спастись, только придется взять лишь палатку, печку, постель и на пять дней продуктов, больше олени поднять из ущелья не сумеют. Долго не соглашался со мной Попов и хотел взять обязательно все продукты, иначе, говорил, пропадем с голоду. Я стоял на своем. Наконец Попов махнул рукой:

«Делай, Афанасий Иванович, как знаешь!»

Только под вечер добрались мы до первого леса, где и заночевали.

Выехали на следующий день на большую реку Рассоху и увидели, что попали не туда, куда думали.

Быстро мы ехали вниз по реке. Мороз все крепчал. В одном месте, среди крутых высоких гор, вся река была покрыта наледным льдом. Налетел порыв ветра. Постепенно он стал усиливаться. Наконец подул, как ураган. Голоса человеческого не было слышно. Олени попадали на лед, мы сбились в одну кучу и покатались вниз по льду, подгоняемые ветром. Чуть не залетели в полынью, в самый последний момент пронеслись мимо и, прокатившись километров шесть, оказались в широкой долине Колымы. Ветер сразу ослаб.

Здесь, на ночлеге, разбирая в палатке вещи, Попов мне сказал, что не хватает маленькой сумки, где лежала проба с золотом. Мы ее где-то потеряли.

Долго в тот вечер сидел расстроенный Попов, но затем махнул рукой и говорит:

«Ничего, люди и так мне поверят, без пробы, что мы нашли с тобой, Афанасий Иванович, золото!»

Приехали назад в «крепость» уже в декабре месяце и здесь узнали о войне. Тысяча девятьсот четырнадцатый год это был.

«Пропали наши труды, Афанасий Иванович, — грустно го-

ворил мне Попов при прощании. — Если меня не будет в живых и придет кто от меня, может быть, моя жена, то покажи все места, где стоят столбы и где мы били яму».

— С тех пор я его не видел, — закончил свой рассказ мой собеседник, допивая вторую чашку чаю.

— А не согласитесь ли вы, Афанасий Иванович, работать в нашей экспедиции? — спрашиваю я. — Яму Попова нам покажете.

— Дело, конечно, государственное, помочь надо. Хозяйство вот только у меня, рыбу ловить надо, сено косить. Да отпустит ли еще колхоз...

— С колхозом мы договоримся.

— Ладно, вспомню молодость, пойду с вами, — соглашается он. — У ямы затес я сделал, найдем ее.

Через час я рассказываю обо всем начальнику экспедиции.

— Вот видите, как хорошо все складывается. По реке Бочере как раз проходил Черский. Якуты его вели почтовой тропой. И если память мне не изменяет, у Черского там отмечен палеозой. В тысяча восемьсот девяносто первом году известный геолог и географ Иван Черский был командирован Академией наук для исследований в бассейнах рек Колымы, Индигирки и Яны. Из Якутска он вышел в июне тысяча восемьсот девяносто первого года на сорока четырех вьючных лошадях; с ним ехали его жена, зоолог экспедиции, и двенадцатилетний сын. По реке Хандыге и ее левым притокам он прошел в верховья реки Индигирки и вышел на Оймякон. Вот здесь, — показывает на карте Цареградский, — он пересек Индигирку и дальше по болотистой долине Оймы добрался до реки Неры. Затем через плоскогорье Улахан-Чистай по долине Борулаха караван Черского дошел до поселка Кыгыл-Балыхтах на реке Моме. По реке Зырянке он добрался двадцать восьмого августа до Верхне-Колымска. Здесь весной Черский тяжело заболел. Видимо, острая вспышка туберкулеза. Но работы не прекращал. Двадцать пятого июня тысяча восемьсот девяносто второго года старого стиля Черский, не достигнув Нижне-Колымска, скончался. Жена довела его исследования до Нижне-Колымска, а зимой по Верхоянскому тракту вернулась вместе с сыном в Петербург.

— С материалами Черского мне приходилось знакомиться только по «Запискам Академии наук» за тысяча восемьсот девяносто второй — тысяча восемьсот девяносто третий годы, — добавляет Цареградский. — Маршрут его захватил очень узкую полосу, но, к сожалению, у нас и этих материалов нет.

Нашей экспедиции придется теперь, спустя сорок два года, покрывать сплошной съемкой центральную часть хребта его имени, детально разобраться в геологии, геоморфологии и выявить все полезные ископаемые, какие там есть.

Цареградский задумчиво глядит на карту, будто видит на ней дела давно минувших дней. На минуту он забывает о моем присутствии, а потом, спохватившись, переходит к деловым распоряжениям.

— Договаривайтесь с Даниловым и начинайте прямо отсюда съемку. К осени доберетесь до реки Бочеры и ямы Попова. А я завтра рано утром отплываю вниз по реке. На устье Зырянки, километрах в двадцати отсюда, мой помощник нашел на высоком берегу Колымы участок со строевым лесом. Там и заложим базу, именно там, а не здесь. В Верхне-Колымске и в устье Ясачной леса нет. Не забывайте, что зимой будет туго с транспортом и дровами. Через полмесяца, как управлюсь с делами, я тоже постараюсь побывать у ямы Попова. Оставьте на месте затесы. Все ясно?

— Ясно, Валентин Александрович, — отвечаю я.

— Тогда действуйте. Ни пуха ни пера!

— До скорой встречи в тайге...

* * *

Утро. Мы только что проводили часть кунгасов, ушедших с Цареградским к месту постройки базы.

Ко мне подходит Данилов, вид у него расстроенный.

— Однако, начальник, лошадей нам колхозных поймать не могут. Дикие лошади. Куда-то ушли они. Только через неделю нам транспорт найти обещают. Что будем делать? Как поедem к яме Попова?

— Ничего, Афанасий Иванович, мы в эти дни займемся съемкой окрестностей крепости, а вы тем временем организуйте транспорт. Надо будет достать лодку и подняться вверх по реке.

— Это по Г.....? Да что там искать, там ничего нет, — убежденно говорит Афанасий Иванович. — Так себе река.

— А кто ей такое некрасивое название придумал?

— Русские казаки, однако, так называли. Давно это было, когда еще первые русские сюда пришли.

— Интересно. Ну, а лодку все-таки надо достать.

— Карбас можно арендовать на несколько дней у дочек

попа. От брата лодки у них остались. Большой был охотник и рыбак — прошлую зиму простудился на охоте и умер.

Я беру на себя дипломатическую миссию договориться со старыми девами-поповнами насчет аренды лодки. Забрав «угощение», отправляюсь к их юрте. С удивлением обнаруживаю за изгородью большой огород. Две старушки лет под шестьдесят пять—семьдесят в темных сарафанах, повязанные одинаковыми платочками, аккуратно окучивают тяпками картофель. Заметив меня, они засуетились. Их лица, похожие на сушеные яблоки, засветились улыбками, задрожали всеми морщинками.

— Проходите! Проходите!

— Не бойтесь, собачек нет.

Я здороваюсь со старушками и с удивлением рассматриваю ровные ряды картошки, аккуратные, хорошо прополотые грядки капусты, моркови, репы и редиса.

— Неужели здесь все это поспевает? — недоумеваю я.

— Вызревает, батюшка, вызревает, — говорит одна из старушек, поглядывая то на меня, то на сестру, которая, поминутно кивая головой, одобряет каждое ее слово. — Наш покойный батюшка, шарштво ему небешное, большой охотник до огорода был, шелыми днями в огороде трудилша. Тридцать лет тому нажад на швоей груди нешkoľко картофелин для ражвода тривеж. Как ш малым дитятей нянчилша, а огород. ражвел. Вот, почитай, тридцать лет пошле шбора урожая шошедем делаем подарки картошкой, капуштой, репкой. Едят и очень хвалят наш жа труды, а шами огородом не жанимаютша. Да что им! Шкот ешть, рыбы много, охота хорошая, беж огородов проживут, — убежденно заканчивает старуха, приглашая меня в юрту.

В юрте — полумрак. Висят невыделанные заячьи шкурки. Грязно и неудобно. В углу против камелька смутно виднеется несколько больших икон с темными, покрытыми копотью ликами святых.

— Вот труды нашего покойного братца, — говорит другая старушка, указывая на заячьи шкурки. — Нонешнюю зиму мученик преставился. Как без него мы, сироты, будем свой век доживать? Кто несчастных теперь, одевать, кормить будет? Кто обогреет, дров зимой нарубит?

Старуха, утирая слезы, садится за стол. Ее сестра уже развела в камине огонь и поставила чайник.

Мое внимание привлекает маленькое оконце, сделанное из каких-то желтоватых, неправильной формы кусочков, слабо пропускающих свет. «Неужели это слюда?» — думаю я. Не

утерпев, встаю и подхожу к окну. Так и есть: окна сделаны из кусочков прозрачной слюды мусковита.

— Откуда это у вас в окнах слюда?

— Давно, еще в шаршкое время, купшы привожили иж Кыгыл-Балыхтаха вмешто штекла, — равнодушно говорит старуха, доставая из шкафчика чашки.

— Из Кыгыл-Балыхтаха! — удивляюсь я. — Да, там, говорят, ее где-то добывали. Давно это было. А не уступите ли вы мне это окошко? Я вам вместо него раму из стекла дам.

— Берите, хорошему шеловеку не жалко. Только на что она вам? Рама-то шо штеклом больше швету дает, — недоумевает старуха.

Итак, образец есть, теперь задача — найти само месторождение.

Чай готов. Я раскладываю свое угощение, в том числе и мои любимые конфеты «раковые шейки». Вдруг старушка, обиженно поджав губы, отодвигает их в сторону, брезгливо косясь на изображение ярко-красного рака.

— Таких богомерзких тварей мы не употребляем. Писанием запрещено. Шуку и налима тоже не вкушаем, на голове щуки крест, а налима на змея-искусителя похож, только собачек ими кормим.

Мои объяснения, что эти конфеты не имеют никакого отношения к ракам, не помогли, пришлось их убрать со стола.

Я договариваюсь со старушками, они охотно отдают в аренду на полмесяца карбас. Карбас оказался вместительной легкой лодкой с искусно нашитыми лозой бортами, со швами, залепленными смолой и шерстью. К карбасу привязана легкая, остроносая, плоскодонная лодочка, носящая странное название «ветка».

Утром мы грузим в карбас наше несложное оборудование, личные вещи и продукты на десять дней. Наша партия состоит из трех человек: я, коллектор Мика Асеев, страстный охотник и неистощимый весельчак, и промывальщик Александр Егоров, немногословный и степенный. Медно-красное лицо Егорова с широкими скулами сосредоточенно, он деловито осматривает уключины, пробует, как «ходят весла», проверяет, не течет ли где карбас. После погрузки я отталкиваю карбас, прыгаю в него и сажусь за кормовое весло.

Мы входим в речку с неприличным названием и начинаем глазомерную съемку и шлиховое опробование наносов. Река спокойно несет свою мутную воду, русло ее сильно меандрирует и делает почти замкнутые восьмерки. Днем так жарко, что

нет даже комаров. Но к вечеру, когда жара спадает, появляются комары, с каждым часом их становится все больше и больше, и, наконец, они сплошной тучей вьются над нашим карбасом.

Наша лодка тихо двигается против течения. Мика весь превратился в слух. Ноздри его раздуваются, как у гончей. Руки сжимают двустолку «зауер» — предмет Микиной гордости, с которым он не расстанется даже во время сна.

— Тише! Смотрите! Кто-то большой и белый шевелится в тальниках. Бараны что ли? — таинственно шепчет Мика, показывая на берег, покрытый редкой молодой порослью.

— Какие бараны? — огрызается Егоров. — Это же гуси пасутся! Целый выводок! Тоже мне охотники... — Он тихо подгребает к берегу. Мы с Микой, пригнувшись, крадемся к гусям, я — с «ижевкой», а он — со своим «зауером».

— Только бы не спугнуть! Осторожно! — по-гусиному шипит Мика, сгибаясь в три погибели.

Гусята настолько крупные, что их не отличить от родителей. Мы стреляем почти одновременно. Два гуся судорожно бьются на ярко-зеленой траве. А остальные с диким гоготом, махая крыльями, переплывают через реку. Несколько гусей, быстро юркнув, прячутся в густом тальнике.

— Да они не летают! Крылья еще не выросли! Ура! — кричит в охотничьем азарте Мика, размахивая своим «зауером» и выдвывая дикие па. Перебравшись вброд, он исчезает в прибрежных тальниках. Один за другим раздаются выстрелы. Потом все затихает. Подстрелив двух притаившихся у берега гусей, я выхожу к реке. У меня уже кончились патроны. В спешке я забыл патронташ. На противоположном берегу появляется Мика, он с ожесточением, помогая себе коленом, старается закрыть «зауер». Выше по течению, наискось от Мики, в тальниках притаился гусь. Последним патроном я убиваю его и ехидно кричу:

— Мика! Кидай мне патроны. Тебе, видно, они без надобности. Я уж как-нибудь своей «ижевкой» добью остальных.

Стараясь закрыть ружье, он ожесточенно стучит прикладом о колоду. Раздается хруст.

— Так и есть, сломал личинку у замка! — яростно ругается Мика, перебираясь через реку. — Чертов Зауер! Кому нужна такая точная пригонка: попала чуть заметная пылинка, и — на тебе! — ружье ни открыть, ни закрыть. Таким ружьям только у платонических охотников на стене висеть.

Мика выпускает по адресу бедного Зауера весь известный ему запас крепких словечек и только тогда немного успокаивается.

С восемью убитыми гусями и сломанным ружьем мы возвращаемся к лодке. С этого дня целиком переходим на «гусиную» диету.

— Смотрите! Что я нашел! Бивень мамонта! — радостно кричит Мика. Он торжественно показывает обломок бивня с метр длиной. Мы забираем бивень в лодку и отмечаем место находки. Вечером в подмытой террасе мы находим хорошо сохранившийся череп с рогами ископаемого быка. Недалеко от этого места, на косе, в мелкой гальке откапываем два коренных зуба мамонта.

— Вот это зубки! — восхищается, рассматривая находку, Александр.

— Этими зубками мамонт в среднем пережевывал за сутки до четырехсот килограммов пищи, — смеюсь я.

— Мике бы такие зубки, — язвительно замечает Александр, намекая на баснословный аппетит коллектора. Мика делает вид, что не слышит.

Вечером за ужином, принимаясь за второго гуся, Мика философствует:

— Да, когда-то по этой долине в ледниковый период бродили огромные мамонты, большие стада диких быков и страшные злые шерстистые сибирские носороги. Вот где охота была! А теперь бродим мы и находим только их кости.

— Не только кости, — возражаю я, — находят и целые трупы мамонтов, прекрасно сохранившиеся в вечной мерзлоте. Например, в тысяча восемьсот восемьдесят девятом году были найдены два трупа мамонтов. Пока Российская Академия наук собиралась за ними послать экспедицию, трупы по частям растащили дикие звери, а остатки сгнили. Вот тогда-то Черский и предложил Академии наук послать года на три экспедицию в бассейны рек Колымы, Индигирки и Яны во главе с геологом-палеонтологом, которая помогла бы все возможные здесь находки сделать достоянием науки. Черский предложил свои услуги. Несмотря на плохое состояние здоровья, он возглавил эту трудную экспедицию. И только спустя десять лет после смерти Черского на реке Березовке, впадающей в Колыму, был найден и доставлен в Академию наук целый труп мамонта.

Наш путь продолжается в глухих местах, куда не ступала нога человека.

Течение становится все быстрее, мы приближаемся к пред-

горью. В пробах я обнаруживаю отдельные блестящие кусочки каменного угля и мелкую черную угольную крошку, намытую вдоль кос. Очевидно, где-то в бассейне этой реки размываются угольные пласты.

Уже пора заканчивать работы и возвращаться.

Утром, пока Мика кипятит чай, я забрасываю в реку удочку. Поплавок моментально тонет. Стремительно подсекаю и вытаскиваю средних размеров щуку. Через минуту на леске бьется серебристый красавец хариус. К улову добавляется пара окуней и еще несколько рыб.

— На обед сегодня уха будет, — удовлетворенно говорит Александр, принимаясь чистить улов. — А то гусятина уже начинает надоедать, травой отдаст.

После обеда решено возвращаться в Верхне-Колымск. Там нас, наверное, давно уже ждет с лошадьми Данилов. Плыдем светлой летней ночью. По дороге спугиваем выстрелами сидящего около берега огромного мишку. К утру добираемся до «крепости», выгружаем лодку, выбрасываем на берег убитых гусей.

— Летом в низовьях реки и в тундре много гуся промышляют, — рассказывает нам Афанасий Иванович, рассматривая нашу добычу. — В это время гусь линяет и не может летать. По озерам в сети загоняют, так и ловят. Вовсе беззащитная тогда бывает птица. Много, да, много добывают гуся. Собачек ездовых зимой им кормят, когда рыбы заготовят мало.

Охотничьи трофеи мы распределяем между работниками экспедиции, оставив восемь гусей в леднике у Данилова.

«Хорошо, если и с выполнением задания нам повезет так же, как повезло на охоте», — думаю я о нашем дальнейшем пути по неисследованным местам.

* * *

Рано утром 20 июля, основательно навьючив лошадей двухмесячным пайком и снаряжением партии, мы покидаем Верхне-Колымск.

Наши лошади бодро идут по торной сухой тропе, вьющейся между озерами и старицами, среди густой поросли ольховника, тальника и редких лиственниц. Переднюю связку лошадей важно ведет, покуривая трубку, Афанасий Иванович, за ним энергично шагает Александр. Сзади идем мы с Микой и с помощью компаса проводим глазомерную съемку.

На берегу большого продолговатого озера, среди живописно

разбросанных кустов ольховника и нескольких лиственниц, виднеется якутская юрта. Из ее трубы вьется чуть заметная струйка дыма. Вдоль берега, против юрты, висят на шестах сети. В юрте нас радушно встречают якуты — старик и старуха. Их дочь, девушка лет восемнадцати, розовея от смущения, протягивает каждому из нас руку.

— Дуня! — говорит она и быстро исчезает.

В юрте чисто и опрятно. Нас приглашают к столу. Дуня приносит большую деревянную миску сбитых сливок с ягодами голубицы и куски хаяка на блюде. Потом на столе появляется чай.

— Угощай, Дуня, получше Улахан киги — большого человека, — смеется Данилов, показывая на Мику. — Он очень любит сливки. Последняя это юрта на дороге, больше сливок и хаяка не увидим до осени.

Поблагодарив за угощение, мы продолжаем свой путь.

Вечером мы выходим к реке Зырянке, названной так в честь казака Дмитрия Зыряна, руководителя морских походов на Алазею и Колыму. Противоположный илистый, с линзами льда берег реки подмыт и возвышается вертикально над уровнем воды метров на двенадцать.

— Корм здесь хороший, ночевать, однако, будем, — говорит проводник.

Мы развешиваем лошадей. Мика рассматривает крутой подмытый берег в бинокль и неожиданно восклицает:

— Смотрите! Вон торчат кости. Наверное, мамонта!

— Тут костей разных каждый год много мы видим. «Галами» такие места мы называем, — спокойно отзывается Данилов. — Осенью по дороге на охоту мы промышляем здесь мамонтовую кость, фактория за нее хорошо платит.

— На обратном пути надо будет здесь покопаться, — говорит Мика.

На следующий день мы идем вверх по реке. Александр ведет опробование, мы продолжаем съемку.

В узком, глубоко врезавшемся в коренные породы каньоне бокового ключа Эрозионного мы останавливаемся и, как замороженные, смотрим на многометровую черную блестящую стену, возвышающуюся над нами.

— Вот это пластик! Это уголек! — делая замеры, восхищается Мика.

— Про него Попов сказал, что напрасно он здесь лежит, — говорит Афанасий Иванович.

— Ничего! Напрасно при советской власти он больше ле-

жать не будет. Дойдет и до него очередь, — успокаиваю я проводника.

— Восемь метров шестьдесят сантиметров. Истинной мощности пласт! — восхищается Мика, закончив замер. Он начинает брать образцы.

— Ты, Мика, образцами не увлекайся, ведь за нами след идут партии Ушакова и Зимина, и они детально закартируют эту угленосную «свиту». А нам надо двигаться вперед.

Прошел уже месяц, как мы работаем, поднимаясь вверх по реке Зырянке, около почтовой тропы маршрута Черского. Каждый вечер пройденный за день путь мы наносим на нашу полевую карту. Постепенно река, как дерево ветками, обрастает гидросетью, горизонталями рельефа, номерами взятых шликровых проб, образцов, замерами, точками выхода углей.

В нижних притоках мы с трудом продвигаемся по «бадаранам», лошади вязнут в горелых бугристых болотах, густо заросших сухим листвяком. У двух лошадей на животе и боках серьезные раны. Данилов лечит их на ходу.

— Тох-то, тох-то (стой, стой)! — истошно кричит кто-нибудь из нас, когда видит, что лошадь в связке Данилова застряла с выюками между деревьями.

— Наказание, чистое наказание, однако, этот «бадаран», лошади все скоро покойники будут, — сокрушается Данилов, направляясь в русло ручья — лошадям по руслу идти лучше.

С каким удовлетворением, выбравшись из болотистой долины, мы шагаем по твердой звериной тропе. Правда, тут нам ежеминутно грозит опасность встретиться с самим хозяином тайги.

На одном из водоразделов щебенка имеет странную темную бордовую окраску. Подходим поближе: под ногами шлакообразные спекшиеся куски породы ярко-красного и вишневого цвета.

— Вот это температурка была, порода как спеклась, — замечает Мика.

На сотни метров тянется по гребню водораздела эта ярко-красная полоса — место выхода на дневную поверхность пласта угля, захваченного в давние времена лесным пожаром. «Сколько зря сгорело здесь угля», — думаю я.

— Вот на устье этого маленького ключа мы всегда ночуем. Здесь хороший корм, — говорит Афанасий Иванович, останавливаясь около высоких тополей.

— Да здесь на всех тополях затесы и надписи!

— Каждый ночующий считает своей обязанностью увеко-

вечить себя на этих бедных тополях, — смеется Мика, читая надписи.

— Вот так номер! Смотрите, Иннокентий Иванович. Подлинный затес экспедиции Черского. Он здесь ночевал! Это же больше сорока лет назад!

Я внимательно рассматриваю почти заросший затес на большом тополе, сделанный синим карандашом... «Экспедиция Черского 189...» И внизу роспись начальника экспедиции.

— Да, похоже, что действительно расписался Черский.

— На обратном пути мы выпилим затес и привезем его на базу, — решает Мика.

Вечером за чаем у костра начинаются навеянные затесом Черского воспоминания.

— Старики рассказывали, — начинает Данилов, — у нас в крепости Черский с женой и сыном всю зиму прожил. Хороший был человек, душевный. Бедствовал сильно, провианта привезли с Оймякона мало. Далекий путь с Якутска. Большую плату взял за провоз провианта с них Кривошапкин, оймьонский кулак: сто рублей с вьюка — груженой лошади. А на сто рублей тогда можно было жирную лошадь купить, груженную пятью пудами масла. Вот какую цену бессовестный кулак взял, — горячился Афанасий Иванович. — Может, из-за этого человек голодал и заболел. Груз-то через Верхоянск для Черского так и не доставили... Так больного, говорят старики, его на карбас посадили. Письмо-завещание, рассказывают, он нашему священнику в крепости оставил на случай своей смерти. Чувствовал человек, что умрет, а дело свое не бросал. Святой был человек. Так и умер на карбасе. В устье Омолона жена его и похоронила. А Кривошапкин, говорили якуты, медаль от губернатора получил за постройку церкви в Оймяконе на деньги, которые у Черского награбил, — заканчивает свой рассказ Данилов.

Утром мы пробуем ключ, но пока никаких результатов. Огорченный Александр торопливо нагребает гребком в лоток промытую гальку с косы. Его энтузиазм иссякает.

— Ты, Александр, неправильно берешь пробы, — говорю я ему.

Выбрав место под подмытым бортом на косе, заросшей травой и мелким тальником, я осторожно, вместе с корнями, широко захватываю гребком с поверхности косы породу, нагребая ее в лоток. Помню, отец говорил мне в детстве, что трава, корни и мох на косе — это естественный трафарет для улавливания легкого косового золота.

Александр осторожно смывает поданный мною лоток.

— Ну, наконец-то я вижу первый значок золота. — с удовлетворением говорит Егоров, через лупу рассматривая дно лотка.

Видно, мы уже близко подошли к «верному золоту» Попова. Данилов говорит, что завтра в обед у ямы будем. Мы решили назвать этот ключ — Золотинка.

Теперь у нас разговоры только о пробе. Афанасий Иванович чувствует себя центром внимания и, удовлетворенно улыбаясь, уже десятый раз рассказывает, как они трудились с Поповым.

— Ты мне, Афанасий Иванович, скажи толком, много ли вы намыли?

Я замечаю, что рассказчик, желая доставить нам удовольствие, с каждым разом все увеличивает количество и величину намытых ими самородков. Александр, не замечая этого, каждый раз искренне удивляется.

— Вот это металл — «верное золото»!

— Ты, Александр, на приисках, что ли, родился? У тебя только и разговору о поисках металла, — спрашивает не без ехидства Мика.

— Какое на приисках — близ Чебоксар, в маленькой деревне родился, — простодушно отвечает Александр. — Один я у матери рос, после военной службы решил свет посмотреть, подзаработать и попал в Сибирь на старанье, вот с тех пор и хожу по тайге, все мечтаю найти богатое месторождение золота для народа.

Подкупленный бесхитростным ответом Александра и его искренностью, Мика невольно в тон ему говорит:

— Я, Александр, хотя тоже родился далеко от приисков, в Батуми, и золото видел только в ювелирных магазинах, сейчас с нетерпением жду завтрашнего дня, чтобы собственными глазами убедиться, что это «верное место».

На следующий день подходим к месту, указанному Афанасием Ивановичем. Быстро развьючиваем лошадей.

— Вот там мы работали с Поповым, — показывает он на десятиметровую террасу и начинает взбираться на нее. Обогнавший его Мика, взобравшись на террасу, с недоумением осматривается.

— Вот она, яма Попова, — тяжело дыша, говорит нам сияющий Данилов, показывая небольшую ямку, сантиметров пятнадцать глубиной. Около ямки — кучка вынудой породы, состоящей из растительных торфов. Всюду валяются головешки.

— Неужели этой ямке двадцать лет? — недоверчиво спрашивает Мика. — Даже головешки целиком лежат.

— Сухой климат, морозы и отсутствие гнилостных бактерий прекрасно сохранили их, — замечаю я.

— Здесь вот палатку ставили. А вот мой затес. Никто здесь после не бывал. Все так и лежит, — уверенно говорит Афанасий Иванович.

— Какая же это яма, здесь даже растительный торф толком не снят, — разочарованно протянул Александр, подойдя к яме с кайлом и лопатой, полный желания копать «верное золото».

— Вот здесь, Александр, углубляй пробный шурф, в метре от ямы Попова, а ее оставим как «вещественное доказательство», может, Цареградский здесь побывает, он ее и опробует, — говорю я, показывая место для шурфа.

Александр молча намечает кайлом метровый квадрат и быстро выбрасывает первые двадцать сантиметров растительного слоя, укладывая его в аккуратную кучку — проходку для опробования. На третьей проходке он недовольно бурчит, отгоняя рукой рой комаров.

— Мерзлота пошла, крепкая, как железо, надо пожогом оттаивать.

Пока Александр трудится, мы с Микой проводим геологическую съемку и опробуем устьевую часть долины реки. В обнажениях встречаются зоны пиритизированных пород. В пробах изредка вымываем ничтожные, чуть заметные на глаз значки золота.

На третий день с терраски спускается весь измазанный в глине, недовольный Александр и рапортует:

— Товарищ начальник, шурф мною добит до скалы. Коренных пород скалы удалось взять две проходки. Общая глубина шурфа восемь проходок. Необходимо срочно провести опробование.

Мы все дружно носим в мешках пробы от террасы к воде. Александр тщательно промывает породы, начиная с нижней проходки.

— Промоем сейчас спаевую проходку, если здесь будет пусто, то дело наше — табак.

Промываем эту проходку — и только один ничтожный значок золота.

— Вот так «верное золото», вот так самородки! — разочарованно говорит Егоров, рассматривая чуть заметный на глаз значок.

— Выше, в торфе, золото будет, — уверенно говорит Афанасий Иванович. — Промывай дальше, Александр.

При промывке верхних проходок в одном из лотков вдруг блеснуло на солнце несколько ярко-желтых кубиков.

— Смотрите! Смотрите! Золото! Такое же и Попов здесь вымыл! — кричит радостно Афанасий Иванович.

— Какое же это золото! Это пирит! Теперь понятно, какое вы с Поповым в торфе золото намыли. Тоже мне золотоискатели! — с презрением, обиженно говорит Егоров, смывая с лотка блестящие ярко-желтые кубики железного колчедана.

— Ничего, будем продолжать работать и искать, — подбадриваю я расстроенного Афанасия Ивановича. Делаю затес на дереве и указываю день, когда мы вернемся сюда на обратном пути.

Закончив работы по реке Бочере, мы возвращаемся к яме Попова. Там застаем в полном составе партию Цареградского.

— А мы вас второй день поджидаем, чтобы вместе выйти из тайги, — говорит, здороваясь, Цареградский. — Подвело «верное золото» Попова? — смеется он. — Придется, видимо, самим искать.

— Это вы, ребята, для смеха что ли назвали ключ «Золотинка»? — вмешивается в разговор Степан Дураков, прораб партии. — Мы с Митькой Чистых до самой вершины весь ключ облазили, везде пробы брали, и все пустую, хоть бы один значик курам на смех вымыли. Так и решили, что вы с Сашкой сослепу за золото пирит признали. Со зла ваш затес стесали и назвали ключ «Сатана».

— Мыть пробы надо умеючи, — спокойно говорит Егоров.

— Тоже мне спец нашелся, — огрызается задетый за живое природный приискатель Чистых. — Я, паря, на Шилке с батей сызмальства косовое золото мыл. А ты где? У себя в Чебоксарах, на Волге?

— А это что? — решает положить конец спору Мика. Он достает злополучную пробу со значком и осторожно развертывает ее.

— Да, товарищ Чистых, ничего не скажешь — явный значок золота, — подтверждает Цареградский, рассматривая в лупу пробу.

Чистых мрачно соглашается, что проба действительно не пустая.

На следующий день к вечеру мы подходим к устью ключа

Сатаны. Наши промывальщики, перегоняя друг друга бегут вверх по ключу.

— Посмотрим, паря, какие ты знаки в тутошнем ключишке накопашь, — ехидничает Чистых.

— Не беспокойся, намою, — уверенно говорит Александр, торопливо набирая пробу поблизости от места, где он вымыл знак. Дмитрий тоже набрал лоток. Оба они молча моют, мы все подходим к ним. Смывают — и в обоих лотках пусто.

— Видал, Шурка, пусто! — с удовлетворением произносит Чистых. Егоров молча, но уже более тщательно набирает с поверхности породу во второй лоток, и в лотке появляются два чуть заметных на глаз ничтожных значка. Через лупу они кажутся крупными золотинками.

— Никакого сомнения нет — аурум, — несколько разочарованно подтверждает Цареградский.

— Ты, Шурка, хитроват, чуть не с полдесятины породы набрал в лоток.

Дмитрий, следуя примеру Егорова, набирает с поверхности породу в лоток и, промыв его, удовлетворенно мычит.

— Один значишко есть.

— Ну, что, Митрий, кто прав? — смеется Александр.

— Да, золотоносность ключа чисто принципиальная, — говорит Цареградский, — но для геологов это имеет большое значение. А Егоров прав, в таких ручьях с малосвязанными аллювиальными наносами пробы следует брать с поверхности. Надо будет об этом в нашей инструкции по опробованию сделать соответствующее дополнение.

Осень. Середина сентября. Снега еще нет, но под копытами лошадей потрескивает первый тонкий ледок, затянувший лужи.

Мы снова приближаемся к Верхне-Колымску, на этот раз по сухопутью.

— Ничего. Как говорится, первый блин комом. Сплошь да рядом развенчиваются золотые легенды, — говорит Цареградский.

Наши лошади, бодро помахивая хвостами, идут крупным шагом по широкой, хорошо наезженной тропе, вьющейся вдоль живописного озера.

— Теперь понятно, — продолжает Цареградский, — что работы экспедиции надо проводить поперек общего простирания пород, чтобы получить полный геологический разрез хребта Черского. На следующий год вы в этом новом направлении и будете проводить свою съемку вдоль маршрута Черского. Да, чуть не забыл, — спохватывается вдруг Цареградский. — А вы

видели настоящее «черное золото» в ключе Эрозионном? Вот это пласты! Уголь коксующийся. К нему нам найти бы железную руду, да поближе. Мы уже приняли от Главсевморпути угольную разведку по Зырянке. Там теперь хозяйничает наш старик Ефимов. Попутно с разведкой мы будем добывать уголек, вывезем его к Колыме, снабдим пароходы. На следующий год начнем разработку мощного пласта, и пойдет наш уголь уже для морских пароходов, — мечтательно заканчивает начальник экспедиции.

В «крепости» мы грузимся на плот, связанный из квадратных сухих бревен разобранный колокольни, которую сельсовет продал нашей экспедиции за ненадобностью.

На плоту к строящейся базе с нами плывет Раковский, пришедший с партией из Сеймчана, и Цареградский.

В четырех километрах от Верхне-Колымска плыть становится труднее, пробиваемся через лед, тонкой коркой затянувший от берега до берега тихую речку Ясачную. К вечеру уже причаливаем к месту базы нашей экспедиции. На косе ставим палатку и на следующий день всей партией начинаем строительство базы.

Бригада женщин, возглавляемая Наташей, работает на заготовке мха для построек.

— Хватит, товарищи, погуляли в поле, теперь включайтесь в настоящую работу, — снимая мокрые рукавицы и протягивая красную, в ссадинах руку, смеется Наташа, весело блестя голубыми глазами. Она загорела и похудела, но бодра и жизнерадостна. Подправляя под косынку выбившуюся прядь пушистых, чуть выгоревших волос, Наташа присаживается на пенек.

— Ну, рассказывайте, как работали? Что нашли? Мы кое за что зацепились. Надо будет там оставить на зиму разведку...

Вдруг спохватившись, взглянув на рассевающую по пенькам свою бригаду, она вскакивает.

— Ну, хватит, девочки, болтать. Надо торопиться, а то снег на носу.

Мы заняты на тяжелых подсобных работах: валим лес, сплавляем его, вытаскиваем на себе из воды на берег, носим к постройкам. С транспортом у нас туго, арендованные лошади сданы в колхозы.

К ноябрьскому празднику большинство жилых построек закончено. Рация работает регулярно, вывешиваются сводки ТАСС. Построена баня, и мы паримся до умопомрачения,

соревнуясь друг с другом. Наконец заработала электростанция. С удовольствием расстаемся со свечами и копилками. Можно начинать работать с микроскопами. Коля, электрик, ходит именинником, налаживая проводку в бараках.

Приехавшие на праздник местные жители с удивлением осматривают новые постройки базы, удивляются электричеству. Пьют до бесчувствия чай в столовой, но категорически отказываются помыться с дороги в бане.

Октябрьские дни празднуем в большом, только что построенном, пахнущем свежей лиственницей бараке для рабочих.

В конце своего доклада на торжественном заседании начальник экспедиции рассказывает о задачах экспедиции на следующий год.

Затем выступают баянисты, плясуны, певцы. Танцуем под баян до трех часов ночи. Наши гости — местные жители — с удивлением, но дружелюбно смотрят на наше веселье.

— Обязательно, начальник, транспорт экспедиции дадим. Только со сбруей плохо у нас. А оленей и лошадей с каюрами первой дорогой на базу представим, — уверяют, прощаясь с Цареградским, представители местных артелей.

— Приеду в экспедицию работать. На оленях поедem вместе, — обещает взволнованный Афанасий Иванович.

...Через несколько дней я сижу у Раковского, и мы вместе намечаем места разведок. Гости сдержали свое обещание, и нужный транспорт стал поступать.

ЗИМОЙ ПО РАЗВЕДКАМ

Мы с Афанасием Ивановичем продолжаем путь на оленях. На реке Бочере остались наши разведчики для проверки шурфовкой «верного места» Попова.

В узком ущелье среди черных сланцевых скал извивается горная речка. Начало декабря. Клубы пара с характерным для пятидесятиградусного мороза шорохом («шепотом звезд») вырываются изо рта и ноздрей бегущих мелкой трусцой оленей.

У меня на шапке, на воротнике и даже на ресницах от дыхания намерзли иней и лед. Иногда ресницы смерзаются совсем, и их приходится отогревать пальцами.

Давно уже зашло солнце. Правда, для нас оно и не восходило: из-за гор мы его не видели. Добросовестная луна ярко освещает дорогу. Мерзнет лицо. Бесперывно приходится ше-

велить пальцами ног и рук, похлопывать рукавицами, чтобы окончательно не отморозить руки.

А мороз все крепчает. Дышать становится труднее. Выдыхаемый воздух вырывается с резким шумом. «Наверное, под шестьдесят», — мелькает мысль. Холод постепенно забирается под одежду, сковывает мускулы, пробирает до мозга костей. Щеки и нос нужно поминутно растирать, их невыносимо жжет морозом. Пальцы на ногах, кажется, промерзли насквозь и немеют. Тело охватывает какая-то исходящая изнутри дрожь. Постепенно все кругом бледнеет, мозг работает вяло и сонно.

Вдруг — ощущение укола иглы в большой палец ноги. «Прихватило палец», — лениво думаю я. Большим напряжением воли заставляю себя вскочить и некоторое время бежать рядом с нартой; сажусь вновь только для того, чтобы немного отдышаться. Раньше мне казалось, что коренные жители переносят холод легче, теперь же я понял, в чем дело. Афанасий Иванович и его спарщик-каюр почти непрерывно бегут, греясь около нарт, изредка вскакивая на них, чтобы отдохнуть.

Наши нарты быстро мчатся вниз по речке. Яркая луна в полужакрытых глазах с обмерзшими ресницами двоится, трогается и превращается в какое-то неопределенное светлое пятно. Туман усиливается. Вот впереди какая-то заминка. Со своей нарты я вижу только мелькание белых хвостов моей пары оленей. Олени начинают скользить и проваливаться сквозь тонкий лед в воду. «Наледь, и глубокая, не залила бы нарты, — тревожно проносится где-то в глубине сознания. — Надо слезть». Но соскочить с нарты я никак не могу. Наконец олени каюра и Данилова останавливаются. Афанасий Иванович быстро соскакивает с полужалитых нарт на тонкий лед и по колено проваливается в воду.

— Хоп! Хоп! — кричат они с каюром якутом. Но у оленей ноги скользят, расползаются по гладкому льду под водой, и они падают. Я соскакиваю с нарты, предварительно обматнув в воду ноги, обутые в торбаза, так, как поступали в подобных случаях герои северных рассказов Джека Лондона. Но прежде чем на обуви образуется спасительная ледяная корка, обжигающая холодом вода успевает дойти до ног. Ноги — как в ледяных колодках, я их уже не чувствую. Кое-как помогаю вытаскивать из наледи оленей, а потом непрерывно бегу вслед за нартой. Только это спасает меня от окончательного отморожения ног, а вернее — помогло то обстоятельство, что от наледи оставалось пробежать всего лишь пять километров до ночевки.

Вот, наконец, и ночевка — десять заранее заготовленных шестов и место, расчищенное от снега.

Каюры распрягают и отпускают оленей кормиться, привешивая на шею более диким «чанчан» — метровые палки в виде галстуков. Я ставлю и натягиваю на шесты палатку. Разжигаю походную печку, употребляя для этой цели заранее наструганную из сухого полена стружку. Каюр молча приносит чайник, набитый мелким льдом.

— Надо строганинки с дороги покушать, — входя в палатку с тремя большими хариусами в руках, говорит Афанасий Иванович. Острым ножом он ловко срезает кожу с мерзлой рыбы, обрезает ей плавники и быстро строгает от хвоста к голове по хребту и бокам. Тонкая, нежно-розовая завивающаяся стружка мерзлой рыбы падает в алюминиевую тарелку. Только сейчас я почувствовал, как голоден.

— Ну что ж, приступим? — Беру тонкую стружку, макаю ее в соль, и она тает во рту.

— Эх, с озерного чира строганины поесть бы, — мечтательно говорит Данилов, забирая с тарелки последний, еще не растаявший завиток рыбной стружки.

Я начинаю понимать, почему жители Севера считают это блюдо лакомством. И странно — стоит строганине растаять, как она превратится в скользкие, неаппетитные, невкусные кусочки сырой рыбы.

Печка-экономка гудит вовсю, распространяя благодатное тепло. Занесены вещи. Мы сбиваем с обуви оттаивающий лед. Через полчаса, разогревшись, в одних рубашках, мы уписываем за обе щеки лепешки, заедая их кусками сливочного масла и запивая горячим крепким чаем. Лишь горящие лица да не оттаявшая еще обувь напоминают о дороге. У Афанасия Ивановича появляется благодушное настроение и желание поговорить со мной.

— В ноябре позапрошлого года, — рассказывает он, — я по этой дороге с уполномоченным ехал. Шибко мы торопились. Уполномоченному передали, что люди речной экспедиции утонули вместе с начальником. Катер их на порогах перевернуло. Осталось несколько рабочих. Нужно было их продуктами снабдить.

Очень спешили мы в тот день. Проехали десять кёс¹, поздно вечером были уже в юрте старика Семена. А про Семена шла плохая слава: он скупой был, жадный и вороватый. Но

¹ Кёс — 6,5 километра.

дальше ехать невозможно было. Олени устали. Пришлось остановиться. Старуха Семена поставила на стол чайник. Мы выпили чаю, закусили хорошенько с дороги, угостили хозяев.

Очень спать нам хотелось. Уполномоченный постель разложил и скоро захрапел. Я не знал, что делать, меня знакомые якуты предупреждали, что у Семена плохо ночевать, можно совсем без продуктов остаться. А знаете, как в дороге без продуктов?

Вот я и говорю нашему каюру, молодому якуту, с которым ехал:

«Будем караулить по очереди?»

«Не могу, выпил, спать хочу». — И уснул.

Зло меня взяло на старика, спать хочется, а тут сиди, карауль, а он со старухой и не думает отдыхать, новости разные расспрашивает. Глаза у меня совсем слипаются. И рука болит, об лед обрезал. Вышел я на улицу. Мороз. Все развязано и раскрыто, больной рукой как следует не завяжешь, да и что пользы! Сума моя развязанная лежит на нарте, там главный наш продукт дорожный. Посмотрел я на нарту, в глаза бросился капкан на лисиц, всю зиму я его зачем-то таскал на нарте. «Дай, — думаю, — капкан в суму поставлю». Поставил, пришел в юрту и завалился спать. Уснул, как убитый.

Ночью слышу — кто-то меня под бок толкает.

«Спаси старика!»

Ничего не могу понять спросонок. Кое-как пришел в себя. В юрте полумрак, чуть тлеют угли в камельке. Надо мной склонилась старуха.

«Спаси старика», — шепчет и показывает на дверь. А около двери топчется Семен и мотает рукой с капканом. Прямо за пальцы его прихватила моя ловушка. Как он ни старался скинуть капкан — ничего не выходит. Только кожу на руках ободрал. Места там глухие, старик никогда капкана не видел. Я испугался, быстро освободил старика, смазал ему руку йодом. А он все уговаривал меня, чтобы я никому об этом не рассказывал. Предлагал шкурки лисицы, горностая и белки и обещал, что никогда не будет воровать. Я никому про этот случай не рассказывал.

Перед отъездом уполномоченный Семену пятьдесят рублей дал, немного продуктов и пару белья оставил. Когда назад ехали, я захватил лекарства для старика, но рука у него уже заживала. Он еще раз поклялся, что больше не будет воровать. От знакомых я слышал, что теперь у Семена не боятся ночевать. Продукты не пропадают.

Закончив рассказ, Афанасий Иванович снимает с кастрюли крышку. В ней варятся куски оленины, чуть заправленные вермишелью и сухим луком.

— Мясо сварилось, можно ужинать, — говорит он.

Я не протестую, зная, что якуты любят есть чуть проваренное мясо.

После плотного ужина мы пьем чай. В деревянном подсвечнике, воткнутом посередине палатки, догорает свеча.

Утром в нашей палатке чуть теплее, чем на улице. В печи за ночь все прогорело. Осторожно отодвинув покрывшееся инеем одеяло, я вижу, как Афанасий Иванович, высунув из-под одеяла голые руки, накладывает в пустую печь дрова, зажигает их, открывает поддувало и быстро прячется под одеяло. Печка гудит, разливая тепло. Первым встает молчаливый каюр, отряхивает иней с палатки и ставит на печь чайник. За полотняными стенками слышен шорох, удары копыт, чмокание пришедших к палатке посолонцевать оленей.

До разведки осталось всего тридцать километров, из них десять километров по ущелью «Капчагаю», как его называют местные жители. Ветер с гор изредка треплет нашу палатку. Мы стоим в затишье, а главный поток тяжелого холодного воздуха, скатываясь с плоскогорья по ущелью, гудит где-то в долине.

Стоит ясная погода с пятидесятиградусным морозом.

— Однако, вам с Кузьмой завтра не доехать до разведки, — говорит мне Афанасий Иванович. — В такой мороз «Капчагаем» нельзя ехать. Ветер большой. Ни человек, ни олень идти не могут. Прошлый год артельный транспорт вез груз на верховье реки и из-за ветра стоял здесь девятнадцать дней, пока дождался туманного дня. Тогда утих ветер. И с Поповым мы здесь мучились, пять километров нас на льду катило ветром, узелок с золотом мы тогда еще потеряли.

Я особенно не возражаю Данилову, но про себя решаю хоть пешком, но добраться до разведки.

* * *

На другой день утром, попрощавшись с Афанасием Ивановичем (он везет грузы на Угольную), отправляюсь к разведчикам. Еду на трех нартах со своим каюром юкагиром Кузьмой Долгановым.

Первые десять километров, хотя и против ветра, мы едем сравнительно быстро. Пробираемся косами и протоками. Кузь-

ма — молодой, тонкий хрупкий парень — то и дело соскакивает с нарты, погоняя оленей. Бежит он быстро, легко перебирая стройными ногами, обутыми в оленьи унты, и часто оборачивается ко мне:

— Ничего, начальник, доедем!

Но я вижу, что загорелое лицо его озабочено. На лице мелькает какая-то нерешительность и неуверенность. Небольшие карие глаза настороженно блестят, а ноздри широко раздуваются, будто он чувствует в воздухе приближение опасности.

Мы останавливаемся на кромке снега за мысом, а дальше вся долина, насколько хватает глаз, покрыта блестящим, будто отшлифованным, льдом. Только мы выходим из-за мыса на лед, как нас моментально отбрасывает сильным порывом ветра обратно, оба мы падаем, падают и олени, беспомощно распластавшись на льду. Кучей катимся назад, припертые ветром, останавливаемся у края реки. После этого мы с Кузьмой действуем осторожнее. Метр за метром, чертя ножами по льду и делая зарубки, мы движемся вперед. Порывом ветра меня вдруг неожиданно отбрасывает от нарт, и я беспомощно качусь, как футбольный мяч.

Ругаясь, цепляясь за торчащие коряги, с трудом останавливаюсь, но все мои попытки двигаться вперед остаются безуспешными, ветер упорно сталкивает меня назад. Пробую идти на четвереньках, но мешает тулуп.

Несмотря на холодный, обжигающий лицо ветер, мне становится жарко.

Олени скрываются за поворотом.

— Подожди, чертов ветерок, ты еще поработаешь на нас, покрутишь динамо, — ругаюсь я сквозь зубы, с трудом стаскивая с себя тулуп. Вырванный ветром из рук, он пролетает несколько метров и как бы прилипает к прибрежному валуну. «Назад поеду, возьму», — думаю я. Без тулупа дело идет легче, и мне удается догнать оленей.

Приходится идти боком или пятиться задом, чтобы не захватывало дыхание. Неожиданно, будто специально поджидала, падает небольшая лиственница, вырванная ветром с корнем. Прижимает вершиной нашу переднюю нарту.

— Чистая беда! Оленей чуть не кончила! — говорит сокрушенно Кузьма, с трудом оттаскивая дерево. Подхваченное ветром, оно стремительно катится по льду, и мы, открыв рты, с удивлением провожаем его глазами, пока оно не скрывается за поворотом реки.

На третьем километре ветер начинает ослабевать и, наконец, в широкой долине почти совсем стихает. К вечеру мы добираемся до разведки.

Мы с Кузьмой отделались легко: у обоих прихватило морозом носы и щеки.

— Ну, походите месяц с почерневшими носами, и все пройдет, — утешают нас разведчики.

Разведка расположена в узком, зажатом высокими горами ключе. Мы с трудом пробрались сюда на нартах по долине ключа, заваленной огромными зеленоватыми и белесыми валунами, торчащими из-под снега.

Поисковики-разведчики, четыре шурфовщика, прораб и каюр с тремя нартами оленей всего полмесяца тому назад пришли сюда.

Долина безлесна. На оленях, а больше на себе разведчики перевезли из устья ключа лес, построили барак, сложили русскую печь. Устроились с «комфортом» и после этого приступили к шурфовке.

Сейчас они наперебой расспрашивают меня о новостях — «материковских» и местных, с базы экспедиции.

Больше всех одолевает расспросами Ткаченко — молодой, с широким лицом украинец.

— У нас на Полтавщине уже насчет сева подумывают, — говорит он, хитро сощурив глаза, — а туточки, нехай их хвороба возьмет, такие морозяки стоят — аж дух захватывает. Пропадешь в горах, так и заховают тебя где-нибудь в шурф, и штагу вместо креста чертяги-приятели поставят.

— Я что-то не узнаю вас, Ткаченко, откуда такие мрачные мысли?

Вдруг он, наклонившись ко мне, озабоченно спрашивает:

— Случаем ничего не слыхали насчет нашего дела о пожаре? Акт на нас составили летом.

— А, вот в чем дело! Понятно. Дело прекращено. Можете спокойно работать.

— Не шуткуете?

— Нет, какие шутки, Валентин Александрович все уладил.

— Ну, тогда живем, ребята! Скажи на милость, хвороба его возьми, какая оказия из-за этого чертова дымокура вышла, чуть тайгу не спалили. А тут еще пласты угля загорелись, проклятушие. Горит, как скаженный, его тушишь, а он горит. Чуть сами с ним не сгорели.

— Ну, теперь хорошо, а то мои ребята совсем носы повесили, — вмешивается в разговор прораб Василий Александрович

Сизов. — Теперь работа скорее пойдет. Уж тут прошу мне, старику, верить. Соцобязательство возьмем. Степановых ребят вызовем на соцсоревнование.

За чаем он, потирая лысину, с увлечением рассказывает о десятке мест с «верным металлом», где, по его мнению, следует «шурфануть».

— Верьте мне, старику, я всю тайгу вдоль и поперек прошел, — размахивая руками, говорит он. — Все зубы в тайге потерял от цинги да недоедания, но своего добыю, не я буду, если не найду богатое месторождение. Восемь лет тому назад, чтобы попасть на Колыму, я устроился простым рабочим в лесную экспедицию, а сам лоточек сделал и везде, где можно, пробы брал. Они лесные богатства описывают, а я пробы беру. И поверьте мне, старику, будет металл в вершине Колымы.

Через три дня я собираюсь обратно на базу. Ребята дают мне поручения.

— А мне, — понизив голос, просит Василий Александрович, — пришлите с базы чего-нибудь сладенького и помягче печенья, а то с одним зубом много не нажуеться.

Мы прощаемся с разведчиками, желая им успехов, и они долго машут нам вслед шапками, стоя с непокрытыми головами на пятидесятиградусном морозе.

На трех нартах мы быстро добираемся к устью ключа и тут, в ущелье, снова подхваченные страшным ветром, кучей катимся вниз по реке. С трудом добираюсь к брошенному на валун тулупу и, схватив его за полу, качусь дальше.

* * *

Поздно вечером мы останавливаемся на ночлег. Мороз свирепеет. Плунешь — и кусочек льда падает на снег. Гибкие ветки ивняка от удара рассыпаются на кусочки, как сосульки. Мы с Кузьмой промерзли до мозга костей. Разгребаем снег, кое-как ломаем сухие ветки, вялыми и непослушными руками я с трудом зажигаю спичку и развожу костер.

— Однако, палатку ставить не надо, у костра спать будем. Тепло будет. Печки нет, палатка — пустое дело, — вполне справедливо замечает Кузьма.

За чаем мы с Кузьмой разговорились. Он смешивает русские и якутские слова, но я его хорошо понимаю.

— Сейчас в нашем колхозе мало-мало лучше стало. Огороды стали садить. Государство помогает, инвентарь разный дали, оленей, лошадей, коров. Сначала мучились мы с лошадьми

и коровами: как за ними ухаживать, как доить их? Наши женщины первое время коров боялись. Учитель показывал, как коров доить, ухаживать за ними. Раньше, когда царь был, беда была, совсем одулы пропадали, рыбой одной жили. На охоту пошел на маленькой нарте, на себе все тащишь, симбир¹ олень. Палатки нет, печки нет, продуктов нет. Утром половину омуля сварить, с чаем поешь, а вечером вторую половину съешь. Пушнину промышляешь, половину отдашь купцам за охотничьи припасы, вторую половину за долги — и опять берешь в долг. А осенью, когда одулы рыбу наловят, якутские купцы за десять кёс приезжают к дележу рыбы. Получат свой пай и до весны оставляют, а весной дают одулам в долг пушнину. Плохо раньше жили, часто голодали, много народу с голоду умирало, кору с деревьев вместо хлеба ели. Беда была. Сей час лучше стало жить.

Кузьма прикуривает от вынутой из костра головешки самодельную большую трубку и, пуская дым, продолжает, смущенно улыбаясь:

— Вот жениться никак не могу, девок нет, все сестры мне. Маленький наш народ. В Нелемном и Коркодоне немного больше ста одулов живет, родней все стали, а якутской невесты нет по соседству. Якутка жена лучше, хозяйка, — мечтательно продолжает Кузьма. — Надо якутку жену искать. А скажи, начальник, из колхоза нашего можно уйти к вам, в экспедицию, каюром работать? — неожиданно спрашивает Кузьма. — У вас в экспедиции Цареградского все равно колхоз, только богатый, одна норма, одна одежда.

— Экспедиция, Кузьма, два—три года поработает и дальше пойдет, — объясняю я ему. — А ваш колхоз на одном месте всегда будет. И года через два—три будет богаче нашей экспедиции. За одну рыбу вы ведь теперь больше денег получаете, а там огороды начнут урожай давать, скот — мясо, молоко. Миллионером скоро ваш колхоз станет.

— Однако, правду ты говоришь. Оставаться надо в колхозе, — соглашается Кузьма, — только председателя и секретаря колхоза надо хороших людей выбирать, — серьезно говорит он.

На небе вдруг вспыхивает и переливается всеми цветами радуги северное сияние. Вот оно побледнело, остались отдельные столбы света, и вдруг снова запылало движущейся занавесью.

¹ Симбир (якутск.). — все равно.

Мы, как зачарованные, смотрим на небо.

— Юкагир-уста, — говорит мне по-якутски Кузьма и, заметив мое недоумение, переводит на русский: — «Юкагирские огни». Давно, давно юкагиров было много, очень много, говорят старики, огонь костров юкагирских стойбищ освещал небо так сильно, что мы его видим и сейчас.

Северное сияние постепенно бледнеет. Становится холодно. По спине пробегает неприятная дрожь. Пощипывает нос и щеки, стынют ноги. Пора устраиваться на ночь.

— У костра плохо спать, однако. Искры много, ветер, сгореть можно. Костер тушить надо, — озабоченно говорит Кузьма.

— Сейчас, Кузьма, мы зажжем с тобой другой костер, «найдой» называется. Уральские старатели и охотники меня научили.

Мы спиливаем две толстые сухостойные лиственницы, выпиливаем в нескольких местах узкие канавки, вбиваем в них плашки, сверху на них кладем второе бревно, а в зазор наталкиваем сухих щепок.

— Зачем так делаешь, дом что ли будем строить? — удивляется Кузьма.

Зажигаю щепки, и бревна начинают гореть ровным пламенем без искр.

Кузьма удивлен.

— Совсем тепло, как от печки, дыму мало, искры нет, рядом спать можно. Хитрый ты, нюча! — восхищается Кузьма.

Мы располагаемся на ночлег по обе стороны «найды». Постель наша состоит из веток лиственницы, покрытых невыделанными оленьими шкурами. Самое скверное, что разуваться надо на морозе, в унтах спать нельзя, могут замерзнуть ноги. Снимаю унты и ныряю, как в ледяной погреб, в кукуль. Проходит пять минут, и становится тепло. Через небольшое отверстие, оставленное для дыхания, я еще долго смотрю на сполохи северного сияния, на яркие мерцающие звезды, на ровные перебегающие языки пламени, извивающиеся между двумя бревнами.

В БАССЕЙН ИНДИГИРКИ

В апреле 1934 года наша геологопоисковая партия последней зимней дорогой с огромными трудностями добирается до места весновки — реки Далекой, верхнего притока Зырянки.

Почти двести километров отделяют нас от базы экспедиции.

Теперь мы целых полгода только при случайных встречах с якутами, с помощью «капсе»¹, этого своеобразного «торбазного радио», будем получать основательно искаженные сведения о внешнем мире.

В задачу нашей партии входит дальнейшая площадная съемка верхнего бассейна Зырянки, реки Момы в районе поселка Кыгыл-Балыхтах и водораздельного хребта Томус-Хая. На этом участке, если позволит время и будет транспорт, нужно пройти по маршруту Черского или параллельно ему.

Наша партия, носящая название «Далекой», состоит из двух отрядов. Один в составе прораба-поисковика, промывальщика и рабочего должен пройти до вершины Зырянки, опробовать этот район и выйти в Кыгыл-Балыхтах. Другой отряд состоит из начальника партии, геолога-прораба и двух промывальщиков. В его задачу входит обработка северной части верхних бассейнов рек Зырянки и Момы. Затем они также должны выйти к поселку Кыгыл-Балыхтах.

Мы раскладываем вещи и устраиваемся на весновку в бараке наших разведчиков. Вдруг в дверях появляется запыхавшийся Александр:

— Бараны! Бараны! Скорей ружье!

Первым выскакивает из барака наш долговязый Мика Асеев. За ним все мы. Три горных барана стоят на террасе и с удивлением смотрят на нас. Самец с горделивой осанкой и большими круто загнутыми массивными рогами делает вдруг скачок, и бараны вихрем мчатся прочь. Мика стреляет, но поздно, бараны уже исчезли.

— Тоже мне — бараны, бараны! Раскричался на всю тайгу, — говорит со злом Мика смущенному Егорову, не успевшему даже выстрелить.

Северная весна наступает стремительно. Прилетели снегири. Южные склоны сопок чернеют с каждым днем, исчезает снег на глазах. Ослепительное солнце светит почти круглые сутки, слепит глаза. Мы ходим в черных очках с кирпично-красными от загара лицами. Освобождаясь от снега, расправляет свои зеленые ветви стланник. На покрасневших тальниках выявились белые пушистые шарики. Буреет лиственничный лес. Набухают почки. Там, где сошел снег, зелеными ежиками топочатся кочки.

К концу мая весна уже в полном разгаре. По реке «дуром»,

¹ Капсе (якутск.) — слово, заменяющее приветствие. Якут обычно отвечает: «Нового ничего. Рассказывай ты», — и оба якута начинают рассказывать друг другу все известные им таежные новости.

как выражается Александр, идет рыба, в основном хариус. Два раза в день мы вынимаем «морду», полную рыбы. Свежий хариус, поджаренный на масле, — ни с чем не сравнимое кушанье. Естественно, что мы забываем про свои консервы.

Утром второго июня мы собираемся в первый маршрут. Снег уже полностью сошел. Как-то сразу наступило северное лето. В последних числах июня к нам должен прийти каюр из Балыгычана с лошадьми, а пока, не теряя времени, мы решили работать на «сидорах» (т. е. таскать все на себе).

Из барака мы выходим гуськом. Впереди с горным компасом в руках идет Мика. Он ведет глазомерную съемку. За ним иду я и зарисовываю в полевую книжку встреченные обнажения, записываю взятые замеры падения и простирания пород. Мы с Микой берем образцы и через каждые пятьсот — тысячу метров промываем в руслах шлиховую пробу, описывая места, где взята проба, и результаты опробования.

За мной с лотком за плечами тяжело ступает Александр. Шествие замыкает наш веселый черный щенок Шарик. Он неутомимо бежит по кустам, без причины лает на пролетающих птиц и гоняется за бурундуками.

В гору идти тяжело.

— Зажирели мы на весновке, — замечает Мика.

Обработав один из боковых притоков реки Далекой, мы подходим к водоразделу. Гряды невысоких гор покрыты яркой, как будто вымытой, зеленью. Комаров нет.

— Смотрите! Вон у русла медведица с медвежонком! — кричит Мика и устремляется вниз, за ним бежит Александр, снимая на ходу с плеч двустволку. В бинокль я вижу медведицу и около нее годовалого пестуна. Мика и Александр осторожно подбираются к ним. Медведица тревожно обнюхивает воздух. Раздаются выстрелы, и медведица, сделав круг, стремительно бежит прямо на меня, а медвежонок устремляется вниз по ручью по направлению к нашему барaku. У меня, кроме ножа, ничего нет, поэтому остается только спрятаться за дерево. Медведица, не заметив меня, тяжело дыша, пробегает метрах в десяти. Вскоре появляются мои горе-охотники, они громко спорят, обвиняя друг друга в неосторожности, но оба вскоре находят виновника: Шарик по неопытности выскочил с лаем вперед охотников.

— Проклятуший пес, всю охоту испортил, — ругается Мика.

У барака нас в недоумении встречает наш второй промывальщик татарин Сергеев.

— А я ничего не могу понять, смотрю, мимо меня пробежал Шарик. Я сразу обед накрыл, думаю, вы подходите. Выхожу из барака, а Шарика нет.

— Да ты сослепу медвежонка за Шарика принял, — смеется Александр.

Мы уходим на десять дней в пеший маршрут вверх по реке Далекой. Размазывая по лицу пот и раздавленных комаров, километр за километром упорно двигаемся вперед. Тяжелые рюкзаки оттягивают плечи. Уже шестые сутки мы в пути. Встречаются только однообразные осадочные породы. Пологие склоны покрыты зеленовато-белым ягелем. Лес почти исчез, лишь кое-где у русла ручья стоят одинокие корявые лиственницы.

— Здесь оленей хорошо пасти летом, корма много и комара почти нет, а из металлов доброго ничего не найдешь, — делает свое заключение Мика.

Закончив съемку вершины реки Далекой, возвращаемся в барак.

Уже конец июня, а обещанных лошадей все нет. Мы начинаем свои работы по направлению к бассейну реки Момы. Комаров с каждым днем становится все больше.

Стараясь быстрее закончить работы, разделяемся на две группы. Мика с Александром, забрав с собой полог-палатку, уходят на три дня в маршрут. Мы с Сергеевым собираемся идти на следующее утро. Барак оставим, обворовывать нас некому, а от проказников-медведей закроем поплотнее дверь и забьем досками окна.

Вдруг утром слышим стук. Ругаясь, входит Мика, за ним мрачный Александр, в дверь с визгом пролезает Шарик и прячется под нары.

— Чертовы комары, ни днем, ни ночью от них нет покоя. Не комары, а какие-то кровопийцы! — возмущается Мика. — На Кавказе, в Батуми, тоже есть комары, но они больше пищат, чем кусают. А эти — маленькие, а кусают с лету, как звери.

— На Волге тоже комары есть, но аккуратнее, — вторит ему Александр.

Мы ставим полог, подтыкаем его со всех сторон, но комары все равно где-то пролезли. Почти всю ночь мы ни на минуту не можем уснуть, а Шарик визжит и все лезет под нас — заели пса.

— Таких больших и комары заели, — смеюсь я. — Ну что же, бросайте работу...

— Да нет, конечно, — смущенно говорит Мика.

— Придется, друзья мои, не полениться и к пологу приступить сплошной пол, а к входу сделать завязки, чтобы плотно закрывать на ночь. А днем будете работать в длинных накомарниках и кожаных перчатках. Ничего, в конце июля комары начнут исчезать. Правда, вместо них может появиться мошка, — утешаю я их.

Александр молча достает простыни и подшивает их вместо пола к пологу... Остаток ночи мы проводим спокойно.

Вечером следующего дня, вернувшись с очередного маршрута, мы замечаем у барака четырех привязанных к деревьям белых, коренастых якутских лошадей. Из барака выходит, под стать своим лошадям, солидный, коренастый якут и, широко улыбаясь, представляется:

— Иван Слепцов, балыгчанский житель, а т¹ вам привел, а т оставил и у ваших рабочих на Бочере. Они сказали, где вы находитесь. В обед приехал. Вот вам и почта.

За чаем Иван Слепцов добросовестно выкладывает, мешая русские слова с якутскими, все таежные новости.

— Ну, теперь красота, наладим выюки и завтра же на лошадях двинемся в бассейн Момы, — замечает Мика.

Слепцов критически осматривает наш груз и говорит:

— Однако, эльбяк² груза. Второй раз таскать а т провиант надо.

— Конечно, в один раз не увезти, — соглашаюсь я с ним. — Два раза будем возить.

Пятого июля мы покидаем свой барак.

Мика усиленно ухаживает за Иваном Слепцовым, счастливым обладателем одиннадцатизарядного винчестера тридцать на сорок, уговаривая продать ему винчестер или хотя бы временно поменаться на его карабин. Наконец, Иван поддается на уговоры и на время отдает свой винчестер. Счастливый Мика сразу же отправляется с Александром в маршрут на ближайшие гольцы. На следующий день к обеду мы видим наших охотников, согнувшихся под тяжестью освеженных туш двух горных баранов. Сергеев сразу же принимается за разделку баранов, коптит на дыму куски мяса, делает отличный шашлык. Охотники наперебой рассказывают, как они увидели баранов, подкрались к ним и Мика из винчестера сразу

¹ А т (якутск.) — лошадь.

² Эльбяк (якутск.) — много.

срезал выстрелом самого крупного барана, только потом пришлось отрезать голову с рогами, чтобы легче было нести.

На всем дальнейшем пути бараны встречаются табунами. Их много в этих глухих местах.

Мы входим в широкую долину реки Момы, почти сплошь покрытую наледью. За рекой, сверкая белоснежными вершинами, высокой стеной стоит Буордахский массив — вторая цепь хребта Черского. С его вершин спускаются ледники с характерными конечными и боковыми моренами.

— А это, пожалуй, не снежники и не фирновые поля, а действительно ледники, — высказываю я предположение.

— Во всех учебниках географии и геологии сказано: «В Северо-Восточной Сибири, несмотря на суровый климат и наличие высоких горных хребтов, нет современных ледников и они не могут появиться из-за малого количества осадков, особенно зимой», — цитирует на память Мика.

— Значит, не верь своим глазам, а верь писаному, — смеюсь я.

— А мы проверим! Это тем более интересно, что в этих местах не бывал ни один геолог и ни один географ.

На своих крепких лошадок Иван Слепцов умудрился навьючить весь груз партии. Осторожно, испуганно похрапывая, они идут по льду.

В самый разгар лета странно выглядят огромные белые пятна льда (тарыни), окаймленные зеленью. Зимой, во время сильных холодов, правые притоки реки Момы промерзают до дна, и вода, просачиваясь через галечники берегов, попадает на поверхность льда. За зиму намерзает слой льда до пяти — шести метров. В широкой долине Момы все образовавшиеся тарыни слились в один, образовав Улахан-Тарынь¹ — большую наледь длиной до 8 км, пожалуй, самую большую в Якутии.

Хрупкий лед под копытами наших лошадей колет, как сахар, и рассыпается на мелкие иголки. Постепенно отстают комары и оводы. Местами среди льда попадаются рощи засохших деревьев. По краям тарыня, где лед стаял, тянутся унылые серые галечники.

Мы осторожно обходим глубокие — до двух — трех метров — узкие канавы, промытые во льду. По ним бежит чистая холодная вода. Я по опыту знаю, как они опасны.

Вскоре мы подъезжаем к юрте. Нас приветливо встречает

¹ Улахан (якутск.) — большой.

семейство Степана Тарабыкина, жителя поселка Кыгыл-Балыхтах. По соседству с юртой ставим палатку.

На следующий день, забрав продукты на восемь дней, отправляемся пешком к Буордахскому массиву. Выходим на устье реки Буордах. Идти тяжело, вся долина завалена огромными валунами гранита. Пенистая река стремительно мчится между валунами, вливаясь светлой полосой в Мому.

Впереди заманчиво белеют недоступные вершины массива Буордах, самого высокого из всех, какие я встречал на Колыме. В гранитах нам искать нечего, но мы хотим добраться до ледников. Огромный длинный ледник спускается с самого высокого пика. Сомнений нет, это современные ледники; я так и записываю в своем полевом журнале, засекая их азимут.

Очевидно, в нашей науке сказалось влияние взглядов таких научных авторитетов, как Черский и метеоролог Воейков. Они считали, что север Сибири вообще не знал оледенения в ледниковый период. Здесь Черский впадал в крайность. В советскую эпоху В. А. Обручев доказал наличие в Сибири многочисленных следов былого оледенения. Теперь при работе мы постоянно встречаем следы оледенения. Сейчас уже бесспорно доказано, что оледенение было и в Сибири, правда, менее значительное, чем в Европе.

Почему же не быть и современному оледенению?

На этот раз нам не удалось дойти до ледников и доказать их существование, но последующие работы полевой партии Ивана Исакова в 1940 году и других исследователей обнаружили ледники в Буордахском массиве. Это второе по величине оледенение на Северо-Востоке нашей страны — современное оледенение, с преобладанием больших долинных ледников, с общей площадью более ста квадратных километров. Аэрофотосъемка подтвердила наличие ледников, и один из них — маленький висячий ледничок в два квадратных километра — был назван в честь нас, впервые его увидевших. В этом же массиве оказалась самая высокая точка хребта Черского. Это гора Победа — три тысячи сто сорок семь метров.

Продолжавшая наши работы поисковая партия Василия Зимина обнаружила в бассейне реки Момы среди покровов лавы хорошо сохранившийся молодой потухший шлаковый вулкан, изученный и описанный А. П. Васьевским. Этот вулкан поднимается в виде правильно усеченного конуса на сто восемьдесят метров над уровнем русла реки, его кратер шириной до ста двадцати метров превратился в озеро, на по-

верхности которого нередко плавают куски пемзы. Видимо, глубокие четвертичные разломы иногда сопровождались вулканическими явлениями.

* * *

Середина августа. Мы приближаемся к центру поселка Кыгыл-Балыхтах (Красная рыба), названного так из-за красной рыбы, которой так много в ближайших озерах. Одиннадцать юрт селения на сорок километров растянулись по реке Моме. Мы двигаемся от юрты к юрте. Наш Шарик здесь отличается: на удивление охотников, он почти каждый день ловит по два — три глухаря, наивно прячущихся в густой траве. Это значительно разнообразит наш стол.

В центре поселка — фактория, сельсовет и школа-интернат. Якуты здесь живут давно, не менее двух столетий. Путешественник Гаврила Сарычев, проезжая в 1786 году через Кыгыл-Балыхтах, брал здесь проводника. Через поселок издавна шли выючные купеческие и казенные караваны с провиантом и припасами из Якутска в Верхне-Колымск.

В сельсовете мне передают письмо от моего поисковика Кости Ермолаева. Он пишет, что простыл, покрылся чирьями, не мог дальше работать и вернулся с отрядом на базу экспедиции. Нам приходится заканчивать его работу, чтобы сомкнуть свои съемки с соседней партией нашей экспедиции. Поисковые данные, полученные за лето, нас не радуют.

Скоро выпадет снег. В нашем распоряжении остается дней двадцать. Подсчитав свои продукты, решаем сделать два маршрута: один в бассейн реки Неры, а второй — по реке Ерикиту, большому левому притоку Момы. Находим старика-проводника Егора Тарабыкина, знающего дорогу на Неру. Двое суток он набивает себе цену, не соглашаясь идти с нами. Получив чай, сахар, муку, которых у нас в обрез, он, наконец, соглашается.

Двадцатого августа мы выходим из центра поселка, ночем на ключе Компания, названном так, по словам Егора, поэтому, что здесь ночевали караваны компании купцов, перевозивших товары из Якутска.

Мика со Слепцовым и Сергеевым на двух лошадях отправляются вниз по неприветливой, бесснежной, сплошь заваленной галечником долине реки Ерикита.

— Дойдешь до Кыгыл-Хая — Красной горы, где, по сведениям якута Тыллара, имеется слюда. Проверь на месте и

назад, — говорю, я Мике. — И помни: продуктов у вас на десять дней! Не зарывайся!

— Ничего, прокормимся, — самоуверенно отвечает Мика, похлопывая по винчестеру, безвозвратно перешедшему в его владение.

Я с Егоровым и Тарабыкиным направляюсь к Улахан-Чистаю. Переночевав на границе леса, мы рано утром по чуть заметной тропе двигаемся к водоразделу. Вдруг идущий впереди нас проводник растерянно останавливается и круто поворачивает влево. Я с удивлением смотрю на него.

— Суол мона бар!¹ — показывает он на чуть заметный на галечнике след.

— Дороги нет! — возражаю я. — Вон куда надо идти, — показываю на хорошо заметный пологий перевал.

— Верно, здесь дорога! — кричит Егоров, обнаруживший старинную тропу.

Смущенный Тарабыкин поворачивает к Егорову и ведет нас дальше.

Погода испортилась, идет мелкий холодный дождь, готовый перейти в снег. Низко опустился туман. Нам попадают два небольших озера, и мы спускаемся в широкую долину вершины реки Антагычана — большого правого притока Неры, Галечники реки, состоящие из окатанных валунов гранита, белющих на фоне черных сланцев, с одинокими белыми кварцевыми гальками, меня радуют. В первых же промытых пробах встречаются значки золота, правда, чуть видимые глазом, но значки. Егоров сразу оживляется. Но дождь идет и идет. Кружатся отдельные снежинки. Туман сплошной занавесью закрывает ближайшие сопки и движется на нас. Надо спешить к лесу.

— Самыр кале, ардат кале! Дождь идет, туман идет. Однако, юрта назад надо ехать, — уныло ноет мокрый, согнувшийся крючком старик Тарабыкин.

Под такой ежедневный напев мы продолжаем работать, двигаясь вниз по Антагычану. В долине этой реки хорошо видна торная старинная выючная тропа, по ней полтора-два столетия тому назад проходил Гаврила Сарычев, ехавший из Оймякона в Верхне-Колымск. Зимой здесь на оленях возят почту в Якутск.

Маршрут, которым шел Черский, остается южнее. Мы находимся в самом центре хребта Черского. Все говорит о том,

¹ Суол мона бар (якутск.) — дорога здесь есть.

что мы входим в золотоносную зону, но дня через два придется возвращаться, так как наши продукты на исходе. Я разбираюсь в собранных материалах. Вдруг в палатку врывается Егоров и кричит:

— Сохатый рядом! У реки!

«Теперь можно будет продолжать работы, мяса сохатого хватит надолго», — мелькает у меня мысль.

Вслед за Егоровым я осторожно выхожу из палатки и вижу в тальниках характерную губастую морду сохатого, безмятежно обкусывающего ветки. Из-за шума реки он нас не слышит. Первым стреляет Егоров, за ним я. Сохатый делает огромный скачок и исчезает в кустах.

— Промазали, — огорченно говорит Егоров, осматривая место, где стоял зверь.

Наш «провиант» ускользнул из-под носа. А продукты у нас на исходе. На следующий день возвращаемся обратно.

— Только зацепились за золото, приходится возвращаться, — сокрушается Александр.

— Ничего, на следующий год мы придем сюда на весновку, — утешаю я его.

Шестого сентября мы, наконец, добрались до юрты Тарабыкина. Но отряда Асеева до сих пор нет. Меня это сильно беспокоит. Ведь я знаю, что продуктов, да еще при аппетите Мики, у них давно уже нет.

Но Мика появляется на следующий день. Его невозможно узнать, он весь оборван, как-то согнулся, щеки обросли щетиной и ввалились, движения вялые, куда девался его самоуверенный громкий голос.

— Мика, что с тобой?

— Жрать! Дайте скорее! Я умираю от голода, — слабым, чуть слышным шепотом говорит он, садясь за стол, и с жадностью начинает есть все, что ему подают.

Якуты с удивлением смотрят на «Улахан киги» — большого человека, как они зовут Мику, восхищаясь его аппетитом.

Пережевывая, с набитым ртом, Мика отрывисто, невнятно рассказывает:

— Каюсь, увлекся. Сто пятьдесят километров вниз по реке отмахали. Почти до устья. Никакой слюды не нашел у Красной горы. Все рассчитывали барана убить. Но хотя бы утку или куропатку встретили. Пусто, голодно. Дичи нет. Первый раз такие дикие места встречаю. А тут Сергеев говорит мне: «Две банки мясных консервов осталось и малость муки». Вспомнил ваш совет не зарываться и повернул обратно. Двести десять

километров — это пять—шесть дней надо было топать обратно. А тут еще лошадь потеряла две подковы и хромать начала. Беда в общем... Из последней банки консервов наш шеф-повар Сергеев сварил замечательный суп, а чтобы был погуще, решил заправить его крахмальной мукой. Перепутал старик мешочки и заправил его содой. Но героически съел его один — не пропадать же добру, — смеется Мика.

— Дальше три дня мы шли на подножном корму: ягоды, киселек из ягод ели да подмороженными грибами питались. Пробовали кашу варить из ягеля, но даже Сергеев решил, что это только олени могут есть.

Насытившись, Мика укладывается на боковую. Слепцов и Сергеев молча закуривают.

Десятого сентября мы выходим из поселка. До базы экспедиции двести пятьдесят километров тропой, которой шел Черский.

В верховьях Зырянки нам попадает множество пестрых сусликов. Они сидят столбиками у своих нор, наблюдая за нами, и с удивленным свистом исчезают при нашем приближении.

Останавливаемся на ночлег.

— Надо набить сусликов на зимние шапки. Восемнадцать штук потребуется на три шапки, — загорается Мика. И с места в карьер приступает к избиению сусликов из «малопульки». Александр и Слепцов едва успевают обдирать шкурки. Через час восемнадцать шкурок сушатся на рогульках.

— Аппетитно выглядят, — говорит Мика, рассматривая обдранные тушки. — Прекрасное будет жаркое.

Через два часа готово ароматное жаркое. Все от него отказываются. Я съедаю одну тушку. Действительно, вкусно. А Мика разделяется с остальными. В следующие два дня это блюдо действует на него, как хорошая доза касторки.

* * *

В Угольной мы встречаем Раковского, бегом докладываем ему о результатах работы. Хвалиться нам особенно нечем. Но нас не покидает надежда. Мы должны, во что бы то ни стало должны найти богатые промышленные месторождения металла.

Конец апреля. Наши Потапов и Тарабыкин долго совещаются, как безопаснее спустить нарты с грузом в долину реки Бурустаха. С трудом мы только что пересекли бесснежное голое плоскогорье Улахан-Чистай. Старики-каюры отпрягают оленей,

привязывают на полозья веревки-тормоза и начинают спуск. Но снега на спуске почти нет, и нарты вообще не скользят вниз. Чрезмерная осторожность оказывается лишней. Сконфуженные, наши проводники снимают тормоза, запрягают оленей, и мы благополучно спускаемся в долину.

На берегу реки облюбовываем место для весновки. Разгружаем нарты. Устанавливаем палатку и устраиваемся на ночлег. Утром Мика уезжает с каюром обратно в Кыгыл-Балыхтах. Весной он приведет нам восемь лошадей с каюром. Мы с Александром остаемся вдвоем на весновку.

Мы должны продолжать работы предыдущего года в правобережье реки Неры, центральной части хребта Черского. В задачу нашей партии входит также съемка верховьев рек Неры. Рассохи и Омукевки, чтобы ликвидировать «белое окно» на карте работ Верхне-Колымской экспедиции. Нам также надо обнаружить месторождение слюды, образцы которой мы видели в окнах юрт.

Потом мы должны выйти к реке Емдигею, одному из верхних притоков реки Колымы, куда мне обещают забросить лабаз с продуктами, и дальше по Колыме, через пороги добраться до прииска «Утинки». Оттуда можно отправиться по автотрассе в Магадан. Карта у нас расспросная, с грубыми ошибками, и я очень смутно представляю, как мы найдем вершину реки Емдигея и лабаз.

Мы с Александром делаем первый маршрут на высокий гольц, стоящий против нашей палатки. Перед нами, как гигантская карта, открывается панорама местности. Невольно охватывает гордость от сознания, что мы первые видим эти места. Черский проходил значительно южнее, а Сарычев севернее. Все здесь меня интересует. Стараюсь разобраться в гидросети и схематически ее зарисовать, мысленно намечаю свои будущие маршруты. Пытаюсь угадать доступность перевалов, засекаю красивые белоснежные, с резкими тенями гранитные массивы альпийского характера, отдельные высокие гольцы. На севере видны высокие гребневидные горы с красноватым оттенком, явно юрские песчаники, а ниже — черные сопки с пологими склонами, густо заросшие лесом. В бинокль местами хорошо видна линия между беловатыми гранитами и черными сланцами. Хорошо заметна граница леса.

Стараюсь разобраться в геоморфологических тонкостях: что это — горная страна, сплошной хребет, цепи отдельных хребтов или высокое плоскогорье с насаженными на нем короткими цепями. На все эти вопросы дадут ответ наши и по-

следующие работы, когда будет исследована большая площадь. А пока меня интересует вопрос, где, по геологическим данным, можно ожидать промышленное золото и как более эффективно направить поисковые работы.

Дует резкий, порывистый ветер, холодно. Увлечшись работой, я торопливо зарисовываю рельеф.

— Пора спускаться. Потные мы, воспаление легких в момент схватишь, — ворчит Александр, стараясь спрятаться от ветра за камнями.

Мы быстро спускаемся, лакомясь по дороге сладкой прошлогодней брусничкой.

Обрабатываем окрестные ручьи, но пока без существенных результатов — пробы почти сплошь пустые.

— Саша, давай мне лоток, попробую на той косе, где сливаются два ручья, взять последнюю пробу, — говорю я Александру.

Мы оба здорово устали, несмотря на то, что идем налегке, не захватив с собой даже ружей. Откровенно говоря, нам последние дни надоело их таскать — дичи нет, а ружья за день основательно оттягивают плечи и мешают работать.

Я иду впереди, и Александр молча шагает за мной. Обогнув густые кусты стланика, я выхожу на косу и останавливаюсь, как вкопанный. Навстречу идет тощий медведь. Мишка от неожиданности и испуга пытается встать на задние лапы для обороны, но, видя, что ему не грозит опасность, садится и подозрительно, с беспокойством смотрит на нас. Я стою настолько близко от него, что вижу зрачки его беспокойно бегающих глаз и клочья плохо вылинявшей шерсти.

— Саша, возьми нож и бей им по совку¹, — говорю я как можно более спокойным голосом, не оборачивая головы и не двигаясь, глядя в упор на медведя.

По опыту знаю, что медведи терпеть не могут упорного человеческого взгляда, спокойного голоса и звона металла. Услышав неприятный звон, мишка беспокойно заерзал. Его нервы, как видно, не выдержали, и было заметно явное его желание немедленно бежать, но, наверное, страх, что мы его схватим сзади, удерживал на месте. Потом он как-то боком отскочил метров на десять в сторону и опять сел.

Мы усилили шум. Тут уж мишка не выдержал, сорвался с места и, смешно закидывая зад, стремительно помчался от нас в гору.

¹ Железный совок для сушки шляховых проб.

Взяв пробу, мы возвращаемся в палатку.

— Теперь всегда буду таскать с собой ружье, — говорит, закуривая, Александр, — а то какой-нибудь медведь сдуру задерет или искалечит нас.

* * *

Через три дня приходит Мика с каюром Данилой Корякиным. Они привели с собой восемь лошадей.

— Лучших получил, — хвастает Мика, спрыгивая с крупного белого жеребца — подарка вдовы якутки. Он любовно похлопывает спину лошади.

Пятого июня уже отправляемся в первый круговой маршрут, оставив продукты в высоком лабазе.

Спускаемся вниз по реке Бурустаху. Берем пробу со сланцевой щетки коренных пород. Широкое лицо Александра расплывается в радостной улыбке.

— Наконец настоящее золотишко вижу. Три года пустоту мыл! А тут золото, да еще в рубашке! — восхищается он, показывая мне явно промышленную пробу.

Итак, мы вошли в золотоносную зону. Наши почти трехгодичные труды стали приносить плоды. В течение нескольких дней, работая от зари до зари и иногда даже ночью, мы опробуем и открываем несколько россыпных месторождений: Бурустах, Нюча и Курун-Агалык. Довольные результатами работ, выходим на широкую долину многоводной Неры. У реки Бурустаха видим три якутские юрты. В юртах одни женщины.

— Мужики ниже по реке, в поселке Балагыннах, строят факторию, — объясняют нам женщины.

Через Данилу мы расспрашиваем женщин о названии ближайших рек, о дорогах, кормах. Они охотно отвечают.

— А давно здесь живут якуты? — спрашиваю я семидесятилетнюю старуху якутку.

— Я здесь родилась, моя мама и мама моей мамы прожили здесь всю жизнь, — отвечает она мне.

«Это почти двести лет», — прикидываю я в уме.

По тропе, указанной гостеприимными хозяйками, мы через небольшой перевал попадаем в широкую долину реки Антагычана. Лошади, осторожно шагая по воде, благополучно перевозят нас на правый берег. Останавливаемся на ночлег. Утром расстроенный Данила сообщает:

— Лошади к юртам назад в гости ушли, след есть!

Данила уходит за лошадьми, а мы — в маршрут. По ма-

ленькому ключу, названному нами Невзрачным, поднимаемся до водораздела. В ключике одна из взятых проб явно с весовым золотом. На водоразделе видны кварцевые жилы и осыпи кварца. Замеряем их простираение.

Мика возится с картой и компасом и заявляет:

— В пяти—шести километрах выше устья в долине этого ключа мы встретим окварцованную зону и металл.

Я соглашаюсь с ним.

На следующий день мыдвигаемся вверх по ручью, названному нами Анка. Последним идет Данила с лошадьми, которых он привел вчера из «гостей».

— Пока так себе, — говорю я, рассматривая взятые пробы.

Но кварцевой гальки на косах белеет все больше. Пробы улучшаются. Мы входим в окварцованную зону.

С трудом преодолеваем крутой перевал. Лошади, сдирая ногами тонкий слой оттаявшего мха, скользят по мерзлоте.

Останавливаемся на заросшем тальником и тополями островке между устьями двух маленьких ключей, заваленных валунами и булыжниками. Еще два новых ключа — Егоров и Данилка — появляются на карте.

— В следующей речке мы опять найдем золото, — уверенно говорит Мика.

Но увы, в бассейне соседней реки зона «затухла».

* * *

Через несколько дней подходим к знакомым местам.

— Узнаешь, Александр, место нашей неудачной прошлогодней охоты на сохатого? — спрашиваю я Егорова.

— Как не узнать!

На вторые сутки мы подходим к лабазу. Лабаз, вопреки мрачным предположением, цел и невредим.

Через несколько дней мы оказываемся на плоскогорье Улахан-Чистай. На краю его как бы насажена короткая живописная гранитная цепь Эллу, одна из цепей хребта Черского.

Навстречу нам движется колхозный табун — несколько тысяч оленей.

В устье широкого распадка мы видим четыре летние конусообразные урасы эвенов. Посредине чуть тлеет костер. Над костром большой котел и медный чайник, вокруг разложены постели из оленьих шкур. Здесь мы встречаем агента разъездной торговой точки из Оймякона, который привез эвенам товары.

Я расспрашиваю агента, по каким рекам он ехал.

— По реке Худжах сюда пришел, большая река — больше ста километров.

Я с удивлением обнаруживаю отсутствие названной реки на моей схематической карте. Показываю свой образец слюды и спрашиваю эвенов, не видел ли кто такого камня при кочевках. Эвены внимательно рассматривают слюду и в ответ отрицательно качают головами, повторяя: «Аччи» — нет не видели.

Опять начинаются дни тревожных сомнений и неудач. Мы, видимо, уже вышли из основной золотоносной зоны.

Упорно, изо дня в день ведем свою работу, исследуя «белое пятно», и наносим его на карту. Кольца наших геологических маршрутов смыкаются одно за другим. Мы засняли уже большую часть Улахан-Чистая, несколько раз пересекая маршрут Черского.

По узкой крутой оленьей тропе спускаемся с плоскогорья Улахан-Чистай в долину реки Улахан-Нагаин — вершину Рассохи. Осторожно, рискуя ежеминутно сорваться, идут с громоздкими тяжелыми выюками наши лошади. Спуск благополучно окончен. Через небольшой перевал попадаем в широкую долину реки Омулевки и в одни сутки по осыпям проходим в верховье реки Неры... «Окно» в нашей экспедиционной карте ликвидировано.

* * *

Конец лета. Начинаются первые заморозки. Мы напрягаем все силы, чтобы успеть до снега закончить работу.

На реке Делянке (Нере) Александр неожиданно вымывает самородок золота до грамма весом.

— Смотрите, ведь здесь как раз проходил Черский, как говорится, по золоту, — восклицает Мика.

— Золотом Черский как раз меньше всего интересовался, — говорю я, — он решал чисто геологические и геоморфологические вопросы о строении Сибири и ее Северо-Востока. И если бы не смерть, он бы их блестяще решил.

Но в дальнейшем, сколько мы ни брали проб на этом месте, они были или пустые, или с ничтожными значками. Потом выяснилось, что это был вынос небольшого ручья Тунгусского, где впоследствии было обнаружено рудное месторождение с формирующейся россыпью. На ручей из-за его малых размеров мы не обратили внимания.

Подходим к устью ручья и располагаемся на ночлег на сухом месте, заросшем большими тополями, сплошь с затесами.

— «Ручей Кыгыл», — читаю я на одном из затесов. Гора против ручья, действительно, покрыта красноватыми осыпями — кыгыл, что по-якутски означает «красный».

— Посмотрите, чей здесь затес! — воскликнул Мика, рассматривая заплывший, полустертый затес. — Это подпись Черского, и опять синим карандашом, как на Зырянке. Видимо, и здесь ночевал караван Черского.

Стоят последние неповторимые дни северной осени. Ажурные кроны светятся золотом. Долины и горы покрыты лиловыми, лимонными и багрово-красными пятнами, на фоне которых резко выделяется вечнозеленый стланник. Днем уже прохладно, а утром у берегов ключей появляются первые ледяные узоры.

Пришло время покинуть эти места. Крепко увязаны наши коллекции, собрано и упаковано все, что необходимо нам для дальнейшего путешествия в Магадан. Но мы стоим, как зачарованные, и долго смотрим на залитые золотом склоны сопки и на синеющие вдали вершины хребта Черского. Каждый из нас в эту минуту думает о неутомимом энтузиасте-исследователе, о том, что на нашу долю выпало продолжить то дело, которому посвятил свою жизнь И. Д. Черский. И трудности предстоящих походов не страшат нас.

ТРУДНАЯ ДОРОГА

— Итак, вашей партии предстоит пересечь хребет Черского и исследовать плоскогорье Улахан-Чистай. Со времени Черского еще никто не бывал на Улахане. Да и сам Черский шестьдесят лет назад только пересек этот хребет. Пока еще это «белое пятно» на географических картах. — Валентин Александрович Цареградский обводит карандашом небольшое пространство на карте. Он встает и внимательно смотрит на нас. На его похудевшем лице лежит тень усталости. Он чуть прикрывает припухшие, утомленные веки и, заложив руки за спину, идет к окну.

За окном белеет круто изогнутая полоса реки, а за ней — северная пустыня, подавляющая своей бесконечностью. Ветер гонит по реке поземку. От одиноких лиственниц, от прибрежных зарослей тальника, от сухого бегущего снега веет таежной тоской и одиночеством.

Мика Асеев, облокотившись на стол, сосредоточенно смотрит

рит на начальника экспедиции. Его мальчишеское лицо чуть-чуть бледно.

У стола рассматривает карту будущих работ Сергей Раковский.

Я тоже гляжу на карту. Придется основательно поработать над исследованием неизведанных пространств. Эта мысль теперь целиком овладевает мной.

Что ожидает нас в этом путешествии? Радость открытий или горечь неудач?

Как бы в тон моим мыслям, Цареградский продолжает излагать обстановку:

— О реке Нере мы знаем одно: она — приток Индигирки. Для геолога это слишком мало. О вершинах Рассохи и Омулевки мы ничего не знаем. Исчерпывающий ответ на этот вопрос предстоит дать вам. Вы должны исследовать и нанести на карту плоскогорье Улахан-Чистай. Только после того, как вы исследуете бассейны этих рек в районе Улахан-Чистая, ваш дальнейший маршрут пройдет через верховья Неры в долину реки Колымы. Оттуда вы к первому октября приходите в бухту Нагаева.

Валентин Александрович подходит к столу и кладет руку на карту:

— По маршруту вам надо установить, есть ли там металл и имеет ли он промышленное значение. Это — вторая часть задания.

И он размашисто подписывает лежащий на столе документ.

Задание утверждено, утвержден и состав нашей партии. В нее входит всего четыре человека. Дмитрий Асеев — Мика будет вести всю геологическую документацию; Александр Егоров — промывальщик, начальником партии назначен я; четвертый — проводник — присоединяется к нам по дороге.

* * *

На базе Верхне-Колымской экспедиции весеннее оживление. Геологи готовятся к выходу в поле.

По вечерам мы строим грандиозные планы. Мечтаем проникнуть в лесные дебри реки Индигирки, исследовать хребет Черского, спуститься в устье Колымы, пройти в Чаун-Чукотскую тундру.

В ожидании последних распоряжений незаметно проходит время.

Наконец приходит долгожданная телеграмма из Якутска:

нам разрешено нанять в Момском районе тридцать пять лошадей. Для переброски наших грузов к местам стоянок выделено двадцать оленьих нарт.

Начинаются торопливые сборы.

Вечером мы в последний раз перебираем, проверяем точные инструменты партии. Любовно укладываем их во выючные ящики. Завертываем в трубку кальку, миллиметровку и все запаковываем в железные тубусы. Отдельно укладываем специальную литературу и неизменные два тома полевой геологии В. А. Обручева. Они сопровождают нас во всех маршрутах.

Укладываем индивидуальные палатки, накомарники. У каждого из нас легкая постель из оленьих шкур, одеяло из зайца.

Мы одеты по-походному: телогрейки, легкие, по ноге, хорошо смазанные кирзовые сапоги. Геологи не признают никаких болотных сапог с длинными голенищами. В них неудобно и тяжело ходить по тайге. Сколько из-за этих сапог не закончено маршрутов.

На следующий день наш нагруженный продуктами и снаряжением караван уходит с базы в Старую Зырянку. Мы с Микой остаемся еще на день, надеясь дожидаться самолета, который должен прилететь из бухты Нагаева.

...По узенькой тропке, выходящей среди густых прибрежных тальников, впереди меня идет Наташа. Мы с ней выходим на берег Колымы.

Как всегда в минуты расставания, на душе немного тревожно и грустно.

— Что это у вас такое скучное лицо, дорогой товарищ? — спрашивает насмешливо Наташа. Она вопросительно смотрит на меня блестящими голубыми глазами, лукаво улыбаясь, приподняв свой чуть курносый нос. — Как я вам завидую! Вы будете работать в совершенно не исследованных местах, — говорит она, — и, конечно, найдете новые месторождения. А здесь извольте кружиться со своей геологической партией около базы, заканчивать съемку, а осенью опять же на базу. Правда, потом меня ждет радость: еду в родную Москву, к маме.

Наташа останавливается, задумчиво водит по рыхлому снегу своей маленькой, обутой в белый торбаз ногой.

— Сознаюсь! Я просилась у Валентина Александровича в вашу поисковую партию. Но он сказал, что мне надо заканчивать свою работу и вообще девушек в такие трудные и дальние партии, как ваша, он воздерживается посылать...

— Куда вы запропастились? Я по всей базе бегаю, их ищу!

А они разгуливают! — кричит еще издали Мика, широко шагая своими длинными ногами.

Приблизившись, он церемонно раскланивается.

— Разрешите вас, Наталья Ивановна, и вас, товарищ начальник, пригласить на ужин. Будет жаркое из глухарей. Мой компаньон Данило Артистов уже варит ликеры.

— Знаю я твоих глухарей, Мика! Опять угостишь каким-нибудь немыслимым восточным кушаньем. У меня уже заранее начинается жечь во рту, — смеется Наташа.

— Клянусь, Наташа, жаркое будет настоящее, без восточного соуса. Глухари убиты на базе еще осенью. Они прилетели с той стороны реки, сели на деревья и с удивлением смотрели на наш неумело построенный барак. Ну и, конечно, моментально поплатились за свою неосторожность. Так что вечером мы все вас ждем!

И Мика стремительно исчезает.

Вечером в низком, занесенном снегом Микином бараке, с окнами, затянутыми вместо стекол бязью, многолюдно, шумно и чадно. За столом, накрытым по торжественному случаю простыней и «сервированным» самой разнообразной посудой от серебряных стопочек до стаканчиков для бритья, сидят гости. Мика, обвязавшись полотенцем, хлопочет около печки. Там на двух больших противнях, немилосердно чадая, жарятся глухари.

Наташа, удостоверившись, что жарятся глухари, хочет помочь Мике.

— Не мешай! — заглушая патефон, кричит тот. — Иди лучше танцуй с Даней.

Раздаются протестующие голоса гостей.

Появляется Валентин Александрович со своей женой. За ними энергично входит Сергей Раковский с Анной Петровной. Сергей галантно помогает дамам раздеться.

Все размещаются за длинным столом. Цареградский поднимает серебряную стопку.

— За успешное окончание экспедиции! Чтобы в результате наших работ ожил северный край. Мы идем по следам первых русских землепроходцев. Те искали «новую землю», богатую пушным зверем, соболем. Наша задача — открыть в этой «новой земле» все богатства ее недр. Пожелаем же уходящим завтра товарищам успеха в работе и благополучного завершения трудного и далекого маршрута!

Тосты следуют один за другим. Разговоры принимают явно «геологический» уклон.

Мой сосед, Юрий Трушков, одетый в ковбойку с небрежно расстегнутым воротом, наклонив ко мне свою кудрявую голову, с застенчивой улыбкой говорит:

— Наши маршруты почти параллельны. Я пойду по реке Омутьке до среднего течения и оттуда выйду в бассейн Колымы. Вы обязательно обработайте вершины рек, которые я в прошлом году не успел захватить.

Сын крупного профессора, Трушков успел уже поработать рабочим, коллектором, прорабом и начальником геологической партии.

В другом конце стола идет спор о том, куда лучше направлять маршруты экспедиции.

В споре горячее участие принимает Наташа. Я невольно любуюсь ею. В легком платье, с раскрасневшимся лицом и блестящими голубыми глазами, она кажется мне необычайно красивой. Энергично постукивая маленьким кулаком по столу, Наташа громко говорит:

— Я обязательно направила бы несколько партий в устье реки Колымы, к Анюю, в тундру за Полярный круг и сама с удовольствием работала бы в этих партиях. Там все геологические предпосылки металлоносных месторождений.

Ее сосед, плотный Вася Зимин, поблескивая очками, спокойно возражает:

— Наташа, это авантюризм: не закончив одно, бросаться за тридевять земель. Да и транспорта у нас нет для осуществления этих маршрутов.

— Нет, я бы все равно отправилась в эти дальние партии. Это перспектива! — упрямо повторяет Наташа.

— Да, товарищи, как быстро промелькнуло время. Давно ли наша экспедиция на двадцати кунгасах приплыла сюда, — говорит молчавший до сих пор Сергей. — А Бахапчинские пороги помните?

— Тебя, Иннокентий, на этом пороге мы, как мокрого щенка, вытащили на свой кунгас. Не забыл? — смеется молодой геолог Андрей Елышев.

— Очень хорошо помню, — сдержанно отзываюсь я.

— А помнишь, Верочка, — продолжает Андрей, — как Ваня, увидев порог, бросил кормовое весло, забрался в нос кунгаса и пытался, говорят, от страха закрыться твоей юбкой?

Верочка, вся вспыхнув, протестует:

— Что это вы вечно выдумываете, Андрей Васильевич! У Ивана Семеновича просто закружилась тогда голова. Он храбро вел себя на протяжении всего сплава.

Ваня Ушаков, уютно устроившись в уголке и начавший похрапывать, с благодарностью смотрит на свою заступницу.

— Товарищи, я приготовил вам сюрприз. Сейчас будем пить чай со сладким брусничным пирогом, изготовленным нашим «шеф-поваром», — громогласно объявляет Мика, направляясь в угол барака. Но, увидав там Ваню Ушакова, который усаживается поудобнее, чтобы подремать, он вдруг делает стремительный прыжок.

— Что ты наделал, утюг! Ты же сидишь на моем пироге... Специально спрятал свой сюрприз подальше — и на тебе!..

Ваня, вскочив, испуганно смотрит на свирепое лицо Мики.

Под дружный хохот гостей помятый пирог водружен на стол.

Неожиданно мигает электричество. Это сигнал Коли-«электрика». Уже час ночи, и через пятнадцать минут электростанция прекращает работу.

Гости расходятся.

Я провожаю Наташу. Идем медленно. Я твердо решил перед разлукой сказать Наташе то, что не решаюсь вымолвить уже второй год. Но и сегодня моя решимость исчезает бесследно, и я говорю обо всяких пустяках. Наташа, задумавшись, односложно отвечает.

Вдруг, как бы читая мои мысли, она неожиданно говорит:

— Все-таки я вам, мужчинам, завидую. Вы вольные казаки. А нам, девушкам-геологам, положительно нельзя выходить замуж и обзаводиться семьей. Появится семья, дети — и прощай геология, прощай полевые работы... Я, наверное, никогда не выйду замуж!

Мое готовое вырваться признание остается невысказанным.

Тихая морозная ночь. Луна освещает деревья в легком серебряном уборе инея. Резкие синие тени на снегу.

Вот и Наташин дом. Она, сняв рукавичку, протягивает мне теплую руку. Я ее крепко жму.

Разрумянившееся Наташино лицо, с чуть заиндеветыми волосами и глубокими, большими, кажущимися при лунном свете черными глазами, обрамленными чуть загнутыми ресницами, дивно хорошо. Перехватив мой восхищенный взгляд, Наташа, смущенно улыбаясь, осторожно освобождает руку.

— Утром меня непременно разбудите, я пойду вас провожать. Спокойной ночи! — Она быстро исчезает за дверью.

Самолет так и не прилетел. Придется, видно, на полгода уйти в тайгу, не получив ни газет, ни писем от родных и друзей.

На следующее утро мы с Микой поднимаемся раньше всех. Тальник, подернутый инеем, лиственницы в тонкой, розоватой дымке света, снега погружены в сон. И все же в морозном молчании Севера уже ясно чувствуется приближение весны. Признаками весны служат и оживленные стайки прилетевших снегирей, и синеватые тени на снегу, и набухающие почки тальника.

Нас провожают все участники экспедиции. Цареградский горячо и крепко пожимает мне руку:

— Зачеркнуть на карте «белое пятно» — вот ваша задача!..

Дальше всех нас провожают Наташа и Вера.

— Итак, в конце сентября в бухте Нагаева мы вас ждем, — говорит Наташа. — Будьте осторожны, Иннокентий Иванович. Не забирайтесь далеко в тайгу и не опоздайте. Помните: первого октября отходит последний пароход из бухты Нагаева. Мы будем вас ждать с новыми открытиями, — многозначительно повторяет Наташа и, стараясь изобразить на грустном лице подобие улыбки, протягивает мне руку.

— Смотрите за Микой, чтобы он не выкидывал своих мальчишеских номеров. Я его знаю, — просит меня Верочка.

Обернувшись последний раз у поворота, мы с Микой видим Наташу и Веру, машущих нам рукавичками. С базы слышен гудок нашей электростанции. Она гудит, как бы прощаясь с нами.

Туго скрипит под лыжами снег. Утренний мороз спал; солнце ослепляюще переливается на снегу. Мы выходим на правый берег реки. Впереди вырисовываются знакомые очертания широкого Зырянского озера.

Приподняв палки и накренившись всем телом вперед, Мика летит по белому озеру. Сверкающий снежный дымок стелется за ним.

В черной морской шинели, с длинным ножом за поясом, Мика выглядит несколько романтично. Нож — его неизменный спутник. Мика делает им затесы на деревьях, вскрывает консервы, рубит палки для палатки, свежует дичь. За плечами у него — одиннадцатизарядный винчестер. Мика страстный охотник. Винчестер — Микина гордость и своеобразный охотничий трофей.

В прошлом году он увидел этот винчестер у каюра, приехавшего на базу. Сердце у Мики забило от охотничьей зависти. Он рассыпался в любезностях, поил каюра крепким чаем, рассказывал о невероятных случаях на охоте и, наконец, попросил

каюра продать ружье. Каюр отказался. Тогда Мика попросил винчестер, чтобы сходить на охоту. Через час на базе услыхали выстрел. А за ним второй, третий. Потом появился и сам охотник. В глазах его вспыхивали азартные огоньки, но он с подчеркнуто-безразличным видом положил на стол рюкзак, покрасневший от крови.

— Здесь сердце и печень сохатого. Я убил его почти у самого табора. Четыре пули, посланные меткой рукой, достигли цели. Звериное сердце я пересыпал таежной травой, — высокопарно произнес Мика.

Печень и сердце были зажарены и съедены с большим аппетитом. После обеда все решили пойти свежевать сохатого.

— В этом нет необходимости, — таинственно сказал Мика. — Никакого сохатого я не убивал.

— Как? — раздались голоса. — А сердце? А печень?

— Кто решил, что это сердце сохатого? — изумился Мика.

— Да ты же об этом и объявил, — возмутился я. — Уж не ездового ли оленя прихлопнул наш славный охотник?

Все подозрительно посмотрели на Мику. Тогда он раскрыл рюкзак и вытащил медвежью лапу.

— Сердце и печень принадлежат хозяину тайги... — И Мика захлебнулся озорным, мальчишеским смехом.

— Я встретил медведя почти у вас под носом. Отдаю ему справедливость, он погиб, как подобает храброму зверю. Если бы у меня не было этого винчестера...

— Дай сюда ружье, — обиженно сказал каюр, — я не ем медвежатину, а ты обманул меня. Больше ты не получишь ружья.

Но на следующий день Мика приволок горного барана, и охотники помирились. Вскоре они стали друзьями, и каюр подарил Мике винчестер.

Мне все больше нравится этот веселый, сильный юноша. Он отличный работник и надежный товарищ. Второй год я работаю с ним в тайге. Мика — неутомимый энтузиаст своего дела, весело и легко переносит трудности таежных скитаний. Правда, у него есть один небольшой недостаток, противоположенный геологу-полевому, это — феноменальный аппетит. Учитывая этот аппетит, мы просили для Мики двойную порцию продуктов.

...Мы пересекаем Зырянское озеро и выходим к якутскому поселению. Во всем поселении — шесть юрт. Около юрт стоят запряженные в нарты олени. «Наш груз!» — говорит Мика, на-

правляясь к юртам. Он решительно открывает небольшую дверь и, согнувшись, входит в юрту. Я за ним.

— Здорово, хозяева! — рявкает Мика.

— Мика! Большой человек Мика пришел!

Две молоденькие девушки, вскочив из-за стола и смеясь, помогают ему освободиться от винчестера и рюкзака.

Ко мне подходит старик Винокуров и, чинно здороваясь, приглашает меня к столу, где сидит, смущенно улыбаясь, широколицая якутка — старшая дочь хозяина. Около нее стоит девочка лет восьми. С любопытством рассматривая нас, она жует конфету. За столом пьют чай наши каюры — молодые ребята Софрон и Афанасий.

— Теперь понятно, почему вы оленей растеряли... Здесь не только оленей, а и голову можно потерять! — улыбаюсь я.

— Олени готовы, начальник. Всех поймали. Много мучились. Вас ждем. Чай попьем, можно ехать, — обиженно говорит Афанасий.

Я люблюсь девушками — Матреной и Акулиной — младшими дочерьми Степана.

Они метиски — «сахаляр», как называют их якуты. У них нежный овал лица, прекрасный смуглый цвет кожи, живые, черные, чуть раскосые глаза. Обе похожи на молодых итальянок. Девушки, наперебой кокетничая и смеясь, угощают нас чаем. Заметив наши восхищенные взгляды, младшая, Матрена, присмирив, начинает теревить свою толстую черную косу, перекинутую через плечо. На ней яркий нарядный джемпер, обхватывающий ее сильную фигуру.

— Ну, совсем итальянка, и улыбка Монны Лизы, — восхищается вслух Мика.

Заметив ее смущение, я перевожу разговор на другую тему.

— А где же отец твоей дочки, Авдотья?

— На «материк» уехал. Андрей его звать.

— А как фамилия?

— Не знаю, — отвечает Авдотья, улыбаясь. — Хорошая у меня дочка! — с гордостью говорит она, поглаживая рукой русую головку девочки, с курносом рязанским носом и голубыми глазами.

Это один из браков, широко распространенных в дореволюционное время на Севере. Были «девушки», имевшие по пять, шесть детей от разных отцов. Они ничуть не унывали, а, наоборот, гордились и говорили: «Сын вырастет — охотник, добытчик, казак будет, ну а дочка вырастет — хозяйка, матери помощница».

Закончив пить чай, мы встаем из-за стола, благодарим хозяев за угощение, оставив на столе все вынутое нами. Таков обычай. Хозяева выходят из юрты провожать нас.

Афанасий, отойдя в сторону, что-то торопливо говорит якутски Акулине. «Обязательно приеду летом», — заканчивает он по-русски, садясь на нарту.

Олени сразу же берут в рысь и мчатся по узкой протоке. Снег из-под копыт ударяет в лицо, нарти подпрыгивают и качаются, легко и весело на душе от горьковатого весеннего запаха тальника.

Незаметно приближается вечер. Снега становятся светло-зеленоватыми, тени от деревьев чернее и резче. И вот уже позади тридцать километров. Мы добираемся до зимовья.

* * *

Мы едем по старинной почтовой дороге, идущей из Якутска на Колыму.

Стоит хорошая солнечная погода. Олени иногда по брюхо проваливаются в рыхлый снег.

Каждый изгиб Зырянки, каждая протока, боковая долина и водораздел здесь исхожены, изучены и засняты нами.

Наш олений транспорт кажется игрушечным на фоне огромных иссиня-черных отвалов каменного угля, поблескивающего на ярком весеннем солнце. Мы проезжаем мимо разведочного участка нашей экспедиции «Угольного».

— Здорово добыли «попутно» уголька наши разведчики. Постарался Ефимыч, — восхищается Мика, рассматривая, закинув голову, высокий отвал заготовленного угля. — Да и сплавить его, пожалуй, весь сумеют на Колыму. Смотрите, какие верфи развернули, — показывает он на несколько десятков строящихся и уже готовых кунгасов, которые стоят на низких козлах вдоль берега.

Давно ли мы первый раз замеряли эти пласты?

Остановив оленей, Афанасий с удивлением смотрит на бегающую из штольни вагонетку, пристально следит, как сыплется из нее уголь, и недоумевает.

— Зачем нужно столько черного камня? Что с ним будут делать?

— Эх ты, таежный челсвек, — покровительственно хлопнув его по плечу, говорит Мика. — Выражаясь высоким стилем, уголь — это хлеб промышленности и транспорта. Этот уголек пойдет вверх по реке для приисков и вниз к морю для морских

судов. И кто знает, может, на базе угля и наших находок развернется промышленность и тут...

Ночуем в устье ключа Сатаны, живо напомнившим нам первое лето наших работ.

Здесь нас нагоняет агент экспедиции Тихомиров.

— Новостей на базе никаких! Самолет с почтой не прилетел, — говорит он за чаем. — Медленно вы едете. Олени совсем ослабли.

Тихомиров — местный уроженец. Это высокий, плотный мужчина, живой и энергичный. Его широкое, с выступающими скулами лицо раскраснелось, узкие, чуть раскосые глаза блестят. Он быстро говорит что-то Афанасию на якутском языке.

Стоит ясная погода. Солнечные лучи отражаются снежным покровом, как рефлектором, снизу и с боков. Спасая глаза от чрезмерно яркого света, мы надеваем дымчатые очки.

— Ну и «консервы», будь они неладны! Ничего в них не видно!

— Кажется, впереди куропатки?

Мика нетерпеливо срывает очки и, пригнувшись, крадется вперед.

— Мика! Не снимай очков! — кричу я.

Он машет рукой, чтобы мы остановили транспорт. Раздаются выстрелы. Вечером десять куропаток, Микины трофеи, готовятся к ужину.

Сам охотник грустно сидит у костра и трет глаза.

— Что это со мной, будто кто мне в глаза песку насыпал? — жалуется Мика.

Белки глаз у него покрыты ярко-красной сеткой расширенных кровеносных сосудов. Явное воспаление сетчатки от чрезмерно яркого весеннего солнца.

— Знаешь что, Мика! Давай сейчас же ложись и прикладывай к глазам чистый платок, смоченный в крепком чае. И ни за что больше не снимай очков, если не хочешь совсем ослепнуть, — советую я ему. Он послушно приступает к лечению.

На следующий день наш неутомимый охотник по-прежнему идет впереди транспорта, чтобы ему не пугали дичь, но очков уже не снимает.

— Смотрите, смотрите! Что это на дороге валяется? — вдруг восклицает Мика, устремляясь вперед на своих длинных ногах.

Я вижу вмятую в снег толстую книгу в коричневом коленчовом переплете. Подбежав, Мика быстро схватил подмокшую с краев книгу.

— «Петр Первый» в колымской тайге! Р-ро-ман-тично!
По-видимому, книжку обронил пассажир, заснувший на нарте.

Наши олени начинают слабеть с каждым днем пути. У самцов растут покрытые нежным пушком рога. Важенки почти все стельные. Сзади бредут четыре совсем ослабевших оленя. Один из них неожиданно падает. Оленю пришел конец. Нужно остановиться на дневку.

Выбираем место для стоянки. Устанавливаем палатки, распрягаем оленей. После ужина при свете костра я с удовольствием читаю «Петра Первого»... Молчаливый Егоров непрерывно курит трубку. Вполголоса разговаривают про свои дела каюры. Наш агент Тихомиров, местный уроженец, вслух гадает: заарендует ли он в Моме нужное количество лошадей? Мика лежит на куче веток стланика. Мельком взглядываю на него. Лицо Мики освещено мягким светом костра. Положив руки под голову, он смотрит вверх на крупные звезды и что-то шепчет про себя.

Ночью просыпаюсь от громкого разговора. У костра — три эвена. Они ездил на базу экспедиции рассчитываться за аренду оленей. Эвены вручают нам газеты и письма, посланные с базы. Оказывается, прилетел самолет и привез долгожданную почту. С жадностью читаю газеты и письма, все это годовалой свежести. Тихомиров, хорошо знающий якутский и эвенский языки, легко договаривается с одним из эвенов, и тот обещает быстро доставить его в поселок Кыгыл-Балыхтах.

— Порядок! — весело потирает руки агент. — Из Кыгыл-Балыхтаха я вышлю вам оленей. Порядок!

К нашей стоянке подъезжают еще три эвена. В маленькой палатке тесно от гостей. Начинается великое чаепитие. Егоров не успевает менять чайники. За чаем рассказываются все таежные новости. Слухи о нашей партии обогнали нас. Тайга уже знает, что мы идем на Улахан-Чистай и дальше, до самого моря.

Один из эвенов, уроженец Кыгыл-Балыхтаха, говорит:

— Надо, очень надо побывать в нашем поселке. Мы будем вас ждать.

Гости вместе с нами свертывают палатку, увязывают грузы на нартах. Потом прощаются с нами и поворачивают на левый берег. С ними уезжает и экспедиционный агент.

— Будьте уверены, — весело кричит он на прощанье, — я догоню вас на свежих оленях! Порядок!

Наш путь пролегает через русло реки Зырянки, вверх по

снежной тропе. В русле — сплошная блестящая наледь. Она излучает поток света, словно вобрала в себя все весеннее солнце. По реке ехать нельзя.

Мы сворачиваем на берег. По глубокому мокрому снегу, по буеракам и валежнику пытаемся обойти воду. Но напрасно! Впереди все та же сверкающая куполообразная наледь.

После короткого совещания решаемся через наледь перебраться на левый берег. С дикими воплями и надсадным криком гоним оленей на лед. Перепуганные животные упираются, потом вырываются на лед и падают на колени. Их черные, словно выточенные, копытца скользят, в глазах трепещет страх. Они беспомощно тащатся на боку за нартами, из нежных, рассеченных рогов капает кровь.

Ледяные купола лопаются, выступает вода, нам угрожает опасность.

— И-эх, рогатые черти! — ругается Мика, поднимая оленей.

Они встают, пошатываясь. Мика подхватывает нарты и тащит их по воде. Следуя за ним, мы вытягиваем и оленей и нарты на берег. Измученные, мокрые, охрипшие, останавливаемся на ночлег. Лежа у костра, вспоминаем свои недавние приключения. Мика сушит торбаза и напевает одни и те же слова:

Хорошо, когда работа есть,
Хорошо, когда работа есть,
Хорошо, когда работа есть...

— Ну, если хорошо, то и перестань... Надоело! — замечает не без ехидства Егоров и укладывается спать.

Утром встаю первым и вижу светло-коричневого олененка с черной лентой на спине. Новорожденный, не успев обсохнуть, уже тянется к теплоте вымени матери и вздрагивает всем своим тельцем. Егоров молча укутывает его палаткой и везет на нартах. Вечером олененок, хотя и с трудом, но бежит за матерью, смешно падая и беспомощно распластываясь на снегу.

Дорога с каждым часом становится все хуже и хуже. Непрерывно возникают ледяные купола. Пронизанные солнечным светом, они ослепительно сверкают, искрятся, как чудовищные стеклянные люстры. Красиво. Но опасно провалиться в эту ледяную красоту. Каждую наледь или обходим, или с отчаянной решимостью переползаем. Олени выбиваются из

сил. Люди измучены. На стоянках сразу валимся спать. И это — в начале пути, на «почтовой» дороге!

Через несколько дней показываются верховья Зырянки.

Отсюда наш путь поворачивает к реке Индигирке. Целый день идем по беслесному, пустынному плоскогорью. На моей карте оно называется Мома. Далеко сбоку от нас встает черная стена тайги, справа — молчаливые белые сопки. Дорога медленно поднимается, и вскоре мы — на вершине перевала. Перед нами открывается величественная картина. Резко бросается в глаза мелкий снег в долинах и на сопках. По словам каюров, в устье реки Момы и выше по Индигирке снега выпадает двадцать — тридцать сантиметров и лошади и олени пасутся здесь круглый год на подножном корму.

Спуск с перевала — и мы в широкой долине реки Момы.

На берегу безымянного притока Момы — яранги эвенков.

Мика вырывается вперед, оставляя за собой синеватый след на мокром снегу. С мальчишеским свистом он подлетает к ярангам и врывается в кольцо косматых псов. Оглушительный собачий лай, веселый хохот Мики, изумленные возгласы эвенков. Наше неожиданное появление — неисчерпаемый источник новостей для них.

— Вот хорошо! Ах, как хорошо! Ай, как хорошо! — добродушно, с подкупающей искренностью встречают нас эвенки.

За традиционным чаепитием ни на минуту не умолкает общая беседа. Сообщаются все последние новости «торбазного» радио. Это словечко выдумал Мика.

— Каюры, охотники и оленеводы все таежные новости хранят в своих пыжиковых торбазах. Они сообщают новости по тайге с быстротой радио. Я и сам в торбазах сотни километров отмахую, — хвастался как-то Мика.

Тайга псна новостей.

— В Кыгыл-Балыхтахе — русский гость по имени Агент. Он нанимает оленей для других русских, идущих на Улахан. Вы не знаете, кто эти люди? Большевики? — Старый эвенк, сообщающий эти новости, смотрит на нас пристально, словно боится разочароваться в том, что мы не сможем ответить ему на эти вопросы. Значит, агент экспедиции уже в Кыгыл-Балыхтахе.

А новости не иссякают, причем реальные факты переплетаются почти с фантастическими. Непреодолимая сила наступления на Север, подобно радиоволнам, расходится по тайге. Эти радиоволны проникают в самые первобытные места, в затерянные стойбища якутов и эвенков. Слова «большевик», «кол-

хоз», «план» слышатся в разговоре наших хозяев. С особой значимостью и ясностью звучат эти слова, когда старый эвенк говорит:

— Пастухи Бурустаха готовятся к летним пастбищам. У них в колхозе стало очень много оленей. Очень много! В прошлом году сын моего друга из Кыгыл-Балыхтахы уехал учиться. Он большевик. Очень хороший охотник. Очень! Вчера ко мне приезжал гость — председатель Момского сельсовета. Он сказал, чтобы я свою дочь тоже послал учиться к ним в школу. Девчонка от радости без ума. Вон, посмотри...

В углу яранги на оленьих шкурах — пятнадцатилетняя девушка. Симпатичная, с открытым лицом, как у всех эвенков. Она с напряженным вниманием слушает нашу беседу. Заметив мой пристальный взгляд, смущенно отворачивает лицо.

— Я старик и видел много плохих дней, — шепчет эвенк, — я знал великий голод. Мы тогда ели дохлых оленей. Это было давно. Очень давно. Теперь в тайге другие люди и другие законы. Хорошие законы и хорошие люди! У меня есть порох, чай и мука. У меня есть спирт и свежая оленина для гостя. Если ей так хочется в школу, я согласен! — без всякой связи с предыдущим вдруг объявляет эвенк, указывая на дочь. — Пусть едет в Кыгыл-Балыхтах. Я буду даже очень рад. Очень!

За тонкими меховыми стенками яранги снова отчаянный лай, словно вся собачья свора сошла с ума. Мы выскакиваем и видим: пять оленьих упряжек мчатся к яранге. На передней — агент экспедиции. Он в куртке из пыжика, в торбазах, расшитых бисером и красной шерстью. Шляпка сдвинута на левое ухо. Лицо его загорело до кирпичного цвета. На ходу он прыгает с нарт, и наши голоса покрывает его хриплый, окаяющий бас:

— Здорово, мужики! Вы ползете, как черепахи. Вот вам олени, заарендовал для вас в Кыгыл-Балыхтахе. У меня — кричи-не кричи, а порядок!

Старый эвенк достает из-под шкур бидон со спиртом. Мы сидим на шкурах, поджав под себя ноги, в табачном дыму, плотном и синеватом, как облако. Агент разгрызает молодыми зубами кость и пьет большими глотками чай.

— А знаете, я сейчас встретил медведя...

— Где? — вздрагивает всем телом Мика и хватается за ружье.

— В двадцати километрах отсюда. Напрасно торопиться, молодой человек, не догонишь.

Общий смех охлаждает охотничий пыл Мики, и он садится на место.

— Из берлоги вылез, видать, и стоит на дороге. Олени мои — на дыбки, и он на дыбки. Зарычал, как собака. Ах ты, думаю, черт косолапый, ты у меня кричи-не кричи, бесполезно! Разрядил в него три пули — и все мимо. Он налево — и в сопки, а я прямо — и к вам.

Все громко хохочут над приключением агента. А он невозмутимо выпивает одним залпом изрядную дозу спирта и продолжает басить:

— Ну и председатель же в Кыгыл-Балыхтахском сельсовете. Это куркуль, а не председатель! Оленей, говорю, до зарезу надо. Нет, говорит, оленей... А это, говорю, медведи, что ли? Это, говорит, важеньки. Скоро отелятся... Нет, говорю, не важеньки, а ездовые. А ты, говорит, мне не указывай. Мне план выполнять надо. Таба сох — оленей нет, барда сох — дальше не едешь!

Что ты с ним делать будешь? Ну, я тогда в дипломатические переговоры: так и так, говорю, Егор Петрович, дорогой товарищ Хабаров, наша экспедиция, едущая на Улахан, нуждается в оленях. Вот это, говорит, другое дело. Для вас олени найдутся. Хотя и план выполнять надо, но помогу. Вы, говорит, и для моего плана работаете. Лучших оленей даю. Кричи-не кричи, а такой политик этот якут... Дипломат таежный!

При этих словах агента усмехается даже всегда молчаливый и хмурый Егоров.

Ночь.

Спят усталые каюры. Спит Мика, положив голову на живот агента. Чутко дремлет Егоров. Только мы со старым эвеном все еще сидим у жаровни с потухающими углями и беседуем.

— Вот, смотри, — шепчет он тонкими высохшими губами, — за такую кружку спирта я отдавал хорошего соболя. Ой, как много! И еще я пережил один великий голод перед тем, как купцам исчезнуть из нашей тайги. Тогда оленей издохло столько, сколько ты считаешь деревьев в тайге. Мы ели оленьи шкуры с яранг и молодые корни кедровника. Два моих сына и отец погибли от голода. И еще я помню один великий голод...

Старик уходит в воспоминания прожитых лет. Они развертываются передо мной, словно кадры давным-давно забытой кинокартины...

...Мертвые олени на обледенелой земле, мертвые люди в ярангах, стены которых не могли спасти от холода. Нищета, грязь, болезни и голод, голод и холод были их спутниками до смерти. И они вымирали. Вымирали быстро, бессильные перед хищной колониальной политикой царской власти.

— Давно это было, давно, — шепчет старый эвен, не знающий, как сосчитать до тридцати. «Нет, это было совсем недавно, мой старый друг!» — думаю я.

Кружка падает из рук старика. Он ложится на оленью шкуру и засыпает. Спит его дочь, свернувшись в углу. Я пытаюсь представить ее будущее и не могу. Слишком богатым, разнообразным и неожиданным кажется мне оно.

Я встаю и выхожу из яранги. Лунная, теплая весенняя ночь, черные тени деревьев на синем снегу. Спят олени, положив морды на снег. Спят собаки, уткнувшись в хвосты. Только один лохматый пес стоит, подняв морду к небу, напряженно вздрагивая от лунного света. И вот, не выдержав напряжения, он издает протяжный, тоскливый вой...

НА УЛАХАН-ЧИСТАЙ

Кыгыл-Балыхтах — самый оригинальный поселок, какой мне приходилось когда-либо видеть. В нем всего одиннадцать яранг, но они растянуты на сорок километров по берегу Момы. Мы ехали по этому поселку целый день.

Иногда яранги располагаются в десяти—двенадцати километрах друг от друга. И все-таки Кыгыл-Балыхтах — административный центр огромного таежного района. Здесь находятся сельсовет, фактория Якутпушнины, школа-интернат. Кыгыл-Балыхтах с восемнадцатого века являлся опорным пунктом для русских купцов и промышленников. Через него ехали купцы из Якутска на Далекую Колыму.

Не доезжая до поселка, наш агент повернул на север, в отдаленные якутские стойбища. Стоя на нартах, он резко свернул оленей и прокричал на прощанье:

— Я вас догоню! И будьте уверены, заарендную еще новых оленей. Кричи-не кричи, а будет полный порядок!

И «Кричи-не кричи» (такое прозвище дал агенту Мика) умчался.

Фактория Якутпушнины помещается в большом, добротно срубленном доме. В магазине фактории — изобилие товаров и продуктов: мука, сахар, чай, ружья, порох, дробь, хозяйственное мыло, примусы, яркие цветистые ткани и утварь. Магазин переполнен охотниками, рыбаками, оленеводами. Некоторые приехали в факторию за сотнями километров погостить. У гостей в руках охапки рыжеватых, как тихое пламя, лисич, горностаев и беличьи шкурки. Реже — бурые медвежьи меха. В пышной

куче мехов бросаются в глаза чернобурые лисы. Один из оленеводов протаскивает в дверь магазина бивень мамонта.

Заведует факторией молодой якут. Он недавно приехал сюда из Якутска. Учился там на курсах. Он прекрасно говорит по-русски и после долгих приветствий решительно заявляет:

— Оленей дать не могу! Нет! У меня неотложные перевозки грузов по району. Я должен выполнить план заготовки пушнины. Нет, нет, оленей дать не могу...

Мы обескуражены. Нам до зарезу нужны еще четыре оленьи упряжки. Кроме того, наши каюры из Кыгыл-Балыхтаха возвращаются обратно на базу.

Здесь нам необходимо нанять новых каюров и проводника. Впереди начинаются незнакомые места, и без проводника ехать нельзя. А молодой хозяин фактории смотрит на нас безразличными глазами и повторяет:

— Нет, нет! Оленей дать не могу. Нужно выполнять план. Пойдемте обедать.

Заведующий живет на фактории. Стены его комнаты закрыты оленьими шкурами. На полу — бурая медвежья шкура. В углу, на столике — патефон. Этажерка с книгами на русском и якутском языках. Молодой якут одет в европейский костюм, только на ногах длинные, прекрасно расшитые торбаза. Он заводит патефон и, склонив голову набок, с удовольствием слушает, как чистая мелодия заполняет комнату:

Во поле березонька стояла.
Во поле кудрявая стояла...

Мы, забыв о своем разочаровании, тоже слушаем с удовольствием. Кончилось чаепитие, выслушаны рассказы и все новости. Мы собираемся уходить. Теперь у нас надежда только на агента: сумеет ли он заарендовать оленей и когда он догонит нас?

Прощаемся с хозяином фактории и выходим из комнаты. На пороге заведующий факторией неожиданно объявляет:

— Знаете, я решил дать вам оленей. Друзей надо выручать. Это таежный закон.

Мы жмем ему руки и на «свежих» оленях едем на свою стоянку. По пути заворачиваем к интернату. Школа размещена в двух больших юртах. Нас окружает веселая детвора. Малыши засыпают бесчисленными вопросами на русском, якутском и эвенском языках:

— Откуда вы едете?
— Кто вы такие?

— Зачем?
— Что ищете?
— Чего нашли?

И сразу, наперебой, дают советы:

— Если подниметесь вверх по Моме — там обязательно найдете что-нибудь интересное.

— Нет, вниз! Лучше идите вниз! Там богатые места.

— Поищите у нас, в Кыгыл-Балыхтахе.

— Вот здесь поищите!

— Неужели у нас ничего не найдете?

В наивных детских вопросах чувствуется искреннее желание помочь нам найти то, что мы ищем, но только обязательно около их поселка.

На нашей стоянке (мы остановились в юрте якута Потапова) полно гостей. Пожилая якутка непрерывно кипит чай, варит суп, накрывает и убирает со стола, печет кислые хлебцы. Ей помогают две дочери. Самому Потапову — девяносто три года. Сразу же бросается в глаза его происхождение: он скорее напоминает молоканина, чем якута. Оказывается, старик женился в прошлом году. Жена моложе его почти в пять раз. Он безвыездно прожил свою жизнь в Кыгыл-Балыхтахе, и лучше его никто не знает местность между Колымой, Индигиркой и верховьями Яны. Лучшего проводника нам не найти.

— Ты на Яне бывал? — спрашиваю я.

— В прошлом году охотился на медведя.

— А в горах Гармычана? На Гармычане был?

— Там бил горных баранов.

— А поведешь нас на Улахан-Чистай?

— Кости болят, — жалуется Потапов. — Пожалуй, поведу...

В конце концов договорились. Он берется быть нашим проводником. И сразу же по-хозяйски требует:

— Нам торопиться надо. По Моме пошла вода и сгоняет снег. Трудно ехать будет...

Кроме проводника, нанимаю каюром Егора Тарабыкина. Он опытный, осторожный каюр.

Да, с отъездом надо торопиться.

Стоят чудесные весенние дни. Южные склоны цепи Гармычана начинают чернеть. Ветер и солнце сгоняют снега. Везде появились лужи. Эвены перебираются на оленях через Мому. Потапов все время поторапливает нас:

— На Улахане снег мелкий. Его сдувает ветрами. Оленям силы не хватит нарта по камням тащить.

Хорошо бы дожидаться нашего агента. Может, он пригонит запасных оленей. Но его все нет и нет. Видно, застрял где-нибудь в далеком стойбище.

На завтра решили двинуться в путь.

Вечером в юрте Потапова — совещание с каюрами, охотниками, оленеводами Кыгыл-Балыхтаха. Решаем, где лучше всего остановиться на весновку.

Старые оленеводы и охотники молча смотрят на карту и на спички, которые я раскладываю по оленьей шкуре. Ломаная линия спичек — это горная цепь Гармычан. Зигзагообразная линия — это русло реки Момы. Спичечные треугольники — отдельные сопки. Квадрат — плоскогорье Улахан-Чистай.

Нам нужно найти такое место для весновки, чтобы оно было удобно для работы, отдыха и охоты. Я то удаляю, то приближаю, то сокращаю горные цепи, безымянные речки, неоткрытые долины, все время передвигая спички.

Веские соображения высказывает Потапов.

— На весновку надо остановиться здесь, — он показывает на спички, обозначающие верховья первого притока Неры за Улаханом. — Здесь лес и доступные со всех сторон перевалы. И рыбы много, и охотиться можно, и травы для лошадей хватит.

«Спичечную карту» с оленьей шкуры перевожу на бумагу. Сравниваю со своей дорожной картой и... не нахожу правого притока Неры.

— Что это за река?

— Бурустах, — отвечает Потапов.

— Ты был там давно?

— Позапрошлым летом. Белку бил.

— И далеко отсюда до Бурустаха?

Потапов начинает подсчитывать. Он считает долго, откладывая спичку за спичкой. На старческом, сухом лице собираются морщины. Черная трубка погасла.

— Вот! — наконец произносит он, показывая на кучку спичек.

Пересчитываю спички. Их — пятьдесят три. Каждая спичка — километр.

— Перемахнем! — уверенно заявляет Мика.

— Перемахнешь, да когти сорвешь, — это хмурый голос Егорова.

— Торопиться надо, — говорит Потапов.

Хороша на рассвете тайга. Снега задернуты голубоватой дымкой, заячьи следы налились водой и застыли. Неподвижные лиственницы покрыты инеем, а заросли чернотала похожи на белые облака. В небе такая ясная голубизна и свежесть, что сразу становится легко на душе. Олени разбрелись по тайге, и каюры ушли на их поиски.

Только к обеду удалось собрать оленей и выехать из Кыгыл-Балыхтаха. К вечеру достигаем яранги нашего каюра Тарабыкина и останавливаемся на ночлег.

У Тарабыкина большая семья. Из восьми детей трое — в интернате, остальные — малыши. Жена Тарабыкина, маленькая, расторопная якутка, приготовила богатое угощение: пирожки с молодой оленьиной, сливочное масло, сахар и, конечно, крепкий душистый чай.

Тарабыкин с гордостью показывает на свое ружье.

— Хорошее ружье, — восхищается Мика. — Очень хорошее ружье!

Ружье действительно отличное: знаменитая «ижевка»-бескурковка.

Все охотники предпочитают «ижевку» любому другому охотничьему ружью.

— С таким ружьем да на уток. Из него можно бить без промаха. — В глазах у Мики знакомый мне огонек охотничьего азарта.

Тарабыкин вешает «ижевку» и вынимает берданку.

— Медвежатница, — определяет Мика.

— И на сохатого — добрая штука. Кстати, расскажу-ка я вам про сохатого. В прошлом году был у меня такой случай... — И начался, и пошел веселый охотничий рассказ...

В три часа ночи меня будит Потапов.

— Вставай, начальник. Ехать надо. Хорошо подморозило. Через Мому перейдем легко.

Торопливо запрягаем оленей и под крупными морозными звездами спускаемся на реку.

На реке — глубокая тишина. Тускло поблескивает тонкий, свежий ледок, а под ним — весенняя вода. Звенят оленьи копыта, оставляя белые звезды на льду, резко взвизгивают нарта, и неприятные мурашки пробегают по телу. Переправляемся осторожно, остерегаясь провалиться в воду.

Наконец перед нами — обрывистый берег. Лиственницы наклонились надо льдом почти горизонтально. Высокие скалы выступают из полумглы, и на них — нетронутый снег, покрытый паутиной птичьих и заячьих следов.

Охотничья тропинка окончилась.

Дальше надо ехать по снежной целине. Потапов и Тарабыкин надевают широкие лыжи, обитые тонкой оленьей кожей, и идут вперед.

С этой минуты они поведут нас на Улахан-Чистай, к малоисследованному хребту Черского, к «белому пятну» на географической карте Советского Союза.

Я размышляю о Потапове.

Здесь проходил полвека назад многострадальный Черский. Встречался ли он с ним? Здесь был Сергей Обручев. Может быть, он вел его через горные перевалы? Он нелюбопытен и малоразговорчив. Он не расспрашивает меня, куда и зачем мы идем, он ведет нас — и только.

Мои размышления прерывает восторженный крик Мики.

— О-го-гой! — кричит он, отцепившись, и скользит по грязному, рыжему снегу с обрыва вниз, прямо к ручью.

— У-р-ра!.. Л-люди! У-ра! — слышится его отчаянный крик за обрывом.

Мы кидаемся к обрыву. На берегу ручья — нарты, олени и человек в куртке из пыжика, в оленьей шапке, сдвинутой на затылок.

— Кричи-не кричи — бесполезно! У меня сказано — сделано. Сказал — догоню, и вот он — я! Порядок!

Агент прибыл с оленями. Он оброс жесткой щетиной, покрылся коричневым загаром. Серые, твердые глаза его излучают волю и мужество.

По случаю приезда агента открываю заветный бидончик со спиртом. У нас его очень мало, но не выпить ради такого случая — просто грех. За ужином агент повествует о своих приключениях. Весь его рассказ — это восклицания с непрерывными повторениями любимых словечек. Но все, что он рассказывает, — безусловная правда; которая, помимо его воли, превращается в романтику Севера.

Из Кыгыл-Балыхтаха он повернул на север, туда, где находится якутское становище Янгал-Маа. В Янгал-Маа ему удалось заарендовать десять оленей. На этих оленях он примчался в Кыгыл-Балыхтах, но уже не застал нас.

По Моме, во всю ширину ее, шли весенние воды. Зимний лед разъедало. На реке появились промоины. Якуты и эвены прекратили переправу даже верхом на оленях.

— Переправляться через Мому нельзя, — говорили агенту жители Кыгыл-Балыхтаха.

— Нельзя? — изумлялся агент. — Я сам понимаю, что нельзя, а если надо?..

И он распряг оленей, а сам потащил нарты по морозной, обжигающей тело воде. Вода доходила почти до колен, нарты относилось по течению, но агент все-таки переправил их на правый берег. Потом он вернулся назад за оленями. Олени бились на берегу, вздымались на дыбы, пугаясь бушующей воды.

Агент переправлял через реку по два оленя. Он обхватывал животных руками за шею и тащил за собой.

Переправа затянулась почти до обеда. Когда он переправлялся в шестой и последний раз, один из оленей провалился в промоину. Оленя затащило под лед с такой быстротой, что агенту пришлось как можно поспешнее удалиться от опасного места.

— Жалко оленя! — сокрушался он. — Такой оленище был — закачаешься. Жалко, жалко оленя, ну да уж тут кричи-не кричи — бесполезно.

Благодаря его отчаянной смелости и настойчивости мы сможем заменить своих обессиленных оленей «свежими». Мы сможем перекинуть свою партию и грузы через Улахан-Чистай и встать на весновку перед хребтом Черского. На вершине хребта, по его долинам, распадкам, ущельям и дальше — на реку Колыму и к бухте Нагаева мы уже пойдем с вьючными якутскими лошадьми. Лошадей пока нет. Их должен раздобыть для нас в поселке Мома все тот же неутомимый агент. Он сидит у костра, обнаженный до пояса, и растирает руками свою крепкую, волосатую грудь.

— Мужики! — слышится его бормотание. — Передохну у вас сутки и двину на Мому. Через месяц вы получите лошадей. Можете послать за ними кого-нибудь в Кыгыл-Балыхтах. У меня сказано — сделано. Со мной у вас — полный порядок. А вот на базе-то меня заждались! А туда двадцать оленей, кричи-не кричи, а подай. Это дело требуется обмозговать по-хозяйски. Да, да, по-хозяйски.

* * *

Тяжелая медно-красная луна выдвигается из-за сопки. Лесные тени короче, сопки выше. Олени замерли недалеко от костра. Их тонкие силуэты четко выделяются из полумглы. Самцы стоят друг против друга, опустив рога, одетые нежным пушком.

Важенки робко жмутся в стороне. В крови животных бродит весна.

Гибкие языки пламени пляшут перед глазами. Пламя поднимается вверх, кровавые отсветы падают на молчаливые лица.

Мика подпер кулаками подбородок и смотрит в огонь. Его ров не выпускает изо рта своей трубки. Агент приподнял кружку и замер. Потапов и каюры в упор смотрят на Тарабыкина, который неожиданно для себя завладел нашим вниманием.

Мне и в голову не приходило, что он такой рассказчик. Интересные народные поговорки, случаи из охотничьей жизни, таежная быль рассказываются им без конца. Плавню и медленно, нараспев говорит Тарабыкин... У костра незаметно проходит половина ночи. Короткий отдых, и утром — снова в путь.

...Мика стоит на берегу ключа, обхватив левой рукой листовницу. В правой руке зажат винчестер, передние концы его лыж выдвинулись над обрывом. Внизу стремительно рвется и кипит поток; в белую, светящуюся воду падают камни и мерзлые комья земли. Мы все время, незаметно для себя, поднимались по плоскогорью. И вот теперь, на высоте тысяча пятьдесят метров над уровнем моря, остановились на дневку. Нам надо набраться сил, чтобы за один день выйти на Улахан-Чистай.

Мы совершенно измучены. Тяжел путь по обнаженным камням, через километровые завалы валежника, по рыхлому снегу, по голой земле. На оленей жалко смотреть. Удивляюсь железной выносливости каюров, а особенно нашего проводника Потапова. Ведь ему все-таки за девяносто. На каждой стоянке он поднимается раньше всех, и его обычное: «Начальник, торопиться надо, однако» — действует на меня, как освежающий лесной воздух. Сейчас он сидит у костра, закрыв усталые, старческие глаза. О чем думает он, проживший почти сто лет?

На рассветающем небе — белые, резко очерченные вершины хребта. Хребет Черского! Он возникает перед нами, далекий, таинственный и неприступный.

Мы идем по широкой долине, медленно, постепенно поднимаясь на плоскогорье Улахан-Чистай. Дорога трудная. Мокрый снег сменяется жидкой землей. Олени с трудом тащат нарты по голой земле. Огромные валуны то и дело преграждают дорогу. Дороги по существу нет. Ее прокладывает старый Потапов, который все время идет впереди. Я иду за ним, перекинув лыжи через плечо: они здесь не нужны.

— Тысяча двести метров. Тысяча двести пятьдесят, — выкрикивает Мика, шагающий за мной. Он расстегивает свою

шинель; капельки пота выступили на его висках. В его глазах светится радостное изумление, хорошо понятное мне. Это — чувство человека, ступающего по неисследованной земле.

Целый день продолжался наш подъем на Улахан-Чистай. Под вечер мы выходим на плоскогорье. Перед нашими глазами — горное плато шириной до сорока километров. Недаром такое название дали ему якуты. Плоскогорье совершенно чисто, как застывшее горное озеро. А за плоскогорьем, как на ладони, встает живописная первая цепь хребта Черского. Его относительная высота — от одного до двух километров. Мощная горная цепь тянется с юга на север. Вершины гор в тихом вечернем сумраке взлетают в небо, ослепительно белые и безмолвные.

Чудесный, незабываемый вид!

И невольно радостная гордость рождается в душе. Только два русских исследователя видели этот хребет до нас. Первый из них — Черский. Он подошел к нему с той же стороны, что и мы, и оставил в своем дневнике краткое описание неведомого хребта. Второй — советский геолог Сергей Обручев, который видел хребет с другой стороны и назвал его именем Черского.

«Странно, — думаю я, — триста лет люди ездили из Якутска на Колыму, и никто не открыл хребта. В чем же тут дело?»

Сплошная, мощная горная цепь — только обман зрения. Отдельные гранитные батолиты, короткие цепи сопок и хребты, распространенные на широком пространстве, только имели вид сплошной стены. Пересекая отдельные части хребта по эквизным долинам, люди не могли охватить взглядом всю его грандиозную панораму. Для этого нужно было найти какую-то определенную географическую точку.

Мое сердце бьется радостно и учащенно. Все здесь интересует меня сейчас. Что передо мной? Горная страна Черского? Хребет Черского? Или отдельные горные цепи этого хребта?

Звездная северная ночь. По Улахану дует пронзительный ветер. Белые пятна сопок светятся из темноты призывно и загадочно; те самые пятна, что на моей карте отмечены «белым пятном» неизвестности.

После ночевки снова в путь.

Мы двигаемся по Улахану вниз к хребту Черского в поисках места для весовки. Место нам нужно хорошее, со всеми удобствами. Ведь нам предстоит прожить здесь почти все лето в непрерывной работе и путешествиях.

Плоскогорье еще покрыто мелким снегом. Следы диких оленей и горных баранов испестрили снег. Мелкая путаница птичьих следов похожа на узорчатую сетку. Изредка появляются следы росомх и лисицы. Потапов доволен.

— Зверя много, однако, и трава вырастает хорошая. Корм есть, рыба есть, птица гнездиться будет.

Мы пересекаем Улахан-Чистай и спускаемся к буйной, неизвестной речонке — притоку Неры. На ее берегу — густой смешанный лес: лиственница, ветла, береза. Непроходимая заросль тальника склонилась над самой водой. Окрестные сопки покрыты стлаником. Он освобождается от снега и приподнимает свои рыжеватые лапы. Сухое и очень удобное место для нашей стоянки.

Быстро разгружаем нарты, складываем груз на берегу. Мика и Егоров рубят жерди для лабаза, мы с Потаповым устанавливаем палатку. Каюры помогают всем, они торопятся. Им надо успеть до распутицы вернуться в Кыгыл-Балыхтах.

Наш маленький лагерь готов.

В белой бязевой палатке уютно и тихо. Койки и столик соорудили из ящиков с консервами. На столе пять прошлогодних номеров газеты «Известия» и «Петр Первый» Алексея Толстого — подарок якутской тайги.

После сытного ужина мы уходим с Микой на берег горной речки. Стремительная, прозрачная, она ворочает огромные камни, рвет мерзлые берега.

— Ну, так вот, — говорю я Мике, глядя в его глаза. — Ты возвращаешься вместе с каюрами в Кыгыл-Балыхтах за лошадьми. К твоему приезду наш агент, наверно, доставит их в поселок. Прошу не задерживаться.

Мика жмет мою руку и совсем по-детски смеется:

— А ты без меня не пойдешь? — и он показывает рукой туда, где сверкают белые вершины хребта.

— Не пойду...

— Ну, то-то, смотри!

...Розовое, словно обмытое, утро.

Я и Егоров с грустью смотрим вслед удаляющимся каюрам и Мике.

Александр молча берет топор и рубит дрова. Я разжигаю костер. Сизый, густой дым стелется по земле и тает в горном потоке.

Над тайгой и сопками струится весенний ласковый свет.

ВЕСНОВКА

— За что же мы выпьем, начальник?

Александр высоко поднимает кружку. Она мелко вздрагивает в его руке.

— За Москву! — отвечаю я Егорову и чокаюсь с ним.

Он пьет залпом, запрокинув голову; лицо его постепенно краснеет.

Александр обычно молчалив. Но сейчас, облокотившись на стол, он что-то мурлычет себе под нос, потом обращается ко мне:

— Далеколько я забрался, Иннокентий Иванович. На Волге ведь родился и вырос. Близ Чебоксар. Один я был у матери. Отца не помню — с германской не вернулся. Отслужил я военную службу и больше уж в деревне не бывал... Закончим экспедицию, обязательно в отпуск съезжу к матери, да и дивчина у меня там на примете есть.

Солнце пробивается сквозь бязевую крышу палатки, и мелкие зайчики играют на нашем столике. Настроение приподнятое, торжественное. Сегодня — Первое мая.

После праздничного обеда ложусь на койку и пытаюсь заснуть. Но это мне не удается. Радужные мечты сменяются грустными воспоминаниями.

Александр сидит у столика и молча смотрит в угол. Нам обоим, заброшенным в глухую тайгу, как-то не по себе. Одиночество особенно остро чувствуется в день Первого мая. Мы так далеко от Москвы, что даже мысленно трудно представить это огромное расстояние. В памяти возникают сопки, реки, леса и снова горные кряжи, ущелья, леса...

Десять тысяч километров от нас до Москвы. Здесь уже вечерет, а там едва брезжит майский рассвет. Я вижу строгие тени кремлевских башен, Красную площадь, мавзолеев. Странное дело, чем дальше от Москвы, тем дороже и ближе кажется она. И меня охватывает неумное желание — быть сейчас там, в Москве; бродить с Наташей по московским улицам, заглядывать в незнакомые лица и беспричинно смеяться.

— Наташа, — невольно срывается с губ ее имя. — Где ты сейчас?

В памяти всплывают эпизоды из нашей совместной работы в тайге: ночевки у костра, в палатке, сплавы на плотках по быстрым рекам и длинные геологические маршруты по горам, такие трудные для девушек. Наташа никогда не допускала никаких ухаживаний, никаких скидок на слабость... Вспоминаются

наши горячие споры после трудных маршрутов, за ужином при свете костра о работе, о литературе, о будущем края, который мы исследуем, — о чем мы только с ней не говорили и не спорили...

— Где ты сейчас, моя любимая «принципиальная» спорщица? Думаешь ли ты обо мне?.. В бухте Нагаева, осенью, — твердо решаю я, — обязательно скажу: «Наташенька, я люблю тебя и прошу стать моей женой».

Александр заснул, положив голову на столик. Надо мной сияет северная майская ночь. Светло так, что можно читать.

Пронзительные ветры дуют с вершин Черского. Пыльные вихри крутятся на Улахан-Чистае. Сопки чернеют, освобождаясь от снега. Почки на лиственницах побурели, разбухли и испускают крепкий, опьяняющий запах. Стланник поднялся с земли весь в нежных, теплых иголках. И в расселинах и на камнях появились цветы.

А над нами, в тихом солнечном свете — косяки гусей, летящих на север. Стремительно, словно маленькие истребители, мелькают чирки — их путь тоже на север. Из леса раздается характерный пронзительный треск, будто кто-то рвет полотно. Это трещит кедровка. Два ворона пролетают над нами, тяжело взмахивая черными крыльями.

Весна! Весна торопливо приходит в тайгу.

Я стою на обрывистом берегу потока с винчестером, зажатый в руке. Александр возится со своим инструментом: обжигает лоток, насаживает скребки. С нетерпением ждем, когда спадет большая вода. Хочется опробовать берега на реке и распадки соседних ключей. Страшно надоело вынужденное безделье. Пять раз перечитан «Петр Первый», просмотрены до объявлений «Известия». Скорей бы, скорей за работу! Где-то далеко от нас живут и работают люди, ходят в кино, загорают на пляжах. А здесь пусто и одиноко. Правда, загорать можно и здесь. И загар здесь особый, кирпичного цвета, словно ожог. Это — от солнечных лучей, отраженных от снега, и от высокогорного воздуха.

Мне не терпится:

— Бери, Саша, пыжи. Заряжай ружье. Завтра пойдем в маршрут.

— Пора, пора! Вода начинает сбывать, — загорелое лицо Александра расплывается в довольной улыбке. Он заряжает ружье, набивает патроны, укладывает рюкзаки. Утром быстро собираемся в первый маршрут на ближайший гонец. Поднимаемся вверх по крутому ключу. Русло ключа загромождено гра-

нитными валунами. На северных склонах гольца еще лежит снег. Идем осторожно, пробивая в твердом насте лунки для ног. Между камнями — прошлогодний мох. Ступаю в мох, и ноги скользят, обдирая его. Под мхом — вечная мерзлота. Зеленоватые кристаллы льда тают на корнях.

Шаг за шагом поднимаемся все выше и выше, aneroid-высотометр отсчитывает метры, сотню за сотней. Вот и вершина. На снегу — следы горных баранов. Александр с ружьем уже впереди. Он осторожно осматривает гонец, и на лице его отражается хмурое разочарование. Баранов нет.

Aneroid показывает высоту тысяча семьсот пятьдесят метров. Я сажусь на гранитную глыбу и оглядываюсь кругом. Снежные вершины хребта Черского с характерными для гранитов острыми формами, останцами на водоразделах и каррами похожи на лунные кратеры со следами исчезнувших ледников. Горные ущелья, отвесные скалы. Далеко под нами, как на гигантской карте, — долины, распадки, безымянные ключи.

Радостное душевное волнение нарастает во мне. Вот оно — «белое пятно», которое нам предстоит исследовать.

Над гольцом дует холодный ветер. Руки заоченели, но не могу оторваться от работы. Хочется полнее зарисовать рельеф и наметить цикл маршрутов через хребет Черского.

— Начальник, — слышу я взволнованный шепот Александра, — смотри.

Я поднимаю голову. В пятидесяти метрах от нас, на скале, стоит горный баран. Изогнутые рога его откинuty назад. Ветер шевелит шерсть на его спине. Пугливое животное тревожно озирается, широко раздувая черные ноздри. Ветер дует в нашу сторону, и животное не подозревает об опасности.

Александр поднимает винчестер. Он целится долго, стараясь подвести мушку точно под левую лопатку. Баран подпрыгивает, его точеные копытца мелькают, как черные молнии. Эхо выстрела гулко перекачивается в ущельях.

Александр бежит к одинокому камню, у которого в судорогах бьется животное.

— Ловко, — кричу я Александру, — ловко!

Александр сияет, довольный удачным выстрелом.

— Еще бы не ловко! — хвастается он. — Я его так резанул, словно его и не было.

Я чиню карандаш и снова погружаюсь в работу. Александр евежует барана. Незаметно летит время, незаметно подступает вечер. Долины и распадки исчезают в белом тумане, только на вершинах хребта еще переливаются красные блики заката.

— Пора, начальник, пора домой, — говорит Александр, перекидывая через плечо тушу барана.

С сожалением захлопываю полевую книжку. На сегодня хватит! Начинается спуск с гольца. В светлом сумраке причудливы и неузнаваемы гранитные батолиты. Заросли стланика — словно живые. Мелкая щебенка скользит из-под ног в сумеречные провалы, хлюпает мокрый ягель и кровавые пятна прошлогодней брусники стынут на сапогах. Удивительная ягода эта брусника! Ранняя колымская зима заносит спелую бруснику, и она лежит под снегом до самого июня. А в июне, когда освобождаются от снежных заносов сопки, багровые ягоды, сочные и вкусные, пылают по склонам.

Через два часа мы в своей уютной, чистой палатке. Александр готовит рагу из баранины. После работы — чертовский аппетит. Поужинав, ложусь отдыхать. Сладко ноют ноги, тепло и усталость охватывают тело. Но сон не приходит.

Александр сначала чистит ружье, а потом достает лоток. На дне лотка вырезаны ложбинки. Позавчера Александр долго обжигал лоток. Нехитрый его инструмент — верное средство для шлихового опробования. Александр поворачивает лоток, словно колдует над ним.

Он готовится к своей любимой работе промывальщика.

— Ну, как?

— Пусто.

— Вот, черт возьми! Попробуй-ка здесь. Здесь все признаки пиритизированной зоны. Кварц, пирит... Попробуй-ка!..

Александр берет пробу. Лицо его становится хмурым.

— Ну?

— Пусто!

Я рассматриваю лоток Александра. На дне лотка — черный шлих и рыжеватые кубики пирита — спутника металла. Но самого металла нет и в помине. С утра до вечера мы бродим по распадкам и горным ключам. Как мне надоела эта однообразная фраза: «Попробуй-ка здесь, Саша» — и не менее однообразный унылый ответ: «Пусто, начальник, пусто».

Мы уже исколесили все окрестности, взяли сотни проб, работали десятки ключей и распадков. Результаты — самые плачевные. Неудачи злят Александра. Угрюмое выражение не исчезает с его лица. Он совсем замолчал, и только изредка я обмениваюсь с ним короткими фразами:

— Вот здесь надо взять пробу, Саша.

— Посмотрим! — Александр снимает рюкзак и достает лоток. Он набирает в лоток грунт и начинает мыть. Моет он первоклассно. Я люблю наблюдать за его работой. Лоток быстро движется в его руках, снует по воде вперед-назад, вперед-назад. Маленькие волны перекачиваются в нем, унося крупную гальку. Вот остались одни эфеля¹. Александр чуть пробуторирует их скребком и снова осторожно, почти неуловимыми движениями рук, погружает лоток в воду. В его глазах загорается блеск надежды, на губах появляется улыбка. Он кладет на камешек погасшую трубку и, забыв все на свете, смывает лоток. Я смотрю через его плечо и думаю: «А может быть? А что, если?...» И чтобы продлить минуту неведения, отступаю назад и смотрю на застывшие взлеты сопки.

Александр поднимается с корточек и протягивает мне лоток. Все ясно, но я все-таки спрашиваю Александра:

— Н-ну?

— Мы его тут не сеяли...

Александр срывает лиловую кисть кипрея и раздавливает цветок между пальцами. Он промок и сильно устал. Нервное напряжение проходит. Я осматриваюсь вокруг: серые сопки, ржавая земля, мутный таежный ключ, холодные северные цветы. Тоскливо, однообразно и одиноко. Как мне здесь нравилось минуту назад, все казалось таким значительным и своеобразным...

— Не передохнуть ли нам, Саша?

— Передохнем...

Я сушу у костра взятые пробы, рассматривая их в лупу. Потом бережно завертываю в бумажные капсулы, нумерую и записываю в дневнике, когда, кем и какое место опробовано. Словом, делаю все, чего требует геологическая документация.

Александр лежит на боку, положив руки под голову. Он напряженно думает, глядя через костер, мимо меня, на сланцевую «щетку». Потом вскакивает и снова с мрачной решимостью разбирает облюбованную «щетку», стучит скребком, разламывает руками камни. Внимательно осматривает сланцевые плитки с «примазкой», набирает их в лоток. С полным лотком он забирается прямо в воду и моет, моет, опять забыв обо всем на свете. Сланцевая «щетка» по всем признакам стоит внимания. И снова радостная надежда наполняет меня. Обманет или не обманет «щетка»?

Александр вылезает на берег; мокрые сапоги лоснятся в

¹ Эфеля — мелкие частицы разрушенных горных пород.

бликах, белое кружево пены гаснет на голенищах. Он сердито подходит к костру и роняет лоток.

— Саша?..

— Обмишурился Саша! Вместо ура — караул кричи, — и Александр отводит свою душу невероятной, причудливой руганью. Я невольно раздражаюсь хохотом и, чтобы успокоить своего друга, начинаю напевать песенку об отважном капитане, которого уговаривают улыбнуться.

— Фальшиво поешь. Слуха совсем нет. Медведь на ухо наступил! — ухмыляется Александр. Эту оценку трудно оспаривать. Усталые и злые возвращаемся в палатку. Одно утешает: кое-что сделано по определению рельефа глазомерной съемкой в районе хребта Черского...

ПЕРВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Первые дни июня.

Ночи совсем нет. Круглые сутки можно читать, писать, делать вычисления на местности.

На лиственницах брызнула мелкая сетка иголок, и деревья похожи на зеленые облака. Зелень проглядывает из каждой расселины, из-под каждого камня. Болотные кочки обратились в зеленые, колючие шары. Куропатки прочно сидят в гнездах. Их охраняют крикливые самцы. Солнце яростно изливает потоки света и тепла.

Сижу на камне у самой реки и высчитываю быстроту ее течения. Сколько в ней бесполезной энергии! Это сегодня. А завтра сюда придут строители, инженеры, рабочие, здесь возникнут прииски, рудники, рабочие поселки.

Громкий выстрел разрушает мои мечты. Я вскакиваю и смотрю вокруг. Из палатки выбегает Александр. Кто это стрелял? Он размахивает ружьем и тоже смотрит по сторонам.

Раздается второй выстрел, и до нас доносятся крики. Мы бежим вдоль берега, обгоняя друг друга, и за поворотом реки сталкиваемся с Микой. Он сидит верхом на лошади. Синие галифе и высокие резиновые сапоги с отворотами придают его фигуре внушительный вид. У ног его лошади прыгает маленький, черный пес. Рядом шагает молодой якут.

— Что вы, черти, приумолкли? — кричит Мика, прыгая с лошади. — Знакомьтесь — лучший каюр от Зырянки до Индигирки — Данила Слепцов. Комсомолец! Славный парень! Правда, он случайным выстрелом на охоте повредил себе руку.

Молодой якут застенчиво подает нам левую руку. Правую, поврежденную, он прячет за спиной.

«Бесполезный для нас человек! И зачем его взял Мика?» — мелькает у меня досадная мысль.

Мика загорел еще больше. Нос облупился, и только большие глаза по-прежнему весело сверкают. Он торопливо рассказывает нам о своем путешествии в Кыгыл-Балыхтах.

— Тихомиров выполнил свое обещание. Доставил нам лошадей в Кыгыл-Балыхтах. Я взял лучших, — заканчивает свой рассказ Мика.

Теперь у нас восемь лошадей. Транспорт обеспечен.

Весь вечер сидим с Микой над разработкой кругового маршрута. Спорим, миримся и снова спорим по самым разнообразным поводам. Наконец «утрачены» даже ничтожные мелочи предстоящего путешествия. И тогда Мика с серьезным видом объявляет:

— Право давать имена промышленным ключам и долинам предоставляется тому, кто первый откроет их.

— Да ты сначала открой, — смеюсь я.

— Я затем и приехал, чтобы открыть.

— Ну, ладно. Так и быть. Открывай, пожалуйста.

Александр и Данила, наш новый каюр-проводник, навьючивают лошадей. Данила одной здоровой рукой ловко завязывает вьюки. Он так расторопен и поворотлив, что мне становится стыдно за вчерашнее недоверие к нему.

Ранним утром уходим в круговой маршрут. На траве — крупные капли росы, воздух свеж и полон смолистого запаха лиственницы. По кустам, пугая куропаток, носится наш пес Шарик. Данила, едущий сзади меня, тынет однообразно:

— Э-э-э-учугей, э-э-э-тас... Учете-чей-ур-я...

Он перебирает в своей песне все, что попадает на глаза. Мика с винчестером за плечом то и дело вырывается вперед, молодежато гарцуя. На душе по-весеннему весело. Началась настоящая геологопоисковая работа. Мика зарисовал и задокументировал несколько сбросов. Я работаю с буссолью и веду глазомерную съемку. Александр все время берет пробы.

В пробах появились первые значки. Значков с каждым днем все больше, в шлихах — большой процент пирита. Мы заходим в пиритизированную зону. Мика зарисовал несколько сбросов и кварцевых жил. Все чаще берем рудные пробы. Мы напоминаем охотников, идущих по свежему, запутанному следу хитрого зверя.

Но физиономия Александра при взятии проб по-прежнему остается мрачной.

— Нет самостоятельного металла! — говорит он, рассматривая в лотке чуть заметные на глаз значки.

— Вон, Александр, где пробу надо взять, в «щетке» на той стороне реки, — показываю я ему место для очередной пробы.

Он молча перебирается через реку. Я делаю затес на дереве, ставлю номер очередной пробы, записываю в книжку. Слышу, Александр что-то кричит и машет рукой. Немедленно направляюсь к нему.

— Есть! — хриплым от волнения голосом говорит он, протягивая мне лоток. В лотке среди шлихз, состоящего сплошь из пирита, несколько значков в темно-охристой «рубашке», похожей на тонкие, маленькие, продолговатые лепешки.

Я на глаз определяю вес. Проба явно промышленная.

— Сашка, лоток! — кричит Мика, разбирая другую «щетку».

Мы оба подходим к нему. Александр, набрав лоток, начинает опять мыть. И вот снова я, Мика и Данила, бросивший своих лошадей, замерли в ожидании.

В лотке среди пирита опять блестят лепешки. Сразу становится радостно. Появляется уверенность, что эта проба не случайна. Но Мика с Данилой и Александром роются уже в другом месте. Они смывают лоток за лотком. Лошади, оставленные Данилой, разбрелись по тайге.

— Ну, хватит, ребята, мыть, надо продолжать поиски!

Переходим с Данилой через реку. Он собирает лошадей, а я намечаю место для поисковой разведочной линии.

Продолжаем работу, хотя уже наступил вечер. В шлихах по-прежнему большой процент пирита. Заранее намечаем место ночлега — возле устья ключа правого притока реки.

— Ну, зацепили. Теперь пойдем ключишки открывать, — радостно говорит Мика.

Ему очень хочется самому найти хороший ключ. Поэтому он долго и настойчиво доказывает мне:

— На ночлег рано. Нам надо еще сходить в боковой маршрут. Мы с Александром исследуем левую часть долины и ее притоки. Хорошо?

— Хорошо, хорошо... — Я согласен.

Мы расходимся в разные стороны. Мика и Александр направляются вниз по реке, а мы с Данилой — к соседнему ключу. Подходим к устью, чтобы оттуда начать работу.

В устье ключ разбивается на мелкие протоки. Песчаные ко-

сы желтеют на берегах. Данила неожиданно наклоняется над песком.

— Человеческий след, однако. Здесь русский ходил прошлым летом...

Теперь и я различаю на песке полустертый след человека.

— А почему русский?

— Якуты в сапогах не ходят.

Я в недоумении. Откуда здесь могут быть русские? Делаю на лиственнице затес и надписываю на нем: «Ключ Ууча». Поякнутски это значит «русский».

Данилу отправляю обратно к нашей палатке и лошадям, а сам иду вверх по ключу.

Я опробую каждую косу, каждую встречную «щетку». Беспрерывно беру образцы пород и сам мою шлиховые пробы. Делаю затесы на деревьях.

С каждым километром шлиховые пробы улучшаются. Ключ, бесспорно, промышленный. До вершины ключа еще далеко. Но уже совсем поздно. Нужно возвращаться на стоянку.

Александр с Данилой уже храпят в палатке. В отдельной палатке, не сняв накомарника, спит Мика. Я забираюсь в свой полог. Плотно запахиваю и завязываю вход так, чтобы ни один комар не мог пробраться, и укладываюсь.

Но сон не приходит. Я долго лежу под заячьим одеялом на ветках стланика. За пологом гудит и переливается комариный столб. Осторожно приподнимаю край палатки. Над рекой плывет туман. Круглое, плотное облачко зацепилось за сопку и замерло. Трещит угасающий костер. А ухо чутко ловит ночные шорохи. Вот где-то рядом, у самого полога, просвистели утки, хрустнула ветка и опять тишина. Вдруг послышался быстрый топот. В стороне что-то тяжело затрещало. Рука осторожно нащупывает лежащий сбоку винчестер. Но все снова затихло и только гудит, гудит комариный столб. Мысли бегут одна за другой. Наконец-то после двухлетних напряженных и бесплодных поисков мы сделали первые открытия промышленных месторождений.

Металлоносная зона, которую мы сегодня пересекли, безусловно, тянется с Колымы. Теперь наш маршрут нужно направить вдоль реки и переходить на детальную съемку...

Я плыву в полусне, мысли путаются, угасают, возникают снова, фантазия расправляет свои веселые крылья. А все-таки кто этот русский, чей след мы обнаружили на песке? Что он делал в этих местах? Может быть, здесь была еще одна экспеди-

ция? Вот это было бы здорово! Но почему тогда не осталось никаких следов от ее работы? Для меня это становится загадкой, которую хочется скорей разрешить...

* * *

— Что за чертовщина? Откуда здесь река? Ну, хоть убей — не пойму, откуда здесь река? — слышу я удивленные возгласы Мики.

Мы с Александром и Данилой идем сзади, устало спотыкаясь о болотные кочки. «Что за реку он мог увидеть? — удивляюсь я. — Никакой реки на карте здесь не обозначено»...

Но перед нами действительно река. Шоколадно-светлые воды ее вот-вот выйдут из берегов и затопят болота. Тогда нам, пожалуй, не сдобровать. Горные паводки неожиданны. Они все сокрушают на своем пути.

Прижимаясь к обрывистому увалу, идем по берегу. Стараюсь определить по карте, на какую реку мы вышли. После некоторых расчетов выясняем: это — Нера.

Нера — один из крупнейших притоков Индигирки. В Неру впадают бесчисленные ключи и речушки, и сейчас, в период таяния снегов, она дико и грозно несет свои воды. Достаточно пойти дождем — и паводок неизбежен. Нам нет нужды переправляться через Неру, но все-таки сердце содрогается при одной мысли о переправе.

Идем по прижиму вдоль Неры. На обнажениях Мика упорно ищет отпечатки ископаемой фауны для определения геологического возраста отложений. Он энергично отбивает геологическим молотком образец за образцом. Мы помогаем ему в поисках.

— Есть, нашел! Ура! — радостно кричит Мика. В руке у него плитка сланца.

— Псевдомонотис якутика — триас¹, — быстро решает он, показывая плитку со слабыми отпечатками ракушки, аккуратно завертывает ее и прячет в рюкзак.

Лишь под утро, усталые и разбитые, возвращаемся мы из маршрута к своей стоянке. Погода начинает явно портиться. Северный ветер нагнал тяжелые тучи, и дождь, холодный и резкий, сечет по лицу. Все мы немножко простудились и куксимся.

¹ Латинское наименование отложения ракушечника на Колыме, относящегося к так называемому триасовому периоду геологической истории Земли. Триасовым отложениям на песчаниках, глинистых сланцах и др. обычно сопутствуют полезные ископаемые.

Лошади устало тащат мокрые вьюки. Маленькая тропка скрывается в излучинах Нерской долины. Хочется отдохнуть обстоятельно и подольше.

Тропка неожиданно приводит к якутской юрте. Но юрта пуста. Очевидно, хозяева откочевали на летние пастбища. Устанавливаем палатку, разводим костер. Данила и Мика отправляются на охоту. Дождь перестал. Разорванные клочья туч несутся на юг, а река так же стремительно мчит на север. Картина величественная и бесподобная. Вода идет вровень с низкими берегами. Хорошо, если больше не будет дождя.

Если не будет угрозы паводка, останемся здесь на дневку. У нас накопилось много дел по геологической документации. Надо заняться камеральной работой, подогнать карту, привести в порядок собранные материалы. Появляются Данила и Мика, увешанные крякушами. Ума не приложу, как Данила ухитряется стрелять одной рукой, да еще так ловко, в лет и почти без промаха. После ужина Данила куда-то таинственно собирается.

— Ты куда же, на ночь глядя, Данила?

— К якутам. Поговорить надо немного. Соскучился...

— Да ты в своем ли уме? Где ты их найдешь?

— Тайга скажет.

— А если якуты за несколько кёс?

— Я так далеко не пойду.

— Да как ты узнаешь, далеко они или близко?

— Тайга скажет, след скажет. Сегодняшний след, вчерашний след все расскажут.

— Ну, что ж! Не заблудись, смотри.

— Да что вы, Иннокентий Иванович! — Данила явно обижен. Это он-то, лесной житель, читающий звериные тропки так, как я книгу, заблудится! Как можно было подумать о нем такое?

— Ну тогда иди.

И он уходит, этот худенький, черноглазый парень, неслышно перебирая ногами. Его фигура долго мелькает между болотными кочками и, наконец, скрывается за тальником.

* * *

На рассвете выхожу из палатки. Небо такое лазурное, что сразу становится весело и легко. Только река, затянутая багровой дымкой, зловеще мчит на север. Выдранные с корнями деревья плывут по реке. Мятежная и суровая Нера одна нарушает утреннюю ласковую тишину.

— Э-э, нюча! Э-э-эй!.. — раздаются в кустарниках тонкие девичьи голоса. Изумленно поворачиваюсь на голос и вижу — прыгая по кочкам, к нашей палатке приближаются две якутские девушки. За ними идет Данила. В руках девушек — березовые туески. Данила также обвешан туесками и узелками.

— Здравствуйте! Мария Николаевна Березкина, — протягивает руку неожиданная гостья.

— Дуня, — коротко рекомендуется вторая.

— Александр, Мика, вставайте! Гости у нас!

Начинается суетня, веселые шутки. Данила сгружает с себя туески со сливками. Девушки ставят на траву туески с угощением. В них — свежее масло, молоко, хаяк.

— Где ты их нашел, Данила?

— В тайге встретил. В полкесе отсюда. След прямо к юрте привел...

— Давненько я не пробовал свежих сливок, — восхищается Мика и сразу опоражнивает туесок.

— Ну, этого лакомства тебе двойной порции рационом не предусмотрено, — пробует урезонить его Александр.

— Тут рацион ни при чем, у меня желудок особенный. С двойным дном! Понятно?

Спорить с ним бесполезно.

Девушки, не замечая проворства Мики по части съестного, быстро, перебивая друг друга, говорят что-то по-якутски. Их, как видно, очень интересует наше присутствие в этих краях. С помощью Данилы узнаем от девушек, что здесь живут только три якутские семьи. Занимаются скотоводством, охотой и ловлей рыбы.

Мы берем немного галет, пряников, сахару и всей толпой направляемся в гости к местному старожилу Березкину. Юрта Березкина расположена у ключа, на опушке редкого леса. Место это носит поэтическое название «Птичье гнездышко». Недалеко от юрты вижу столб, особо зарубленный. На столбе зеленой краской неразборчивая надпись и дата «1934 год».

Березкин, низенький, коренастый старик, приветливо встречает гостей. Нас окружает целая орава ребятишек. Мика щедро награждает их пряниками и галетами, а хозяйке преподносит сахар и чай. В юрте — деревянный пол, чисто. В углу, на видном месте — швейная машина, на камельке закипает медный чайник. Молодая хозяйка хлопочет около стола, устанавливая фарфоровые чашки, ставит на стол лепешки, масло, хаяк. При виде такого угощения Мика радостно потирает руки. Березкин — выдавший виды старик. Он отлично говорит по-русски. От

него я узнаю тайну следа от русского сапога на ключе «Ууча», а заодно — тайну столба у его юрты.

— Здесь в прошлом году ходили русские. Они приезжали из Якутска. Рыли глубокие ямы, поставили этот столб. Я ходил с одним русским на ключ. Это, наверное, тот самый ключ, который ты называешь «Ууча»...

— Как имя этого русского?

— Не знаю, не помню... Забыл!

— И что-нибудь нашли они здесь?

— По-моему, нет. Не знаю!

И только впоследствии мне стало известно, что здесь до нашего прихода была экспедиция геолога Одица, организованная Главным геологическим управлением. Ей так и не удалось обнаружить промышленных месторождений полезных ископаемых. О неудачах этой экспедиции я узнал значительно позже, когда наши работы подходили к концу.

Мы сидим в юрте якута Березкина и делимся своими впечатлениями. Молодая хозяйка показывает нам швейную машину.

— Мы ее купили в фактории. Я ее сначала боялась и не умела шить. А теперь ничего, не боюсь... И научилась шить. Очень хорошая машина!

* * *

Дождь барабанит о крышу палатки угрюмо и однообразно. Рядом, за полотном, ревет и беснуется Нера. Все время клонит ко сну.

— Вставай, начальник, вставай! Поднимайтесь все! — Данила начинает снимать палатку, и мы быстро вскакиваем, не понимая, в чем дело.

— Скоро хлынет вода! Паводок будет, вставайте! — уверенно заявляет Данила, хватая за узду лошадь, которая ржет, прядет ушами и тревожно скребет копытами.

Река зловеще выходит из берегов. Рыжие потоки уже заливают нашу стоянку. За пять минут сворачиваем палатку и навьючиваем лошадей. Подгоняемые угрозой паводка, подхлестываемые холодным дождем, торопливо уходим через болота к террасе. Иззябшие, мокрые, забрызганные по уши грязью, добираемся до высокой террасы. Мы спохватились вовремя. К утру паводок разливается по всему болоту, затопляя речную долину.

А дождь все идет и идет, угрюмый, холодный северный

дождь. Он зарядил надолго, по крайней мере на трое суток. Не только Нера, но и горные ключи вышли из берегов. Бесчисленные потоки вырываются из каждого распадка и ущелья. Вся окрестность превращается в сплошное озеро.

Несколько дней проходит в вынужденном бездействии. Наконец устанавливается солнечная погода. В тайге снова наступает тишина.

По густому лесу и бурелому, обходя район наводнения, мы выходим на безымянный, ничем не примечательный ключ.

— Этот ключишко мне положительно нравится, — говорит Мика.

— Давай-ка, Саша, лоток...

Первая же проба оказывается удачной. Вторая приносит еще большую удачу. Мика сияет. Знай, мол, наших!

Я делаю затес на дереве, ставлю дату и имя открывателя нового ключа... «Двадцать пятого июня 1935 года. Ключ открыл Дмитрий Асеев».

Мика читает надпись на дереве и дописывает синим карандашом: «Ключ назван «Наташа».

— Почему же «Наташа»?

— В честь Наташи Ростовской. А вообще, товарищ начальник, можно назвать и в честь другой Наташи, — говорит, хитро улыбаясь, Мика.

Ключи, где нами открыты промышленные месторождения металла, мы называем именами знакомых, именами героев любимых романов, фамилиями и именами работников экспедиции. Ряду ключей даем революционные названия; иногда называем ключ по наиболее характерным для него признакам. На наших картах уйма ключей: Широких, Узких, Крутых, Перевальных, Валунистых. Каких только названий не надавали им геологи.

Мы движемся дальше, из распадка в распадок, от ключа к ключу. Всем ключам, которые мы опробуем и заносим на карту, даем названия. Это обычно происходит на привалах. Я вынимаю карту, где под номерами занесены безымянные ключи.

— Ключ номер первый. Какое имя дать новорожденному?

— «Удачный», — предлагает Александр.

— Отлично! Ключ номер два...

— «Загадка». — Это название предлагается Микой.

— Почему же «Загадка»?

— Металлоносная вода на этом ключе то исчезает, то появляется снова. Загадочный ключ!..

...По тропе через небольшой перевал попадаем в широкую долину следующего притока Неры.

Приходим к реке. Она шумит и пенится, зажатая каменными глыбами. Опробуем речные косы. Но вот и прижим. Дальше нужно переходить через речку.

— Груз подмочим, — говорит Данила.

Кое-как находим подходящее место и решаемся идти вброд. Забираемся на завьюченных лошадях. Лошади тяжело бредут с двойным грузом, в особенности лошадь под Микой, и сколько он ни старается поднимать ноги на глубоком месте, набирает полные сапоги воды.

Переправились благополучно, даже не подмочив выюков. Сразу же начинаем опробование. В одном невзрачном ключике обнаруживаем промышленный металл. На склонах встречаем кварцевые жилы и осыпи кварца. Тщательно делаем замеры пород и жил, стараясь определить общее простираание окварцованной зоны... Мика делает затес и пишет: «Ключ «Неожиданный».

Отсюда выбираемся на водораздел. С него хорошо видна большая долина.

Мика возится с картой и компасом и наконец безапелляционно заявляет:

— В пяти—шести километрах выше устья этого ключа мы должны опять встретить окварцованную зону и металл. Направление ее как раз туда. — Он машет рукой на север.

Я проверяю компасом на карте его предположение.

— Ты прав. Обязательно исследуем этот ключ.

Назавтра по густому лесу и бурелому проходим к устью ключа. По дороге вспугиваем выводок глухарей, маленькие птенцы моментально прячутся в высокой траве. А мать, отвлекая на себя внимание, крутится у нас под ногами. Мика несколько раз поднимает винчестер и всякий раз в раздумье опускает его.

— Фу ты пропасть, вот навязалась, — кричит он, отгоняя глухарку палкой. Она испуганно улетает.

Подходим к устью ключа. На листовеннице делаю затес с четырех сторон и пишу «В. К. Э. ДС», что означает «Верхне-Колымская экспедиция Дальстроя». Я вполне уверен, что это будет промышленный объект. И добавляю: «Ключ «Аня», 1935 год. Начальник партии Галченко».

— А если этот ключ окажется пустой, как бубен? — иронически спрашивает Мика.

— Ничего, не подведет! — смеюсь я.

Двигаемся вверх по только что названному ключу Аня.

— Пока ничего особенного, — говорю я, рассматривая взятые Александром пробы.

— Как это, ничего особенного? — возражает Мика. — А кварцевая галька на косах — это вам что? — И через некоторое время он победоносно восклицает: — Ну, так и есть, кварцевая жилка, — Мика с гордостью показывает на сетку кварцевых прожилков.

— Входим, видимо, в окварцованную зону, — заключаю я.

— Ну, Данила, останавливайся здесь на ночлег!

Данила развьючивает лошадей. А мы продолжаем работать, двигаясь дальше по ручью.

С каждым километром пробы улучшаются, мы берем их со «щеток» и в бортах террас, в «спаях».

— Смотрите, — сдавленным голосом говорит Александр, протягивая лоток.

— Сколько его! Да оно в красной рубашке! — восхищается Мика, рассматривая взятую пробу.

Александр с энтузиазмом смывает еще несколько лотков. Мы помогаем ему промывать пробы. Мика берет несколько образцов обнаруженных им кварцевых жил. Наши выводы блестяще подтверждаются. Полный успех! Увлечшись работой, не замечаем, что пролетела короткая, светлая июньская ночь.

— Солнце уже высоко! Пора возвращаться к Даниле, — говорю я, когда мы закончили опробование обеих вершин раздвоенного ключа.

— Да, вот это ключик! Не подвела Аня, — восхищается Мика.

— А я думал уже — не случилось ли чего-нибудь с вами, — радостно встречает нас Данила.

— Давай, Данила, скорее подзакусим, — и Мика первым присаживается к своеобразному полевому столу, сделанному из двух ящиков. На этот раз наш аппетит настолько велик, что мы не уступаем даже Мике.

Наш отдых не долгов. Много спать некогда. Вскоре мы снова на ногах. Наносим на карту вновь открытый ключ. Прикидываем размеры обнаруженной окварцованной зоны.

— Ну, мне это явно начинает нравиться, — продолжает восхищаться Мика. — Выходит, что в параллельно текущем ключе, примерно в восьми—десяти километрах выше его устья,

мы опять должны обнаружить кварцевые жилки. И они обязательно что-нибудь нам подарят.

— На неизвестный соседний ключ нам на лошадях не попасть, — показываю я на другой перевал. — Придется идти в обход. Выйдем на устье Ани, а там — вверх по реке, к неизвестному ключу. Не помешали бы прижимы...

— Пройдем, — уверенно заявляет Мика.

Вот и устье Ани. Идем вверх по реке и скоро убеждаемся, что около прижима нам не пройти.

— Да, речка, черт бы ее подрал, — разочарованно вздыхает Мика. — Здесь лошади при переправе явно всплывут. А смотрите — на той стороне какая мощная наледь! Всю долину лед закрывает. Здесь на наледь не выберешься. Лед до полутора метров толщины. Вот задача!

Я уже почти решаю вернуться назад, но Мика твердо заявляет:

— Нет. Я сейчас сам проверю, пройдут ли лошади. Если я с шестом перейду и меня не собьет с ног, значит, лошади пройдут. Ищи, Сашка, шест покрепче!

И он, раздевшись, в одних трусиках и сапогах залезает в воду. Опираясь шестом о дно, начинает переправу на противоположный берег. Стремительное течение сбивает Мику с ног, но он упирается и идет дальше. Вот он уже у противоположного берега, но там явно глубже, и Мика, сорванный течением, всплывает. Несколько взмахов рук, и он с шестом выскакивает, на берег, быстро осматривает наледь, а потом машет рукой, отрицательно покачивая головой, и долго выбирает подходящее место для обратной переправы.

Спустя несколько минут Мика пляшет у костра, разведенного нами, и никак не может выговорить ни слова. Зубы его выбивают мелкую дробь. Наконец ему удается произнести кое-что членораздельное:

— Нельзя там пройти! Придется через перевал...

Собираем всех лошадей, закрепляем покрепче вьюки у седел и начинаем подъем. Первым идет Данила, ловко цепляясь левой рукой за лапы стланика и каменные глыбы. Подъем становится все труднее и труднее. Якутские лошади, срываясь и падая на колени, еле карабкаются в гору. Вьюки то и дело сползают под брюхо. Поправляем их на ходу и, задыхаясь от напряжения, упорно стремимся вверх, передвигаясь друг за другом зигзагами.

До вершины водораздела остается полсотни метров, но вьючным лошадям их не преодолеть. Данила и Александр раз-

выючивают лошадей. Перекинув вьюк на спину, согнувшись в три погибели, Данила начинает подъем на сопку, скаты которой местами почти отвесны.

— Осторожнее, Данила, — предостерегаем мы, затаив дыхание.

Он не оборачивается и молча лезет вверх. Мы следуем его примеру. Развьюченные лошади послушно карабкаются за нами. И вот вершина водораздела. Нам открывается грандиозная картина — вершины хребта Черского. Внизу, под нами — долина, заросшая лесом, по ней вьется довольно большая река, которая отсюда кажется речушкой. На нашей карте ее не существует.

— А спускаться-то хуже, однако, — сообщает Данила и смотрит вниз, отыскивая место для спуска.

Снова навьючивать лошадей бессмысленно. Хорошо, если они благополучно спустятся порожняком. Но и нам с вьюками спускаться почти невозможно. Перевязываем покрепче весь наш груз и бросаем его вниз по склону. Вьюки, тяжело подпрыгивая, исчезают за каменными выступами.

— Ну, а теперь мы! — говорит Мика.

Начинается опасный спуск. Лошади приседают на задние ноги. Мох скользит под ногами, обнажая вечную мерзлоту.

Каждая минута кажется вечностью. И вот, наконец, у каждого из нас вырывается вздох облегчения. Мы — в неизвестной долине, на берегу горной реки. Лошади стоят с трясущимися ногами; у одной до крови расцарапана морда. Чудесные якутские лошади преодолели эту крутизну. Сколько раз они выручали нас в наших трудных походах по таежным маршрутам!

Какие тайны хранит эта долина? Обманет она или же вознаградит нас? Это волнует нас всех.

— Нужно сейчас же взять пробу, — предлагает Мика. — Смотрите, сколько кварцевых валунов на выносе вон у того ключика.

— Постой, торопыга, успеем! Сегодня отдохнем, а завтра начнем работать, — охлаждаю я Мику.

Сладок заслуженный отдых у вечернего костра под лиственницами, на белом узорчатом ягеле. Уже отцвела голубика и начинают созревать ее сочные, сизые ягоды.

Я лежу у костра, положив под голову вьюк. Против меня сидит Данила и смотрит на огонь. Александр и Мика ушли на охоту.

— Данила!

Данила вздрагивает и поднимает глаза.

— Ведь ты — комсомолец?

— Комсомолец.

— Давно?

— С прошлого лета.

— А почему же ты в школе не учишься?

— Собирался, да вót рука помешала.

— Что у тебя с рукой приключилось?

— На охоте случайно прострелил...

Данила снова задумчиво смотрит на костер. По его лицу пробегают красноватые отблески огня.

— На Нере нынче факторию строят, — сообщает он по какой-то только ему одному понятной ассоциации. — Хорошая будет фактория. Эвенам и якутам не надо будет ездить в Кыгыл-Балыхтах за тридцать кёс. Советская власть позаботилась. Заведующим факторией будет якут. Мне говорили — поезжай на курсы в Якутск...

— Почему же ты не поехал?

— Передумал, однако.

— Что так?

— Сказать — смеяться будешь!

— Чепуху городишь! Говори...

— Хочу геологом стать. Желтый камень искать, черный камень искать, хорошая работа. Я потому к вам в каюры и пошел...

— А почему же ты раньше мне не сказал?

— Стыдился. Думал, смеяться будешь...

— Дело хорошее, только учиться много надо, — говорю я.

Данила тихо и благодарно улыбается. Мне становится тепло от его улыбки. Вчерашний кочевник, завтра он станет геологом, открывателем земных сокровищ.

Недалеко от нас, в лесу, раздается выстрел, за ним — второй. Данила хватается за ружье и вскакивает.

Из зарослей тальника вырывается лось; закинув рога, он мчится прямо на нас и вдруг взвизгивает на дыбы — мощные копыта секут воздух. Одним могучим рывком лось бросает свое тело в сторону и с разгона влетает в речку, поднимая столбы ледяной воды.

Данила спускает курок. В ту же минуту раненый зверь валится набок.

— Таек-бар — сохатый есть, таек-бар, бар, бар! — Данила бежит к лосю, подняв над головой ружье. Из кустов чернотала выходит Мика. В руках у него винчестер, он, захлебываясь, говорит:

— Не ушел, не ушел все-таки! Пуля послалась меткой рукой.

— А где Александр? — спрашиваю у Мики.

— Сашка? Не знаю.

— Куда же он запропастился?

Мы идем вверх по ключу, то пробираясь у высоких, скалистых прижимов, то прорываясь через бурелом. Бурелом сменяется сухостойным лесом. Наконец мы выходим на речную золотистую песчаную косу. На песке — влажный человеческий след.

— Сашка, — кричит Мика и прислушивается к своему голосу.

Ему отвечает только эхо.

Мы идем по следу. След поворачивает с песчаной косы к прижимам, туда, где река кипит и неистовствует. Крутые прижимы обхлестывает вода. Огромная наледь спускается с прижима в реку. Странно видеть в июльский вечер ясно-зеленую ледяную стену. Дальше идти по правому берегу нельзя. Здесь оборвался и след Александра. Куда же он девался? Может быть, повернул вправо или вернулся назад, разминувшись с нами? На наш крик по-прежнему никакого ответа. Вдруг мое внимание привлекает скала.

— Мика, видишь? — показываю ему на скалу.

— Интересно, интересно!

— Сделай-ка затес на дереве. Завтра здесь проверим!

— Завтра? А почему не сейчас? Валунов кварцевых здесь уйма!

Мику подмывает сегодня же опробовать новое место. Саша наверняка исчез с этой целью. По совести сказать, меня самого уже давно тянет промыть одну — две пробы. Я решительно встаю.

— Хорошо. Бери лоток!

Мика моментально хватает лоток и почти бегом направляется к устью ключа.

Мы садимся на корточки у подножья скалы и разламываем плитку за плиткой.

— Триасовые отложения, а признаков металла нет. — Мика многозначительно поднимает указательный палец. — Попробую с той стороны...

Он исчезает за скалой. Я продолжаю отковыривать плитки.

— Иваныч, иди сюда! — слышу шепот Мики. Он подает таинственные знаки рукой — дескать, тихо ступай, не шуми. Подчиняясь этим сигналам, я на цыпочках захожу за скалу. В

десяти метрах от нас — кварцевая осыпь, закрытая со стороны реки скалой. У подножья осыпи торчат ноги Александра. Туловища не видно, оно поместилось в яме. Он так увлечен работой, что ничего не слышит и не замечает.

— Тсс! — на цыпочках приподнялся Мика. — Я его сейчас, как глухаря, накрою.

— Нельзя, испугаешь! Видишь, как его захватило, — шепчу я ему в ответ.

Александр пятится задом и выползает из ямы. Мы прячемся за скалу.

Он идет мимо нас с полным лотком к воде. Затаив дыхание, неслышно ступая босыми ногами, мы подходим к Александру и становимся за спиной. Первоклассный мастер лотка, он работает так, что все его движения точны, ловки и бесшумны. Лоток то с изумительной быстротой вращается на воде, то вылетает вперед, и при каждом взмахе вода смывает пустую породу. Вот смывта порода и галька, в лотке одни эфеля.

Александр пробуторивает эту кашу рукой и начинает отбивку. Словно черный дымок слетает с лотка, а под ним...

— О-о-ох! — глубоко и протяжно вздыхает Мика. — Сашка ты мой косолапый, вот это дела.

Александр вздрагивает и смотрит на нас, не узнавая. Потом протягивает мне лоток.

— Иннокентий Иванович, вот это проба...

— На ключе имени Александра, — говорю я ему в тон.

Огромный таежный мир сузился для нас в пределах этого маленького ключа. Надежды и радость открытия сосредоточились здесь. Отличное месторождение!

— Ребята, а ужин? Я так хочу есть, что самому страшно! — спохватывается Мика.

Я протягиваю Мике часы:

— Половина четвертого! И не увидели, как ночь прошла.

Мы снова сидим у костра. После завтрака фантазируем, развалившись на траве и покуривая трубки.

Мы определенно нашли несколько промышленных объектов. Что-то здесь будет через несколько лет?

— Что будет? А вот что будет! — отвечает Мика. — Придут за нами строители, инженеры. Дорожники проведут трассу. Загребят экскаваторы, бульдозеры вздыбят землю и разворотят скалы. Возникнут поселки и расцветет тайга, заживет настоящей жизнью...

— А что будут делать геологи? — справляется Данила.

— А мы пойдем дальше, на Север...

Пора закруглять маршрут и возвращаться к нашим лабазам. Нам нельзя забывать основное задание — исследовать Улахан-Чистай.

Перед нами возникает знакомый водораздел, пересечем его — и кольцо кругового маршрута замкнется.

— Как-то там наши лабазы? — беспокоится Александр.

Мы идем, стараясь наверстать время. Сопки чуть-чуть потускнели, словно их заставили гигантскими дымчатыми стеклами. В воздухе чувствуется какой-то не свойственный ему запах. Данила останавливается и тянет воздух, широко и часто вдыхая.

— Тайга горит, — объявляет он уверенно.

— Где, где?

— За водоразделом. Крепко горит тайга...

Нас охватывает чувство тревоги. А что, если пожар коснется стоянки? Пропали наши лабазы! Мы начинаем торопливый подъем на водораздел. Сопки тускнеют все больше и больше, и вот уже зловещие рыжеватые облачка сползают по ним в долины. Все покрывается плотной сизовой дымкой. Теперь солнце становится похожим на медное пятно. Неприятно и уже сильно пахнет гарью. С вершины водораздела нам открывается страшное зрелище.

Горят три противоположные сопки. На крайней сопке слева огонь, захватив половину склона, поднимается вверх неровным полукольцом. Узкие ленты пламени опоясали вершину сопки, возвышающейся справа. Ее центр, словно оправленный в гигантскую багровую раму, еще не охвачен огнем. Средняя сопка пылает вся — от подножья до самой вершины; освещающая вечернюю мглу, пламя бежит по сопкам, захватывая новые, еще не тронутые места. Зеленые кусты стланика вспыхивают сразу, словно взрываются. Одинокие лиственницы горят, как тонкие высокие свечи. Треск ветвей, шипенье огня, шум горного потока — все сливается в единый гул. Бушующая стихия все уничтожает на своем пути. Нас утешает одно — лабазы далеко от пожара и пожар уходит от них в противоположную сторону.

Мы спускаемся в долину и долго продвигаемся по опустошенной местности. Ноги погружаются в мох, из-под которого вырываются мелкие искры. Проникая под мох, огонь попадает на торф, а торф может гореть под землей неделями. Черный горячий пепел и знойный воздух пожарища долго преследуют нас. Какой-то неосторожный охотник бросил окурочек или не по-

тасил ночного костра — и вот стихийное бедствие, уничтожившее тайгу на десятки километров вокруг.

Мы спешим в сторону наших лабазов. Пожарище остается позади. Снова идем по руслу потока, в зеленых тоннелях кустарника, по золотистым песчаным косам. В одном месте над потоком — небольшой прижим. С гранитных глыб склоняются кусты голубики. Данила останавливается и замечает:

— Медведи ходили. Ягоду обсосали. Смотри...

Кустарник обглодан и помят. Данила переваливает прижимчик и смотрит на землю.

— Вот они — следы...

На земле едва заметные отпечатки медвежьих лап.

— Ух, и боюсь за лабазы! — говорит Александр.

Мика снимает с плеча винчестер. Мы идем по медвежьим следам. Вот они появляются то на ягеле, то на песчаных косах.

— Куцаганы, — бормочет Данила.

Наконец за поворотом реки показывается наш первый лабаз — маленький барачек, сделанный из сруба, который остался от снятой палатки. От лабаза к реке тянется белая мучная дорожка. Разорванный куль с мукой лежит наполовину в воде. Стены лабаза, пни, кустарники покрыты мучной пылью. Кругом разбитые пачки спичек, разбросанная соленая кета, шоколад, папиросы. Валяется странно распластанный полушубок с оборванным рукавом, а в стороне от него — длинный резиновый сапог. И всюду — свежие следы медведей. Они резко выделяются на мучной дорожке.

— Вот пакостники! Вот натворили! — ругается Александр, собирая остатки своего полушубка.

— Набедокурили основательно, — соглашается Мика и быстро идет к двери лабаза. На всякий случай он поднимает винчестер и взводит курок. Но в лабазе — спокойно и тихо. Только жужжат встревоженные мухи и поют комары. В лабазе — полный погром. Стол свернут, нары тоже, оба окна, затянутые вместо стекол бязью и забитые досками, продраны. В бочонке со сливочным маслом — след когтистой лапы. Всюду рассыпаны мясные консервы, сахар, плитки шоколада. Александр долго и зло ругается, определяя размеры ущерба. Данила и Мика молча раскуривают трубки. К счастью, до второго лабаза медведи не добрались.

— Ночевать надо в лабазе. Медведи снова придут, — говорит Данила.

— Ну и устроим им встречу! — грозит Александр.

Наскоро ужинаем и мертвецки засыпаем.

...Пробуждение наступает неожиданно, и спросонья я долго не могу понять, что происходит. На светлом фоне окна вырисовывается медвежья голова. Медведь нащупывает передними лапами точку опоры для того, чтобы перебросить свое тяжелое тело через окно. Лапа уперлась на нары около самой головы Александра. Он крепко спит. Возле Александра мирно лежит бердана. Я осторожно, стараясь не нарушить тишины, протягиваю руку и сильно толкаю Александра в бок. В тот же момент замечаю второго медведя, деловито лезущего в дверь.

Александр открывает глаза и моментально скатывается на пол. Медведь, не шевелясь, с недоумением оглядывается по сторонам. Александр, сидя на полу, наводит бердану под левую лопатку зверя. Незваный гость, заметив хозяев, старается сползти обратно, но раздается выстрел, и зверь, судорожно дергая лапами, обдирая когтями бревна, повисает на окне. Второй медведь пускается наутек. В ту же минуту Мика соскакивает с нар, на ходу рванув свой заряженный винчестер, и исчезает за дверью. Гремит выстрел.

— Есть! Второго убил! — торжествующе кричит Мика.

Данила, прославивший самый напряженный момент, хватается за топор и бежит разделять туши.

— Славная медвежатина! Заменит мясные консервы. Вот мы и расквитались с «хозяевами тайги», — говорит он.

— Пакостничать не будут! — мрачно замечает Александр.

Через три дня, сложив в лабаз, устроенный на дереве, остатки продуктов и копченые медвежьи окорока, мы отправляемся в дальнейший путь. Нам предстоит новый кольцевой маршрут на плоскогорье Улахан-Чистай.

КОЛЬЦЕВЫЕ МАРШРУТЫ

— Нет, брат, постой! Ты мне винегрет не делай. Шоколад и соленую кету в один выюк не клади, — слышу я добродушное ворчанье Александра.

Александр и Данила возятся с упаковкой выюков и часто спорят, что и в какой выюк уложить, чтобы удобнее было в походе. Работы у них много: надо в короткий срок привести в порядок все снаряжение для нового маршрута на Улахан-Чистай. Промывальщик и каюр, ставшие закадычными друзьями, работают весело и упорно. Но это им не мешает ссориться по каждому поводу. Споры их обычно решаю я, и они кончаются примирением.

У меня и у Мики также хоть отбавляй работы. Мика возится с образцами взятых пород. Он нумерует их, надписывает, где и когда они взяты, укладывает во выючные ящики, которые остаются пока в лабазе. К коллекции Мика никого не допускает, все делает сам и не принимает ничьих советов:

— Знаем! Сами с усами...

Но сам он то и дело подает мне и Александру советы тонким, не терпящим возражений. Я привожу в порядок нашу полевую карту, стираю на ней часть «белого пятна». И вот именно тогда, когда я весь ухожу в работу, возле меня появляется Мика в своих традиционных синих галифе и клетчатой ковбойке. Некоторое время он молча стоит и смотрит, как я заново на карту очередное название ключа. Мы знаем только истоки и среднее течение того ключа. В устье его мы не бывали. Поэтому на карте ключ еще никуда не впадает.

Я поднимаю карту и раздумываю: можно предположить, что ключ — приток Неры, но нам нужны не предположения, а факты.

— Ключ впадает в Неру, — авторитетно утверждает Мика.

— Ты в этом уверен?

— Безусловно.

— Почему?

— Ему куда больше впадать. Здесь течет Нера.

— А если по дороге он встречает неизвестную речку и впадает в нее?

— Нет, он все-таки самостоятельный приток Неры.

— Это твоё предположение?

— Да!

— Предположение — не доказательство. Подождем, когда представишь факты.

Мика неожиданно соглашается и садится рядом на корточки. Он обхватывает колени руками, качается из стороны в сторону и бормочет нараспев:

— В дебрях Севера скитаясь, сохраняю до конца мелкой трусости на зависть веру в смелые сердца.

И опять снова то же самое. Я долго креплюсь, но потом все же говорю:

— Перестань! Мешаешь...

Поет Мика удивительно фальшиво и часто сам над этим подшучивает. Но не петь он не может. Избыток молодости, силы и веселья кипит в нем, как горный родник. Поэтому он и не думает оставлять меня наедине со своей работой. Он ложится рядом на траву и мечтательно вздыхает:

— Хорошо бы сейчас у теплого моря на пляже поваляться. Зарыться бы в песок, а над тобой — синее небо, кругом пальмы... Романтично!

— Придет время и этой романтике, — отвечаю я, не отрываясь от карты. Но Мика совсем неожиданно заключает:

— Лежал бы я на золотом песке в Гаграх и думал: хорошо бы сейчас на Север, изучать неведомые земли, пить ключевую воду, искать благородный металл... Что здесь будет через десять лет?

— Через десять лет — не знаю, а вот в будущем году — представляю.

— Да-а-а, — задумчиво и протяжно продолжает Мика. — Здесь будут прииски, рудники, заводы...

— И города, — добавляю я.

— Оленеводческие совхозы...

— И кочевники станут разводить овощи.

— Полетят самолеты...

— Проведут шоссе, пойдут автомобили.

— Появится радио...

— Вырастут новые люди.

— И неприступный Север будет покорен, освоен, обжит, — резюмирую я и откладываю карту, окончательно убедившись, что закончить сегодня работу мне не удастся.

Я ложусь рядом с Микой на теплую траву среди зеленых ветвей кустарника. Над тайгой царствует тишина. И только горная речка мечется, ворокает камни, брызжет пеной.

За поворотом реки исчезли наши лабазы. Мерно шагают тяжело навьюченные лошади. В этих выюках — инструменты, постели, палатка, продукты: шоколад и галеты, сгущенное молоко и консервы, спирт и сушеное мясо, сахар и чай. Мы обеспечены всем необходимым, у нас первоклассные приборы и инструменты, и в какую бы глушь мы ни забирались, мы знаем, что о нас неустанно заботятся, думают и в минуту опасности придут к нам на помощь.

...Мы поднимаемся к верховьям реки, которой дали условное название «Наша река». Ее исток — у подножья Северного водораздела, в гряде крутых сопки. Начинаем очередной подъем на водораздел. С его вершины нам открывается Улахан-Чистай. На этот раз мы выходим на плоскогорье не с западной, а с северной стороны.

После быстрого стремительного спуска попадаем в бассейн новой реки. У нее два названия. Якуты называют ее «Артык», эвены — «Екчан». В переводе на русский с якутского и эвен-

ского языков это значит «Перевальная». Под этим названием я заносу ее на нашу карту.

Мы принимаем решение обрабатывать Улахан-Чистай и бассейны речек, примыкающих к нему, кольцевыми маршрутами. Это даст нам возможность охватить все плоскогорье и замкнуть его в единый круг исследования.

Опять начались дни тревожных сомнений и неудач, быстро исчезающих радостей. Александр и Мика блуждают по ключам и распадкам, я веду глазомерную съемку и обрабатываю на карте «белые пятна». Они постепенно тают, но особенной радости от этого не испытываю. Нужно не только стереть «белое пятно», нужно прийти и сказать: «Там есть то, что необходимо Родине».

Первый маршрут не дал никаких результатов.

— Что же делать? — вздыхает расстроенный Мика.

— Искать...

— А где искать?

— Всюду искать! Обследовать каждый клочок земли. Не пропускать ни одного ключа, ни одного распада.

И мы продолжаем поиски систематически, настойчиво, хотя и не очень уверенно.

Второй кольцевой маршрут ничем не отличается от первого.

— Изменило нам счастье, — жалуется Мика.

— Счастье само собой не дается, — угрюмо отвечает ему Александр.

— Капитан, капитан, улыбнитесь, — шутливо напеваю я любимую песенку Мики, но «капитан» угрюмо молчит.

Мрачное выражение на лице Александра не исчезает. После каждой пустой пробы он бросает лоток на землю и раскуривает трубку. Александр — живой барометр наших настроений и переживаний.

...Маленькое, но крутое ущелье, заросшее черноталом. На дне его, перебирая гальку, звенит неведомый ключ. Слева над ключом — огромная сопка, вся в лиловом расцветшем кипрее. Мы движемся по широкой долине между сопками, и такие ущелья с ключами попадают на каждом шагу. Проходим мимо ущелья. Через несколько минут Мика решительно поворачивает назад.

— Что-то подозрительно мне это ущелье, — бросает он на ходу, — надо исследовать.

Я иду за ним. Мика стоит прямо в воде, рассматривая обнаженные скалы. Потом энергично бьет молотком по камням.

— Сейчас, — шепчет он, — сейчас, сейчас... Сейчас я установлю геологический возраст уважаемых отложений. Что это такое: девон, пермский или триас¹?

Мелкие камни, куски полуразрушенной породы глухо летят в ручей. Я помогаю Мике. Молча подходит Александр и начинает отворачивать скребком плитку за плиткой.

— Есть, нашел! — радостно кричит Мика. В руке у него плитка сланца со слабым отпечатком ракушек.

— Псевдомонотис якутика... Триас! — безапелляционно объявляет он и кидает плитку в кусты. — Обыкновенный сланец!

— Ну и что же?

— А ничего особенного! Просто хотелось установить период отложений.

— Вот сумасшедший! А я уже думал...

— Что же вы думали, товарищ начальник? Постойте-ка... — Мика наклоняется над скалой и смотрит на камни, будто обнюхивая их. — Сашка, лоток!

Александр осторожно моет, словно боится смыть даже невидимые признаки того, что мы ищем с такой настойчивостью. Мы склоняемся над ним и не отрываем глаз от лотка. Наши сердца бьются тревожно и громко. Последний всплеск лотка, и Александр выпрямляется с разочарованным видом.

— Ночевала тучка золотая на груди утеса-великана и... оставила для нас один след, — насмешливо говорит Мика. — Все равно, мы пойдем по следу.

— Да, мы пойдем по следу, — повторяю я.

Мы возвращаемся к лошадям и видим Данилу с большим белым камнем в руке. На нем вспыхивают еле заметные крупинки металла.

— Кварц! — вскрикиваю я и хватаю камень из руки Данилы.

— Где ты его взял?

— А вон на берегу, — беспечно машет рукой Данила.

— Сашка, лоток! — кричит Мика, и они оба мчатся к ручью.

Мы берем пробы, но... все пусто.

— Он должен быть здесь, здесь, здесь, — почти бессмысленно повторяет Мика. — Мы идем по его следу.

На одиннадцатой пробе Александр как-то приглушенно и хрипло вздыхает:

¹ Названия, относящиеся к периодизации геологической истории Земли.

— Есть! Вот он, смотрите!

На борту лотка поблескивают едва-едва заметные лепестки металла.

— Это всего-навсего след. Надо искать, где он скрывается, — и Мика ползает на коленях по гальке, разворачивает комки, выдирает корни трав и мха. Теперь мы действительно охотники, идущие по следу. Чувство времени исчезло. Нервы напряжены, и мозг напряженно работает: «Где же он, где?»

Мы не замечаем, что лошади разбрелись по тайге, что солнце уже ушло за сопки и вершины хребта погасли. Не замечаем, как подкралась прозрачная июньская ночь и на траве выступила роса. И только на миг, отрываясь от раздробленного кварца, я бросаю взгляд на Данилу: он лежит на боку и одной рукой нагребаёт в лоток гальку. Мика и Александр дружно работают молотками.

— Он должен быть здесь. Мы идем по его следу... — доносится до меня шепот Мики.

«А почему обязательно здесь? — вдруг появляется мысль. — А почему не там, не на другом берегу ключа? Почему?»

Мне приходят на память советы опытейших геологов Цареградского и Билибина: если признаки металла обнаружены в одном месте — он может быть и в другом, соседнем. Если след найден на левом берегу — искать металл и на правом — всюду, где может простираться металлоносная зона.

Я быстро перехожу ручей и начинаю ломать «щетку». На нее падает тень от сопки, и я ничего не вижу.

— Александр, иди-ка сюда с лотком.

Александр перебирается через ручей.

— Бери здесь. Попробуем...

И вот снова я, Мика и Данила замерли в ожидании. Зорко следим за всеми движениями Александра. Он вышел из тени и моет песок в ручье. Он моет так долго, словно никогда до сих пор не работал лотком. Вот он приподнялся и направился к нам. На лице его такое торжество, что у меня радостно замирает сердце.

— Вот он, начальник!

— Да, да, это он, — говорю я приглушенно.

— Он, он! — радостно кричит Мика.

...В третий кольцевой маршрут мы включаем несколько распадков и одно ущелье, из которого вырывается ледяной поток. После обработки распадков подходим к ущелью. Ущелье напоминает собой каньон.

— Вода, скалы, лед, камни! — ораторствует Мика. — Вы

не заслуживаете внимания, уважаемое ущелье. Разве только воды в потоке попробовать? — И Мика наклоняется над потоком. Вдруг он с восторженным криком плюхается в воду. Александр схватывает его за ноги и помогает выбраться. Захлебываясь, брызгая водой, Мика кричит:

— Там, там! Под водой, на дне! Да смотрите же, там!

Мы всматриваемся в прозрачную, словно хрустальную, глубину ручья. На дне — черные, свинцовые «щетки», пересеченные жилками кварца. А на черных «щетках» заманчиво мерцают самородки — тяжелые капли сверкающего металла.

Находка превзошла все наши ожидания. Мика и Александр шумят, как дети, и берутся в ручье, хотя оба промокли до нитки.

— Кто ищет, тот всегда найдет! Удивительное ущелье, — кричит Мика. — Мы назовем его «Ущельем неожиданности»...

Металл! Полноценный, весовой промышленный металл. Это хорошая награда за наши труды...

НА БЕЛОМ ПЯТНЕ

— Что-то я не верю твоим консервным баночкам. Вешаешь их, а толку... — И Мика пронзительно свистнул. Данила смущенно постукивает левой рукой по пустой банке, которую он вчера подвесил на дерево, а дерево затесал, чтобы заметить обратную дорогу к нашим лабазам. И вот мы снова у этого дерева.

— Ты что, сбился с дороги? — спрашиваю Данилу.

Данила мнется, но молчит.

— Ну, что же ты молчишь? Запутался?

— Запутался, однако!

— И здорово запутался?

— Совсем!

— Не было печали! Ты же здесь вырос, — мрачнеет Александр, не желая принять во внимание, что Данила вырос за четыреста километров отсюда.

Данила уже несколько дней назад потерял ориентировку и не знает, где мы сейчас находимся. На каждой стоянке он затесывал листовницы, вешал банки и тряпки, а все-таки сбился. Я не особенно удручен тем, что Данила потерял ориентировку. При наличии карт и горного компаса это не очень страшно. Но в то же время на нашу схематичную карту рассчитывать нельзя: ведь мы в районе неисследованных мест. Поэтому мы ходим

по «белому пятну», как ходят суда в море, ежедневно откладывая на свою полевую карту пройденный курс маршрута. Это прекрасно помогает разбираться в местности. Привычка ежедневно заносить курс на карту выработалась у меня давно. Работая на «белых пятнах», я не блуждал в тайге и всегда знал, где нахожусь в данный момент.

Я достаю горный компас, карту и начинаю определять наши координаты. Данила следит за моими манипуляциями, как замороженный. Он никак не может понять, почему колеблется магнитная стрелка, почему она показывает только на север. Объясняю ему устройство компаса и как надо пользоваться полевой картой.

Данила долго поглаживает ладонью по стеклу компаса.

— Ну, понял?

— Немножко.

— Понимай, понимай. Это необходимо знать будущему геологу.

На лице Данилы появляется блаженное выражение: понял, чувствую — понял! И мне также становится хорошо от того, что молодой и не искушенный в науках якут так настойчив в своем стремлении к знаниям.

Мы продвигаемся вверх по реке Перевальной. Лес постепенно редет и, наконец, исчезает совсем. Перед нами голая местность, покрытая белым оленьим мхом — ягелем. Ягель всюду: на камнях, в расщелинах, на возвышенностях. Мы — снова на плоскогорье Улахан-Чистай.

Ноги погружаются в мягкий, узорчатый ягель, идешь, словно по хрустящей тинойстой зыби. «Белое пятно» на карте и в действительности — огромное белое пространство, а впереди все так же безмолвно и величественно вздымается хребет Черского.

Навстречу нам движется густой лес из оленьих рогов. Несколько тысяч оленей — колхозное стадо — пасутся на Улахан-Чистае. Вокруг стада на оленях носятся пастухи. Они заметили нас и, обгоняя друг друга, мчатся навстречу. И снова, как в начале нашего пути, нам приходится выдерживать целый поток вопросов:

— Кто такие?

— Откуда?

— Как попали сюда?

Наш приход превращается в событие. Один из подростков прыгает на оленя и скачет вдоль стада. Стадо шарахается в сторону; олени сталкиваются рогами, издавая сухой треск.

— Куда это он?

— Сообщить всем о вашем приходе, — отвечает маленький черноглазый эвен.

В сопровождении пастухов мы переправляемся к небольшому увалу. У его подножья три конусообразные эвенские урасы. Нас встречает стая собак. Каждая из них прыгает на трех лапах: передняя левая лапа у каждой крепко подвязана к шее. Это для того, чтобы собаки не убегали далеко от урас и не пугали оленей. Мохнатые добродушные псы ластятся к нам.

Из урасы выходит эвен.

— Вот как хорошо! Ой, как хорошо! А я думал, забыли совсем. — Эвен трясет мою руку, и лицо его полно такой открытой радости, словно он встретил своих лучших друзей. Я уезжаю в эвене Ивана Слепцова, того самого, что был у нас два месяца назад на стоянке. Мы тогда забыли о приглашении навестить его в летнем жилище на Улахан-Чистае. Он же, оказывается, все время ожидал нас. Иван приглашает нашу компанию в свою урасу. Его ураса — легкое сооружение из длинных шестов, поставленных конусообразно и обтянутых ровдугой. Ровдуга — это выделанная оленья кожа. Она так плотна, что не промокает под любым дождем. Посредине урасы горит костер, над ним — большой котел и медный чайник. Вокруг костра разложены постели из оленьих шкур.

Жена Слепцова хлопочет над приготовлением обеда. На ней — легкая одежда из ровдуги и красивый, расшитый бисером передник. Она нанизывает на тонкие лучинки пресные лепешки и печет их на огне.

Слепцов достает из-под шкур низенький столик и несколько фарфоровых чашек. Он тщательно вытирает их вместо полотенца тонкой листовенничной стружкой и расставляет перед нами.

Мы рассаживаемся на оленьей шкуре вокруг стола и приступаем к чаепитию. В урасу входит сын Слепцова Петр, двадцатилетний юноша. Он учится в Якутске и приехал к отцу на каникулы. Петр здоровается с нами на чистейшем русском языке и садится возле отца. Они очень похожи друг на друга. Петр отвечает на наши вопросы толково и обстоятельно.

— Улахан-Чистай здесь делится на Екчан и Бухчан. На Бухчане живет около двухсот семей эвенов. Их снабжает Якут-пушнина. Оленьи стада бухчанских эвенов достигают десятка тысяч голов, — сообщает нам Петр.

— А жители Екчана?

— Эвенов, живущих на Екчане, снабжает Дальстрой. У екчанских эвенов тоже несколько тысяч оленей. Все эвены кочу-

ют на Улахане. Здесь очень богатое оленье пастбище. Улахан — высокое плоскогорье. Его все время обдувают ветры. Поэтому здесь мало оводов и комаров. Для оленей очень удобное место, очень....

Я невольно залюбовался молодым эвеном, который с любовью рассказывает о своем крае.

Петр учится на зоотехника. О своей будущей профессии он говорит со всем жаром молодости:

— Олени гибнут от эпидемий, от гололедицы, от недостатка кормов. Пастухи часто не умеют оказать самой простой помощи больному оленю. Сейчас по всей тайге создаются колхозы. Эвены кочевники сядут на землю. Скоро и мы, кочующие по Улахану, объединимся в колхоз. В нашем колхозе будет оленье стадо в двенадцать тысяч голов. Есть над чем поработать зоотехнику!

Отец снизу вверх смотрит на сына, и погасшая трубка дремлет в его руке. Мать стоит у костра, перебирая свой расшитый передник: она не понимает, о чем по-русски говорит ее сын, но тихая материнская нежность освещает ее лицо.

Петр рывком отдергивает оленью шкуру у дверей урасы. Перед нами снова открывается белый бескрайний ковер оленьего мха.

— Здесь хватит ягеля на сто тысяч оленей, — весело говорит Петр. — Я вижу будущее моего края. Ягель — такое же богатство, как и металл, только никто не обращает на него внимания. Но скоро обратят! Скоро на Улахане будет столько колхозных табунов, что оленьего мяса хватит для всех жителей Севера — и для тех, кто к нам приехал, и для тех, кто собирается ехать. И, кроме мяса, — молочные продукты и оленьи меха. Ведь это же... — Петр не заканчивает фразы и смотрит вперед так внимательно и долго, словно видит уже то, о чем говорит.

Мы с Петром выходим из урасы. Наши тяжелые сапоги мнут тонкие узоры мха. На плечах у Петра — расшитая бисером дошка из ровдуги — материнский подарок. Ворот сиреневой русской рубашки распахнут, на лбу — капельки пота.

Вечереет.

Волны заката заплескивают плоскогорье, и белый ягель погружается в розовый дым. Удивительно успокаивающе действует это сочетание белого с розовым.

— Мои предки жили охотой и разводили оленей. Мой отец и сейчас — знаменитый охотник по всему Улахану. Бьет на выбор: барана — под левую лопатку, белку — в глаз.

— А ты?

— Ну, какой я охотник! Побродяжить с берданкой люблю. Сказать правду, мне жалко, как быстро исчезает горный баран. Его истребляют скорее, чем он плодится. Знаете, — Петр останавливается и доверительно касается моего плеча, — я думаю одомашнить горного барана. Разве это нельзя? Об этом просто никто не думал.

Я откровенно признаюсь Петру, что мысль о приручении горных баранов мне также не приходила в голову.

— Ну, вы — другое дело! Вы болеете своей мечтой...

Он сказал это «болеете» так проникновенно и хорошо, что я сразу понял: он тоже болеет своей мечтой.

— Я не знаю, чего больше в горном баране: глупости или любопытства. По-моему — любопытства. Очень любопытен, очень! А наши охотники этим пользуются. Хотите пойти на охоту за баранами? — неожиданно предлагает он. — На ночную охоту! Интересно!

Поздно ночью Петр, Мика и я отправляемся на охоту.

Мы идем мимо оленьих стад. Олени лежат на ягеле, их рога перепутаны, как заросли чернотала. Лохматые псы подбегают к нам и громко лают, вскидывая оскаленные морды.

Мы движемся к хребту Черского, освещенному белой ночью. Вот кончается плоскогорье, и над нами — гранитные гольцы, обросшие ягелем. Входим в тень гольцов, но из тени их вершины становятся еще более яркими. Все видно так, словно расстояние между нами и вершинами гольцов не более нескольких метров.

Мы поднимаемся на гонец с раздвоенной вершиной. В седловине Петр останавливается и шепчет:

— Посидим здесь. Я давно заметил здесь стадо баранов. Они придут попастись. Только, пожалуйста, тише...

Мы сидим на гранитной глыбе и ждем. Проходят часы томительного ожидания. Вот уже вспыхнули вершины гольца, и струйки рассвета пробегают по ягелю. Меня клонит в сон, я устало мигаю, преодолевая себя. На мое плечо опускается чья-то рука.

— Появились, — слышится голос Петра.

На левой вершине гольца — три черных силуэта. Бараны стоят, как высеченные из камня, алые пятна зари мелькают по ним.

— Их погубит любопытство. Сидите, не шевелясь. Я пригону их к вам, — все так же шепотом говорит Петр. Он закрывается дошкой и начинает ползти на вершину гольца с проти-

воположной стороны от баранов. На ходу он то прыгает, то замирает, то снова прыгает.

Появляется еще четыре барана, они выстраиваются в ряд, и все семеро поворачивают головы в сторону непонятного. Петр приседает на корточки, дошка закрывает его голову, он становится неподвижен, как камень. Потом приподнимается и начинает раскачиваться из стороны в сторону. Передний баран пятается, пятаются и остальные. Петр двигается с места, бараны, как зачарованные, не спускают с него глаз и все пятаются к нам. Непреодолимое любопытство к неизвестному и осторожность перед ним борются в животных. Они видят перед собой такое, чего не могут понять, и это возбуждает в них любопытство. Бараны приближаются к нам на выстрел. Изредка я поглядываю на Мiku. Так и есть. Он весь — охотничья страсть. Ничего другого не выражает сейчас его доброе мальчишеское лицо. Он медленно, словно тяжесть, поднимает винчестер, каждая жилка на его лице набухла, глаза горят лихорадочным блеском. Очевидно, его настроение передается и мне. Я тоже чувствую, как пальцы судорожно сжимают бердану. Начинаю целиться под левую лопатку ближнего барана.

— Бери на мушку второго! Второго, — шипит Мика.

Я перевожу бердану на второго барана. Два выстрела оглушают меня. И в то же время раздается третий выстрел Петра. Срываясь и перекидываясь по склону, два барана падают к нам в седловину. Остальные? Их будто сдуло с вершины!

— Пуля послана верной рукой, — торжествует Мика. — Что касается вас, — ядовито говорит он мне, — то советую заглядывать в тир. Там — неподвижные мишени.

Кольца маршрутов смыкаются одно за другим. Они образовали на карте сложный узор. Мы покрыли круговыми маршрутами большую половину плоскогорья. Конец июля застает нас в долине реки Улахан-Нагаина.

Неожиданно резко изменяется погода. Сначала дует холодный ветер, нагоняющий с вершин Черского тяжелые тучи. Он дует с невероятной силой двое суток подряд. Над плоскогорьем летят клочья ягеля, вырванные комья земли. Оленьи стада, как волны, раскачиваются из стороны в сторону. Ветер срывает нашу палатку, и мы с трудом удерживаем шелкающее по воздуху полотно.

Двое суток мы сидим без костра. Разводить его на таком ветру бесполезно. Продрогли так основательно, что даже жиз-

нерадостный Мика чувствует себя плохо. Сначала мы решаем перебраться к Ивану Слепцову и укрыться в его уресе, но потом отказываемся от этой мысли. Мы на большом расстоянии от эвенских жилищ, не хочется тратить время.

На третий сутки ветер немного затихает, и только тучи табунами летят над плоскогорьем.

— Ветер уgomонился, теперь не страшно, — радуется Мика.

— Снег будет, — замечает Данила.

И действительно, через полчаса разражается настоящая пурга. Это даже для Севера — редкое явление.

Снег скоро растаял, но мы еще долго вспоминаем ошеломившую нас июльскую снежную бурю.

Мика, перекинув винчестер через плечо, отправляется на охоту.

Александр и Данила занимаются починкой нашего походного хозяйства.

Через час возвращается Мика в сопровождении охотника эвена.

Во время чаепития расспрашиваю гостя о том, как и где легче попасть на вершину реки Рассохи.

Старый охотник качает головой и говорит:

— Оленья тропа есть, лошадиной нет.

Но мы не можем оставить груз. Надо использовать эту единственную тропку.

Эвен снова задумчиво качает головой, потом показывает на пальцах:

— Первым и вторым распадком спускаться нельзя, не пройдем. — Старик делает страшное лицо. — Дороги нет. Плохо, плохо...

— А вот на третьем, — на лице старика появляется уверенность, — там есть летняя маленькая оленья тропинка... — И он показывает нам на распадки, еле заметные с водораздела.

Медленно движемся по краю плоскогорья. Вот и первый распадок, указанный охотником. Миновали и второй. Через некоторое время я уверенно поворачиваю лошадь в третий распадок, и начинается спуск по еле заметной тропе. Спуск очень крутой, но лошади благополучно съезжают вниз, и мы оказываемся в узкой горной долине. Быстро делаю глазомерную съемку и определяю высоту. Мы на высоте полутора тысяч метров над уровнем моря.

— Приятная долина, — говорит Мика. — Здесь и солнца много, и ветра нет, и мухи не кусают...

— По этой долине мы спустимся к реке Рассохе, — уверен-

но говорю я, беру лошадь за повод и иду в голове нашего маленького отряда.

Долина резко сужается. Между обрывистыми склонами сопки не больше трех—четырёх метров. Мы идем словно в туннеле. Запах сырости и плесени неприятно щекочет ноздри. Я останавливаю лошадь, останавливаются и мои спутники.

— Подождите-ка, я схожу на разведку...

— Пойдем, Петр, — говорит Мика, хотя я его и не приглашал.

Мы прошли метров пятьдесят и... невольно попятились.

Мурашки пробежали по телу.

Впереди, словно с высоты птичьего полета, открылась панорама незнакомой долины, а под ногами — отвесный обрыв метров на триста. Мы продолжаем инстинктивно пятиться назад от пропасти, и лишь когда отходим от нее на почтительное расстояние, Мика глубоко и облегченно вздыхает:

— Вот так ловушка! Местечко для самоубийц! Висячая долина!

Гранитные стены висячей долины уходят в пропасть. В расщелине, на левой стене, безмятежно зацепился и цветет кустик кипрея. Далеко внизу прихотливо изгибается река. Вся долина заросла лиственницей, тальником. Неровная линия горной цепи замыкает ее на горизонте.

Мы поворачиваем назад. Только к вечеру находим выход из висячей долины-ловушки и оказываемся на том самом месте, откуда начали спуск.

В конце концов обнаруживаем третий распадок и по крутой, узкой оленьей тропе, ежеминутно рискуя сорваться с нее, осторожно спускаемся в бассейн реки Рассохи. Мы в той самой долине, которую рассматривали с «птичьей высоты».

Ночуем у реки, где с трудом нашли траву.

Незаметно летит время. И вот уже август.

Созрела и начинает осыпаться голубика. Дозревает брусника. Появились грибы — лакомство оленей. Начинают желтеть гроздья шишек на стланике. Ерник, тополь и тальник одеваются в цвета осени. Кончается короткое северное лето.

Мы работаем почти без отдыха, чтобы успеть обследовать и обработать «белое пятно» на плоскогорье Улахан-Чистай, пока не скуют эту землю морозы.

По верховьям реки Рассохи мы дошли уже вниз до площади, раньше заснятой нашей экспедицией.

Теперь задача — попасть к истокам Омудевки и оттуда снова выйти в верховья Неры, на Улахан-Чистай. Этим кольцевым маршрутом мы свяжем верховья трех рек и выполним свое задание. Маршрут этот необходимо пройти за сутки, так как здесь нет корма для лошадей. Кругом один ягель.

Останавливаемся на ночевку там, где растет немного травы.

С вечера Данила и Александр, готовясь к новому маршруту, внимательно проверяют у всех лошадей подковы.

Нам предстоит тяжелый переход по бездорожью к долине реки Омудевки, а оттуда через перевал к бассейну реки Неры...

Через несколько дней выходим к эвенскому поселку Бухчан. Наше появление в Бухчане было неожиданностью. Но еще большей неожиданностью для нас самих была встреча с группой советских работников. В походных палатках разместилась небольшая, но своеобразная экспедиция. Здесь были секретарь Среднеканского райисполкома, доктор, торговый агент и учительница.

Встреча — самая душевная, разговоры — самые разнообразные, настроение — самое отличное. Все мы пришли сюда с различными заданиями, но у нас одна, общая цель. Вот почему доктор интересуется нашими коллекциями, секретарь — перспективами оленеводства на Улахан-Чистае, учительница — нашими походами. А мы в свою очередь узнаем от них все, что они сделали и предполагают сделать.

Секретарь райисполкома, красивый, черноглазый, с увлечением рассказывает о строительстве эвенского колхоза на Бухчане:

— Командирован для организации колхоза. Ведь это же совершенно новое дело — построить колхоз для кочевников. Люди никогда не жили в домах, не спали на кроватях, не слышали радио. Нужно ввести их в круг новой жизни. Приказы тут не помогут. Слова? Когда за словом следуют реальные меры наших советских людей, успех обеспечен во всем. Вы понимаете, — секретарь сдвинул свои руки полукольцом, словно обхватывая воздух, — мы атакуем тайгу со всех сторон. Мы помогаем строить в тайге счастливую жизнь, они, — он повел обеими руками в сторону доктора и учительницы, — прививают вкус к знаниям и культуре. Со всех концов мы атакуем тайгу! — повторил он понравившееся ему слово.

— И со всех позиций, — заметил врач, — с материальных, с культурных, с идеологических.

— Я в тайге, правда, не очень давно. Когда посылали работать на Север, я упирался, — секретарь протянул ладони вперед, — не хотел! Думал, позабуду все, чему учился. Чепуха! Здесь идет такая же большая стройка. Наш район все менее и менее оторван от центра. А газеты, книги нам уже сейчас регулярно доставляют. Все последние новости по радио слушаю. Я не оторвался от жизни, я вошел в жизнь. Да еще в такую, о какой имел представление только по книгам. Я не отстал. Нет! Наоборот, поднимаюсь со ступеньки на ступеньку, — секретарь опрокинул руки вниз и покачал ими, словно поднимался по лестнице. — Вот так! Вот такие, они, мой брат, прыжки. — И он широко размахнул руками.

— А вы тоже недавно на Севере? — спросил я учительницу. Седенькая, худенькая, очень усталая, она казалась далекой от таежной жизни.

— Я-то? — спросила учительница и улыбнулась. — Я на Севере — двадцатый год. Сразу после революции приехала ненадолго, да так и осталась в тайге. Решила вот использовать летние каникулы и езжу по стойбищам, выявляю неграмотных. Заодно переписываю ребятишек, — скромно и как-то застенчиво сообщает она.

Старая женщина с гордостью говорит о том, что ее воспитанники работают геологами, инженерами, руководителями предприятий. Как волны, прошли перед нею юные поколения. Они ушли из ее жизни, но не забыли ее.

— Вот Васенок Слепцов, — вспоминает она, — каждый раз, когда где-нибудь в наших краях, обязательно письмишко сбросит. Привет посылает. Летчиком стал. Далеко летает. Пишет: «Жаль, нет времени, побывал бы у вас. Брусники бы у вас моченой чашечку съел». — И учительница смеется всеми бесчисленными морщинками на добром лице.

— А Ванюшка Петров, тот радиogramму с мыса Дежнева прислал. Справляется о здоровье. Пишет, что мечтает с нами по радио поговорить. «Я бы, Надежда Ивановна, хоть бы на расстоянии с вами поболтал». Смешной такой. Уже совсем, взрослый.

Кажется, будто она говорит о своих родных детях. Она расстегивает ватную куртку, чтобы вынуть платок. И я замечаю орден у нее на груди.

В полдень в Бухчан приезжает охотник эвен. От него мы узнаем неожиданную новость: за перевалом, километрах в семи-десяти отсюда, на реке Берелех, работает партия геологов.

— Начальник партии — женщина, — сообщает эвен.

Мы до сих пор думали, что в одиночестве работаем на Улахан-Чистае. Кто же это может быть? Оставляю Александра и Данилу отдыхать в Бухчане и отправляюсь с Микой на поиски.

— А я-то думал, что здесь, кроме нас, никого нет! — сокрушается по дороге Мика.

— Ну, ну, не жадничай! На нашу долю тоже хватит. Радоваться надо, что здесь, кроме нас с тобой, люди работают. Скорее «белое пятно» сотрем.

Больше суток проездили мы по широкой долине Берелеха в поисках партии. И только в полдень следующего дня Мика заметил тонкий столбик дыма в одном из распадков.

С трудом переправившись через бурную горную речку, мы выходим к белой палатке. У ярко пылающего костра молодая худощавая женщина склонилась над картой и что-то тщательно зарисовывает. Наше появление для нее неожиданно. На хмуром лице — настороженность. Но мы сразу рассеиваем ее подозрения.

— Геологи Галченко и Асеев. А вы?

— Ксения Шахворстова — начальник полевой партии Северного горного управления. Вы что, с неба свалились? — с любопытством спрашивает она.

— Нет, с Улахан-Чистая, — в тон ей отвечает Мика.

— Ну, вот и чудесно, — Шахворстова уже с уважением оглядывает нас. — Теперь у нас получается единая, связанная карта от реки Берелеха до Индигирки. А если объединить наши работы и связать их с работой Христофора Калугина, то совсем не будет «белых пятен»...

— Какого Христофора Калугина?

— Это мой сосед — геолог. Он покрывает съемкой среднюю часть бассейна реки Берелеха. Мы весновали рядом. Он сделал ряд чудесных открытий. Один Мальдык чего стоит! Душа радуется, когда узнаю о его работе... Вот у нас слабовато. Но когда всю площадь обработаем, обязательно что-нибудь откроем!

И она улыбается на этот раз так тепло, что мы с Микой тоже начинаем улыбаться.

Я быстро замечаю, что в партии крепкая дисциплина, что

маленькая, сухощавая, никогда не повышающая голоса начальница умеет заставить себе повиноваться.

Из обстоятельной беседы с Шахворстовой перед нами ясно предстает цельная картина наступления советских исследователей на Дальний Север.

Полевые партии нашей экспедиции атакуют малодоступную центральную часть хребта с севера. Партии горных управлений Дальстроя наступают с юга. И результаты наших открытий блестяще подтверждают высказывания Билибина и Цареградского о широкой золотоносной зоне, простирающейся вдоль гранитных массивов хребта Черского.

Шахворстова рассказывает нам о своих прошлогодних открытиях на реке Хатыннахе, о работах ее приятельницы геолога Фаины Рабинович, открывшей богатейшее месторождение «Штурмовой», где уже организовано Северное горное управление Дальстроя. Для нас это неожиданная и приятная новость.

— Через месяц я свертываю свои работы и возвращаюсь в бухту Нагаева... А вы? — спрашивает она.

— Мы еще пробудем до конца сентября. Нам надо покончить с «белым пятном» на Улахан-Чистае.

— Тогда я поделюсь с вами продуктами. У меня — излишек...

Мы охотно принимаем великодушную помощь и возвращаемся в Бухчан, обвешанные мешками и сумками.

— Энергичная женщина! — восхищается Мика, вспоминая Шахворстову. — Чуткая, умная, ну, словом — душа человек!.. Вот только худенькая больно.

ПО СЛЕДАМ ЧЕРСКОГО

Мы продолжаем свою работу, покрывая Улахан последними кольцами маршрутов. Уже давно покинули плоскогорье эвены. Они откочевали в соседнюю долину. Незаметно подошла осень, горные вершины припорошил первый снег, а нам все не хочется уходить от хребта Черского. Но, кажется, пора убираться подобру-поздорову.

Направляю Мiku и Данилу к лабазам за коллекциями и остатками наших продуктов.

Стоят последние неповторимые дни северной осени. Лиственницы словно выкованы из золота, и от них исходит тихое сияние. Долины и распадки — будто в лиловых, лимонных, баг-

ровых мазках. Днем становится холодно, а по ночам у берегов ключей появляются первые ледяные узоры. С минуты на минуту надо ждать морозов, их приближение чувствуется в каждом стебле травы, в каждой веточке стланика.

Начинается перелет гусей с севера на юг. Пролетают стайки уток — тоже на юг. Мы стремимся полностью использовать последние погожие дни: с утра до вечера в маршрутах.

Нашли еще несколько ключей явно промышленного значения. Намечаю места для будущих шурфовочных линий. У меня скопилось солидное количество необработанных материалов, и я привожу их в порядок. Ежедневно делаю записи в дневнике и промывочном журнале.

Александр с энтузиазмом моет лотком золото для ситового анализа.

Наконец вернулись Мика и Данила с коллекциями и продуктами.

— Медведи больше не подходили к лабазам? — осведомляется Александр.

— Мертвые не возвращаются, — мрачно произносит Мика.

На следующий день отправляемся в последний, завершающий маршрут по плоскогорью. Кончились погожие дни. По плоскогорью дует пронзительный ветер. Идет дождь вперемешку со снегом. Сопки в белесой сырой мгле. Проходим мимо кочевья нашего приятеля — эвена Слепцова. Оно пустынно, только следы очагов, палки от урас да обрывки одежды напоминают о том, что здесь недавно было человеческое жилье.

Проводим последнюю ночь на плоскогорье. Уныло, непрерывно сыплет дождь, ветер щелкает полотном палатки, на дворе темень. Но жарко горит железная печь — у нас тепло и сухо.

Крепко увязаны коллекции, собрано и упаковано все, что необходимо нам для дальнейшего путешествия к бухте Нагаева. Данила и Александр ремонтируют седла, сшивают ремни, латают потники. Мика лежит на оленьей шкуре и что-то бормочет себе под нос. Сквозь непрерывную сетку дождя с вершины перевала долго смотрим на линию хребта, уходящую к северо-западу. «Белое пятно» уже наполовину исчезло с географической карты Союза.

Продолжаем работы вниз по реке Нере. Здесь осенью 1891 года прошел Черский. Он пересек плоскогорье Улахан-Чистай и спустился к реке Моме. Во время своей работы мы несколько раз пересекали маршрут Черского и сейчас ведем съемку прямо по его следам. На реке Нере в одной из «щелок» Александр неожиданно вымыл самородок золота до грамма весом.

— Смотрите, Черский здесь проходил, что говорится, по золоту, — укоризненно качает головой Мика.

— Золотом Черский меньше всего интересовался, — возражаю я. — Он решал большие, чисто геологические и геоморфологические вопросы о строении Сибири и ее северо-востока. Не помешай ему смерть, он бы их блестяще решил...

Но радость Мики преждевременная. Сколько мы ни берем проб на этом месте, они или пустые или с ничтожными значками. Загадка была разрешена последующими работами. Это был вынос небольшого ручья Тунгусского, где впоследствии обнаружили рудное месторождение с формирующейся россыпью. А на маленький ручей мы не обратили внимания.

Подходим к устью ручья, сплошь заросшего высокой травой. Располагаемся на ночлег, выбрав сухое место, под большими тополями, на которых сплошные затесы.

«Ручей Кыгыл», — читаю я на одном из них. Кыгыл — якутски «красный». Гора против ручья, действительно, покрыта красноватыми осыпями.

— Смотрите-ка, кто здесь побывал? — кричит Мика, рассматривая заплывший полустертый затес.

— Это Черского надпись! Опять синим карандашом, как на Зырянке, и дата чуть видна!

Сомнения нет, видимо, здесь, у хороших кормов, ночевал караван Черского. Обрабатываем реку Неру почти до устья и возвращаемся обратно.

Рано утром солнце еле освещает вершины сопки, над ключом дымится туман, ухо улавливает треск сухих веточек. Кто-то осторожно и неуверенно приближается к палатке. Нет, это не лошадь, не слышно шорохов, характерных для пасущихся на траве лошадей. Шаги мягкие: приближается человек или зверь.

Александр моментально вскакивает и хватается за ружье. Через минуту к нам подходит мокрый от росы человек.

— Кто такой? — спрашивает его настороженно Александр.

— Я из геодзической партии Михеева. Мы на ключе Кыгыл стоим. Как увидел наш начальник ваш затес да узнал, что вы там были, обрадовался страшно! «Иван, — кричит, — иди по лошадиным следам и, смотри, найди их. Без начальника партии не возвращайся ко мне», — рассказывает пришедший.

— А записку послал с тобой?

— «Некогда, — говорит, — писать, надо наблюдения вести... Ищи скорей их». И вот я всю ночь лазил по кустам, по следам разыскивал вас. Еле-еле нашел.

— Твое счастье, что мы сюда вернулись. А то бы ты, браток, нас долго искал, — смеется Александр.

— Зачем же чужой начальник вам так понадобился? — спрашиваю я.

— Несчастья сплошные с нашей партией. У нас начальник какой-то чудаковатый. Все больше в трубу наблюдает да с приборами возится, а чтобы по хозяйству — ни, ни! Лошади еле живые, кожа да кости остались. Груз партии на плотках сплавляли, плот разбило, все утонуло. Три дня искали. Чуть-чуть не утонули сами. Ничего не нашли. Палатку позавчера случайно сожгли. Сейчас живем полуголодные, и вообще дела совсем дрянь. Пожалуйста, пошли к нам. Это совсем не далеко, — неуверенно просит пришелец. — До ключа Красного километра четыре.

Подходим к ключу. Нас встречает заросший до ушей, закопченный, но веселый, неунывающий человек.

— Начальник геодезической партии Михеев, — рекомендуется он. И широким хлебосольным жестом приглашает нас к жалким обгорелым остаткам палатки, натянутой на куст и прикрывающей геодезические приборы.

По бокам Михеева с ветками стланика стоят два человека и деловито отгоняют от него комаров. Михеев ведет наблюдения за звездой. С помощью своего приемника он ловит сигналы точного времени Гринвичской и Пулковской обсерваторий и определяет координаты астропункта.

— Вот черт, заели комары, — говорит он, отрываясь от наблюдений. — Рад, очень рад познакомиться. Между прочим, я уже давно встречаюсь с вашими затесами. И это третий астропункт, определенный мною на территории ваших работ.

— А нашего лабаза вы не видели? — спрашиваю я Михеева.

— Нет, не заметил. А мы уже давно нуждаемся в продуктах. Продукты нам были бы очень кстати, — вздыхает он и, махнув рукой, продолжает: — Мне вообще как-то не везет в тайге, все какие-нибудь приключения.

Я советую Михееву сшить из простыней и накомарников небольшую палатку, обещаю поделиться продуктами и даю копию своей карты, чтобы ему легче было ориентироваться и найти лабаз. Попутно прошу определить мне еще один астропункт на территории наших работ. Тогда наша глазомерная карта будет иметь жесткую основу из четырех астропунктов и с ней не приключится такой казус, как с картой Колымо-Индибирского края, составленной частично на основании расспросной карты Черского, где река Колыма была показана на триста километ-

ров дальше от Охотского побережья, чем в действительности, и значительно короче.

Михеев соглашается со мной.

— Определию еще несколько астропунктов, хоть и задержусь в тайге. Только бы не захватил снег и не сдохли бы мои лошади. Да... вот еще задача: найти лабаз, — рассуждает он вслух.

— Мы не советуем вам забираться далеко в тайгу, а в особенности задерживаться до глубокой осени на Улахане, — говорю я. — Тайга всегда наказывает за легкомыслие.

Михеев делает таинственное лицо и почти шепотом, хитро подмигнув, говорит:

— А мы тоже не лыком шиты, тоже кое-где пробы берем, вам помогаем. Вон у меня Иван какой лоток сделал. Чудо! Вчера Иван на сопке местечко такое приметил — блестит на солнце всюю. Не поленился, слазил, приволок земли полный мешок. И намыл пробу. Закачаешься! Сейчас покажу.

Он вынимает из своей полевой сумки солидный капсюль.

— Да, металл, — разводит руками Мика. И неожиданно дует на пробу. Тонкие лепестки разлетаются по воздуху.

— Ведь это слюда!

— А, сукин сын, мозги мне крутил сколько дней, с лотком возился, пробы брал. Я тебя от основной работы освободил. Думаю — польза... Геологам помогаем, — громко кричит Михеев, наступая на своего незадачливого лотошника. — Баста! Больше никаких проб, заниматься своей работой. А в лотке будешь только тесто для лепешек месить.

Мне не приходилось больше встречаться с геодезистом, но зимой в Москве, когда мы получили предварительные координаты определенных им астропунктов и начали увязывать нашу карту, она никак не укладывалась между астропунктами. Неувязка была примерно в 15—20 километров, и я, вспомнив, при каких условиях определялись астропункты, вторично запросил Михеева. Вскоре получил от него точные координаты, и карта сразу легко увязалась с астропунктами.

Через год мне еще раз пришлось услышать о Михееве. В газетной заметке сообщалось, что партия, руководимая геодезистом Михеевым, не вернулась с полевой работы. На ее розыски был выслан самолет. Самолет обнаружил геодезистов и сбросил им теплую одежду и продукты. Сразу же был послан олений транспорт, который с большим трудом вывез партию Михеева из тайги. Весь состав партии сильно обморозился.

Михеев, как обычно, увлекся работой и запоздал с возвращением. Это едва не стоило ему жизни.

В БУХТУ НАГАЕВА

Мы идем вниз по реке Берелеху. Здесь еще нет снега, но вся широкая долина реки замерзла в ожидании первых морозов. Встречаем две якутские юрты. Их хозяин — якут Михаил Дягилев угощает нас молоком, свежим маслом с лепешками, варит для нас мясо и за обедом сообщает о местах, где весновали две полевые партии геологов.

— Христофор Калугин со своими ребятами недавно ушел в поселок Таскан. Он спустился на плотах до Колымы.

Утром, когда мы собрались к отъезду, меня отводит в сторону Данила. Долго и смущенно мнется, потом почти шепотом выкладывает свою просьбу:

— Я, начальник, немножко совсем-совсем заблудился. Мне теперь дорогу на реку Колыму не найти, однако...

— Не бойся, Данила.

Я договариваюсь с Дягилевым, и он берется проводить Данилу в Кыгыл-Балыхтах, когда тот возвратится с Таскана.

— Вот спасибо, однако! — благодарит смущенный Данила.

Тропа извивается по берегу реки. Мы проходим мимо весновки геологической партии Христофора Калугина и оказываемся в устье реки, впадающей в Берелех. Перед нами возникает массивный силуэт горы Морджот. У подножья Морджота встречаем рабочих из партии Калугина. Их он оставил для охраны продуктов и снаряжения, которые не смог захватить с собой в бухту Нагаева.

— Христофор только позавчера ушел, вы его догоните в Таскане, — уверяют рабочие.

Наш путь — вверх по реке, через хребет, на реку Мылгу — приток Таскана. При переходе через водораздел чуть-чуть не теряем оленью тропу в осыпях перевала. Тропу разыскивает Данила по не заметным для глаза следам человеческих ног, чуть потревоживших осыпи мелкой щебенки, да по примятому агелю.

Северная осень дарит нам на прощанье еще несколько веселых солнечных дней.

На Таскане прекрасные сенокосные угодья. Просторная долина, покрытая островками деревьев и кустарником, напоминает родной среднерусский пейзаж.

Лошади весело идут по тропе, взмахивая головами. Бодро шагаем и мы.

Поселок Таскан. Новые, только что срубленные дома пахнут смолой. В эти здания на постоянную, оседлую жизнь уже

переезжают якуты с соседних кочевий. Поселок строится добротно, с перспективой на будущее.

Здесь нам сообщают, что недели две тому назад вниз по Таскану на плоту проплыла экспедиционная партия Юрия Трушкова. Мы возвращаемся последними.

На берегу быстрого Таскана оживленно: стучат топоры, свистят пилы.

Высокий молодой человек энергично руководит постройкой плота. На нем болотные сапоги, распахнутая телогрейка, из-под которой синее ворот рубашки. В зубах дымится крепко стиснутая трубка. Он сочным молодым голосом отдает распоряжения. Чувствуется слаженность, сработанность. Заметив нас, начальник вынимает трубку изо рта и шагает к нам.

— Христофор Калугин — геолог...

Весь вечер мы просидели с ним. Христофор рассказывает о своих летних приключениях, об охоте и геологических открытиях в тайге.

Мои сообщения о результатах работ в районе Улахан-Чистая он принимает с восторгом.

— Это отлично! Отлично! — растягивает он, то выхватывая трубку изо рта, то снова стискивая ее в зубах.

Давно за полночь, а мы все сидим около чуть тлеющего костра.

— Ну, пора на боковую! Пошли, Мика, в отведенную нам квартиру, — говорю я, вставая.

— Красота! Наконец-то мы будем ночевать под крышей и даже на кровати! — довольно щурится Мика, сбрасывая на деревянную койку вьюк с одеялом и подушкой. — Молодец председатель колхоза, сочувствует таежникам, какую квартиру для ночлега нам отвел.

— Грязновато только! Видно, хозяйки, переселившиеся из юрты, еще не привыкли мыть полы, — делает заключение Егоров.

Я долго не могу заснуть в непривычной обстановке. Мои спутники тоже не спят и жалуются на духоту. Меня охватывает радостное чувство: благополучно окончен тяжелый маршрут. В памяти всплывают отдельные эпизоды нашего длинного пути. С мыслью о скором возвращении в Нагаево, о встрече с Наташей я засыпаю крепким сном.

Проснувшись, я не чувствую привычной утренней бодрости, которая бывает у человека, отдохнувшего на свежем воздухе, и в недоумении смотрю на бревенчатые стены.

— Фу, как душно! — ворчит Мика. — Совсем не выспался!

Хватит, сегодня же ставлю свою испытанную палатку и ночую на свежем воздухе.

— Я же говорил насчет палатки, так поленились. «Под крышей будем ночевать», — одеваясь, недовольно бурчит Александр.

— В палатке учигей утуй¹, — поддерживает его Данила.

* * *

Вместе с Христофором решили на плотах плыть по Таскану к Колыме.

Грустно мы прощаемся с Данилой. Ему предстоит большой и трудный путь обратно домой. Надо пройти с лошадьми почти восемьсот километров одному по снегу и бездорожью.

Я крепко сжимаю руку нашего комсомольца-проводника и торопливо избегаю на плот. Данила стоит на берегу, прижимаясь плечом к лошади. Он поднял руку и машет нам вслед.

— Данила, Данила! — надрывается Мика. — До свиданья, Данила!

Александр сорвал с себя шапку и молча машет ею, прощаясь со своим другом.

Плот стремительно скользит вниз по реке. Река Таскан — один из красивейших притоков Колымы. Густо заросшие тополями и тальником берега и острова очень живописны. Сейчас они в тихом пламени осеннего увядания. Обширные пространства удобной земли наводят на мысль о земледелии. Агрономическая база для будущих предприятий и приисков! И, как бы подтверждая эту мысль, на берегу реки появляется новенький поселок.

Это Эльген — центр недавно организованного совхоза.

Причаливаем к берегу и идем в поселок. Совхоз строится с размахом. Молочные фермы, свинарники, парники для выращивания огурцов и помидоров. На грядах еще белеют кочаны капусты. Уже этой осенью совхоз отправил на прииски сотни тонн капусты, картофеля, редиса. Посевная площадь и животноводческие фермы совхоза с каждым годом будут расти.

Агроном угощает нас свежими овощами и горячо рассказывает об огромных возможностях совхоза.

От Эльгена до устья Таскана несколько десятков километров. Вдалеке виднеется горная цепь на правом берегу Колымы. Тихо и спокойно вливает Таскан свои воды в великую се-

верную реку. После узких ущелий и горных вершин как-то по-особому просторно на Колыме. Наши плоты выносит на середину, и мы плывем, покачиваясь на волнах. Давно ли была пустынной северная река. А вот сейчас нас обогнал катер. Высоко над нами пролетел самолет, за ним второй. Рокот моторов гулко отдается в горах.

Мы причаливаем около поселка Утиный. Не успеваем выгрузить свои коллекции и вещи, как снизу показывается парокhod. Небольшой двухколесный буксир, быстро шлепая колесами, приближается к поселку.

— Наверное, из Зырянки и наши экспедиционники едут на нем, — высказывает предположение Мика, стараясь рассмотреть пассажиров.

— Ну, так есть!

— Вон Вася Зимин, а рядом с ним...

— Ну, конечно, Вера и Наташа!

Пароход причаливает. Быстро сходят с вещами пассажиры, среди них и Вера с Наташей. В своих полевых мужских костюмах они похожи на стройных подростков.

Загорелые, оживленные, они радостно здороваются с нами.

— Кеша!.. Иннокентий Иванович, — чуть смутившись, поправляется Наташа. Я вижу только ее сияющие голубые глаза и неожиданно для нас обоих обнимаю Наташу и крепко целую.

— Вот неожиданная встреча! А мы думали, что вы уже в бухте Нагаева! — говорим мы радостно, перебивая друг друга.

— Наташа, мы можем сообщить вам радостную новость: от моря до Утиной закончена трасса, завтра придут первые автомашины, и они нас моментально доставят до бухты Нагаева...

Мы помогаем девушкам выгрузить с парохода их походное имущество.

Мика безропотно таскает тяжелые ящики с образцами.

— Нет, на Мику страшно смотреть, — смеясь говорит Вера, — в этой драной шинели с огромным поясом у него вид разбойника с большой дороги.

— А я очень беспокоилась о судьбе вашей партии, — говорит мне Наташа, — почти полгода от вас не было никаких известий. Я уже все передумала, в голову лезли всякие страхи. Сейчас я так рада видеть вас всех целыми и невредимыми! Теперь мы вместе, не расставаясь, поедем до самой Москвы! — шепчет Наташа, смущенно улыбаясь.

Я смотрю на нее во все глаза и не могу наглядеться.

На следующий день приходят машины. Они привезли муку

¹ Учигей утуй — хорошо спать.

и масло, бензин и взрывчатку, электромоторы и лебедки, телегрейки и сапоги, словом, самые различные грузы для горняков.

Отсюда все это пойдет на пароходах и катерах вверх и вниз по реке, а затем на лошадях и оленях в глубь тайги.

Мы рассаживаемся по машинам непривычно тихо, без смеха и шуток. Я смотрю на взволнованные лица ребят. Всего три года назад мы шли здесь через девственную тайгу, через нехоженные перевалы, по безлюдным долинам. А теперь!..

Новое, широкое шоссе то взлетает на вершины водоразделов, то осторожно извивается у прижимов, то стремительно рассекает лесные долины.

— Помнишь? — трогает меня за плечо Наташа, она незаметно перешла на «ты». — Помнишь, как мы во время паводка переправлялись вот здесь через реку? Чуть-чуть не утонули.

Машина гремит по добротному мосту через реку, с которой у нас старые счеты. Мика поворачивается к ней и грозит кулаком.

— Укrotили, брат, укrotили!

— А помните?.. А давно ли?.. А три года назад! — Эти восклицания не смолкают.

Промелькнула Атка — поселок с большими складами, гаражами, каменными двухэтажными домами. Когда мы уходили в экспедицию, его еще не существовало.

Машина летит по шоссе, сопки сменяются долинами, и вот — Магадан!

Как изменился город за три года наших скитаний в тайге! С трудом узнаешь старые домики среди огромных новых зданий. По улицам то и дело мелькают автомобили, на тротуарах полно народу. Растет отряд строителей Крайнего Севера, растет!

Свежий ветер моря, синие воды бухты Нагаева, темно-бурые столбы дыма над океанскими пароходами — как это все знакомо и неузнаваемо.

С наслаждением вслушиваемся и в гудки автомобилей, и в человеческий говор, и в грохот морского прибоя.

Оказывается, почти все члены экспедиции уже съехались в бухту Нагаева. Экспедиция в полном составе во главе с Цареградским уезжает в Москву для камеральной обработки собранных материалов.

Мы срочно садимся за составление предварительного информационного отчета о результатах работы в районе Улахан-Чистая...

Веселым возвращается Цареградский после доклада руководству Далстроя.

— Одобрить! Одобрить результаты работы вашей партии, товарищ Иннокентий, — говорит он, хлопая меня по плечу. — Решено на следующий год организовать геологопоисковую экспедицию и послать ее в бассейн реки Индигирки. Примете участие? А?

— Вопрос, как говорится, излишен. А то мы уж пригорюнились, без работы, мол, останемся, — смеясь, отвечаю я ему.

Через несколько дней наш пароход отчаливает от пирса. Медленно плывут, удаляясь, окружающие бухту сопки. Все пассажиры на палубе. Рядом со мной в небрежно накинутом на плечи пальто стоит Наташа. Ветер треплет ее волосы.

Она грустно смотрит на удаляющийся берег, машинально поправляя волосы загорелой рукой.

— Так, значит, вместе, Кеша! Навсегда...

Наташа как бы продолжает разговор, начатый накануне.

Вчера я, набравшись храбрости, наконец, сказал ей то, что не решался вымолвить почти два года.

Наташа, растерявшись и смутившись, ничего мне не ответила, начала оживленно и торопливо рассказывать, с каким нетерпением она ждет встречи со своей старенькой мамой.

Весь вечер мы провели в суете сборов, и я больше ничего не спрашивал. Сейчас Наташа сама ответила утвердительно. Я нервно сжимаю ее руку и, счастливо улыбаясь, смотрю, не в силах оторваться от смеющихся голубых Наташиных глаз.

Пароход набирает скорость, проходит мимо «Венца», угрюмой, высокой горы в воротах бухты.

Волны ударяют о борт, соленая пена долетает до нас. Красный флаг переливается, щелкает на ветру. Мика стоит у борта в своей неизменной черной морской шинели, и ветер шевелит его выгоревшие волосы.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Прошло десять лет со времени экспедиции на Улахан-Чистай. Первая послевоенная весна 1946 года. Все эти годы я не покидал Дальний Север, работая вместе с Наташей, верной спутницей моих таежных скитаний.

Позади остались еще более тяжелые пешие и вьючные маршруты, сплавы по таежным рекам, дальние зимние путешествия на оленьих нартах.

Каждый год партии геологов уходили все дальше в тайгу. Они проникали к устьям неведомых рек, взбирались на неисследованные хребты, и «белые пятна» края исчезали на географических картах Родины.

Там, где недавно шумела тайга, выросли прииски, рудники, поселки, пролегли дороги с линиями телеграфа и телефона. На «белых пятнах» заработали радиостанции, открылись школы, библиотеки, кинотеатры.

Неузнаваемо изменился этот суровый край за десять лет.

Я сижу в кабинете начальника управления Сергея Дмитриевича Раковского. Бывший помощник начальника нашей экспедиции теперь руководит большим коллективом исследователей Севера.

Просторный кабинет полон посетителей. Раковский беседует с геологами, инженерами, просматривает планы, уточняет задания для новых поисковых партий. Он все такой же: по-прежнему живой, энергичный и требовательный, разве чуть поседели виски да на груди поблескивает золотом значок лауреата Сталинской премии и в длинной орденской колодке виднеются ленточки ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени.

— Ты, подожди, Иннокентий! У меня с тобой будет длинный разговор, — говорит он, отрываясь от дел.

Я пересаживаюсь на диван и смотрю в окно. Передо мной открывается широкая панорама поселка Усть-Нера.

Река, несмотря на начало мая, еще крепко скована льдом. Он нестерпимо блестит под ярким весенним солнцем.

Усть-Нера — большой и благоустроенный поселок. Леса отступили к горам, голые скалы почти двухкилометровой стеной замкнули поселок в полукольцо.

Из окна я вижу на берегу два стоящих на стапелях, уже готовых к спуску на воду катера. Около них сваривают готовые секции двух больших железных барж.

Будто вчера, а не восемь лет тому назад плыла по реке Индигирке наша легкая лодка. И в памяти встает картина...

...Мы возвращаемся, закончив летние геологопоисковые работы, к устью Неры. Конец августа. Мимо проплывают по осеннему пестро убранным склонам гор. Неожиданно с берега нас окликают люди. Причаливаем.

Солидный молодой человек подходит к самой воде.

— Будем знакомы — начальник геологической партии экспедиции Цареградского. Только три дня тому назад прибыли сюда с реки Алдана. Сели прямо на реку. Сюда будет

перебазироваться на самолетах вся экспедиция. Вон в той палатке имеется рация и синоптик, — обстоятельно сообщает он мне, узнав мою фамилию. — Валентин Александрович говорил мне про вас. Результаты ваших работ помогут эффективно расставить полевые партии экспедиции в бассейне реки Индигирки. В обед прилетит самолет, садитесь на него, и через два часа вы увидите Цареградского.

— Для пользы дела слетаю, — соглашаюсь я.

На месте, где сейчас стоит управление, мы поставили палатку, и только успели попить чаю с брусникой, собранной на месте, прилетел самолет. На самолете я лечу впервые. Подо мною знакомые реки и горы, по которым мы только что медленно и с таким трудом ползли на лошадях. Проплывает внизу хребет, огромной дугой уходящий к Ледовитому океану, пологий со стороны Индигирки, обрывистый и дикий в сторону Алдана. Наш самолет садится на тихий многоводный Алдан, и, как в сказке, путь, который вьючно пришлось идти в течение месяца, покрыт нами за два часа.

Выйдя из самолета, я ничего не слышу. Здравуюсь с Цареградским и удивляюсь, почему он так тихо и невнятно говорит, и, видимо, отвечаю невпопад. Надо мной смеются. Через несколько дней слух восстанавливается.

Знакомлю Валентина Александровича с результатами работ и советую, куда направить партии. Через пятнадцать дней первый килограмм пробного золота, добытого в бассейне реки Индигирки, отправлен самолетом в Москву.

Вспоминается быстрый полет обратно и медленное, утомительное передвижение на лошадях по тайге нашей партии, возвращающейся на прииски, где меня ожидала моя Наташа.

...Перед глазами проплывают другие картины. Морозная ночь под Новый год. Мы с женой идем впереди оленьего транспорта, медленно движущегося с рабочими-разведчиками на Индигирку. Стараемся добраться до теплых якутских юрт, мимо которых я проходил прошлым летом, но в тумане от наледей я не узнаю местности. Юрт нет.

Усталые, голодные, окоченевшие, остановились около кучи сухого плавника. Вяло двигаясь, с трудом ставим палатку.

Утром нас будят якуты. Оказывается, мы ночуем среди поселка, мимо первой юрты мы прошли ночью в тумане, а до второй не дошли километр.

Бесконечные путешествия по разведкам, по отдельным уголкам глухой, безлюдной, морозной тайги всплывают в памяти одно за другим.

Вспоминается радость первых открытий, горечь неудач, рождение первых приисков.

...Дороги еще нет. Все грузы сплавляются по горной реке. Наш кунгас стремительно несется на гребне паводковых весенних вод, мутных и пенистых, по реке Нере, вниз к Индигирке. Вдруг — крутой поворот, и кунгас, не подчиняясь кормовому веслу, мчит в густой лес, подминая под себя мелкие деревья; с ужасом ожидаем неминуемой катастрофы. С полного хода наш восьмитонный кунгас ударяется о толстое дерево и под бешеным напором воды кренится на один борт. Невроятными усилиями мы стараемся его выровнять. Еще секунда, и вода хлынет за борт. Но подмятые кунгасом деревья не дают ему перевернуться. Мы спасены. Как замороженные, смотрим на мчащиеся мимо нас кунгасы и молим судьбу, чтобы ни один из них не налетел на нас и не утопил.

Наконец, подобно героям Жюль Верна, мы оказываемся одни среди бушующей воды, прижатые к толстому дереву. Приспособившись, мы варим суп и кипятим чайник над костром, разведенным на железной лопате, прикрепленной за черенок к кунгасу. Проходит тревожная ночь в дрожащем под напором волн кунгасе. Утром мы начинаем пилить дерево, которое держит нас. Только к вечеру удается его свалить. Но высокий пеня все равно не дает нашему кунгасу плыть дальше. Два дня упорно вбиваем клинья в крепкий лиственничный ствол, и лишь на третий день кунгас, проскользнув с нашей помощью через размочаленный пеня, вырывается из плена.

Тревожные вести шли из тайги в то лето. В одной из геологических партий неожиданно, в один день, сдохли все шесть лошадей и при каких-то таинственных обстоятельствах исчез якут каюр этой партии. Затем, также в один день, сдохли все лошади в соседней партии. Начался падеж скота в колхозах района. Исследование крови погибших животных не оставляло никаких сомнений: началась эпидемия сибирской язвы. Полетели телеграммы в Дальстрой, в бухту Нагаева, в Москву. А комары и оводы, кусая животных, разносили сибирскую язву по всей тайге.

Уже все партии оказались без лошадей, но геологи, топографы, геодезисты продолжали работу, таская все на себе.

— План съемок будет выполнен, несмотря ни на что, — рапортовали они.

Не успевали сжигать и закапывать трупы погибших животных. Пошли дожди, река вздулась, по ней плыли сучья, бревна, и о посадке самолета на реку нечего было и думать.

Каждые два часа запрашивал о возможности посадки самолет с противозидемической экспедицией. Но получал один ответ: «Принять не можем». Во многих колхозах не осталось ни одной лошади, в один день пало триста колхозных оленей, пасшихся далеко в горах.

Из одной партии на лодке приплыл рабочий. У него на лбу круглая, зловещего вида, с черными краями язва.

— Овод укусил, и что получилось, — сокрушается он.

— Типичная язва «сибирки». Срочно нужна прививка, а то погибнет человек, — говорит мне наш врач Сергеев, — у меня это второй случай: вчера привезли якутку, у нее на руках такая же язва. Вакцина как воздух нужна, скорей бы прилетел самолет!

Плавник на реке исчез. Летчику сообщили о возможности посадки. Все жители поселка собрались и стоят на берегу реки, стремительно мчащей свои мутные желтые воды вровень с берегами. С замиранием сердца следим мы за серебристым гидросамолетом, который заходит на посадку. Вот поплавок коснулся воды, на берегу облегченно вздохнули. Но вдруг самолет, как будто споткнувшись обо что-то, круто зарывается носом в воду и, развалившись пополам, начинает тонуть. Крики ужаса, пронзительные голоса женщин раздаются из толпы. Несколько мужчин уже плывет на лодках спасать людей. Через двадцать минут, мокрые, в разорванной одежде, с синяками и ссадинами на лицах, спасенные члены экспедиции, стоя на берегу, смотрят с беспокойством на тонущий самолет. Там спасают начальника экспедиции.

Летчик, непрерывно погружаясь с головой в воду, старается открыть заклинившийся люк затопленного переднего отсека, чтобы спасти находящегося там начальника. Наконец люк удается открыть. Летчик извлекает из самолета неподвижное тело.

— Вытащили! Спасли! — раздаются радостные возгласы из толпы. Но увы, начальник экспедиции Маев мертв. У него была сломана рука, видимо, его сильно оглушило, и он захлебнулся.

На берег с самолета вытаскивают вакцины, оборудование экспедиции, и сразу разворачивается противозидемическая работа.

На следующий день во все стороны, на лодках и пешком, отправляются отряды, чтобы срочно сделать прививки спасительной противозидемической вакцины. Коллекторы, прорабы, геологи — все, кого можно отправить, мобилизованы в эти отря-

ды. Как лесной пожар гаснет, не встретив больше пищи для огня, так и эпидемия затухла, не встретив больше ни одного животного без прививки...

— Ну, вот, наконец, все! Теперь займемся с тобой, Иннокентий,— обращается ко мне Раковский, проводив последнего посетителя.— Ты знаешь, что с выполнением майского плана у нас плохо. Необходимо съездить к разведчикам. Я побываю в левобережных районах, ты в правобережных. Да и сезон зимней разведки заканчивается, нужно будет проверить качество работ. Кстати, ты выберешь место для нового разведочного района в районе Улахан-Чистая, ты те места прекрасно знаешь. И побывай обязательно у этого «партизана» Мики Асеева! На него жалуются соседи. Он умудрился силами своих разведчиков начать эксплуатацию ключа, расположенного на территории другого управления. Те — шляпы, не закончили разведку этого ключа и теперь, пожалуй, не сумеют подсчитать там запасов металла. Ну, призовешь, в общем, своего старого приятеля к порядку... Выписывай командировку и завтра — в путь. Да! Я говорил по телефону с нашим генералом Цареградским, он обещал предоставить тебе отпуск с первого июня. Постарайся к концу мая вернуться...

Около дома меня встречает бойкий черноглазый мальчуган. Он бросил топор, которым что-то рубил, и стремительно бежит к калитке.

— Смотри, папа, как я растопорил полено!

— Боря! Не растопорил, а разрубил,— степенно поправляет его шестилетняя сестра Мила.

— Ну, а мама с работы пришла?

— Мама и бабушка дома! Мы за мамой бегали в управление. Сейчас нас послали за тобой, да Борька со своими дровами задержался,— объясняет Мила, поправляя рукой свои светлые волосы, выбившиеся из-под беленькой меховой шапки.

— Ты что это, Кеша, задержался? — спрашивает меня Наташа.

— Да вот, выписывал командировку!

— Опять в командировку! А в отпуск когда?

На Наташином возмужавшем и чуть пополневшем лице появляется выражение досады и разочарования.

— Я не для себя хочу отпуск, а для ребят!

— Успокойся, Наташа, в июле едем...

Утром я выезжаю на попутной машине, идущей с грузом в район, где находится Мика Асеев.

— Устраивайтесь поудобнее, Иннокентий Иванович,— добродушно басит знакомый шофер Иван Новых. Это коренастый сибиряк с загоревшим до кирпичного цвета лицом.

— Опять в командировку? Ну, по трассе я вас быстро доставлю в район. По трассе ездить — одно удовольствие! — говорит Иван, улыбаясь.— Это по наледям Индигирки ползти, как в прошлую вашу поездку...

Через несколько часов, преодолев крутой перевал, въезжаем в долину, где десять лет назад мы открыли ключ Аня. Теперь здесь вырос новый прииск. Машина идет мимо полигонов, отвалов, штолен. Поднимаются эстакады промывочных приборов, слышен рокот бульдозеров и экскаваторов.

По широкой долине мы выезжаем на реку Неру. Вдали, среди возделанных полей, виднеются ряды длинных застекленных теплиц, поблескивающих на солнце.

— Ну, вот и агробаза! Сейчас сгрузим несколько мешков с минеральным удобрением, попьем чайку и дальше,— говорит Иван, сворачивая машину к проселку.

Агроном Горохов, седенький старичок, водит нас по теплицам.

— Горнякам нужны овощи, а трудно и дорого завозить их в район мирового полюса холода. Поэтому свои овощи давно были мечтой. И вот наши мечты превращаются в реальные факты. Ведь это же факт, вот это самое,— и он показывает на толькo что высаженную капустную рассаду.— Ведь кочан здешней капусты не уступает по весу материковской. А репато в килограмм весом родится. Это ведь тоже факт!

Трудно не согласиться со старым агрономом. И десятки тонн свежих овощей, приготовленных к отправке горнякам, лучше всего подкрепляют его слова.

После обеда покидаем агробазу. Перевалив через крутой перевал, мы спускаемся в Тополевую долину — район разведок. Уже издали виднеется юрта старого охотника якута Софрона. Полвека назад построил он около устья небольшого ручья свою юрту. Имя Софрона хорошо известно всем исследователям Индигирской тайги. В его задымленной юрте останавливались экспедиции геологов, топографов, геодезистов. Во время таежных скитаний я много раз встречался с ним. «Как-то поживает старый охотник? Ведь ему сейчас сто пять лет», — припоминаю я.

Возле юрты Софрона царит оживление. По Тополевой долине пролегла трасса, и его юрта стала своеобразной почтовой станцией и ремонтно-заправочным пунктом. Здесь стоят

тракторы, автомобили, лежат запасные части дизелей и тракторов, бочки с горючим. Водители, трактористы, пассажиры заполнили юрту. Раздаются шутки, громкий хохот.

У камелька с трубкой в зубах сидит сам Софрон. Его окружают молодые парни. Они слушают старого охотника с неподдельным вниманием.

Софрон рассказывает, как он с зятем и приятелем ходил на медведя. Берлога была обнаружена заранее и заложена бревнами, чтобы зверь неожиданно не выскочил. Но когда подошли и раздражили медведя, он, разъяренный, раскидал бревна и неожиданно появился перед охотниками. Софрон оказался лицом к лицу с медведем и уложил его из своей берданы с одного выстрела.

— А вы, охотнички, струсил, сбежали, эх вы, — иронизируют слушатели над зятем Софрона, сидящим тут же.

— Сбежали! — соглашается тот. — Здорово быстро сбежали...

— Еще бы! — ядовито говорит водитель. — Ведь ты на семьдесят лет моложе Софрона. Тебе легко было бежать.

А Софрон, закулив трубку и ударяя себя мундштуком в грудь, с гордостью произносит:

— Мин — стахановец. Мин — первый стахановец-охотник.

И Софрон говорит правду. Он действительно здесь самый знаменитый и опытный охотник. Больше, чем другие, выставил он ловушек на горностая, капканов на лисиц, петель на зайцев, плашек на белку. Каждое утро он выходит на проверку своих многочисленных ловушек и западней. На каждый свежий звериный след он немедленно ставит капкан. Никто лучше его не снимает и не высушивает шкурки с убитого зверя. Всю пушнину Софрона фактория принимает первым сортом. Неумоимость и энергия старого охотника вызывают изумление всех, кто встречается с ним.

— Сколько тебе лет? — спрашивает его Иван.

— Много, да много! — И Софрон десять раз взмахивает обеими руками и один раз другой. — Сто пять!

— Ничего себе!.. — удивляются слушатели.

— Наверное, прибавил себе лет десять! — слышится чей-то недоверчивый голос.

Софрон радушно встречает меня, угощает чаем.

Я вспоминаю нашу первую встречу, когда Софрону, по его вычислениям, шел девяносто седьмой год.

В то лето наша геологопоисковая партия подошла к реке Индигирке. Преодолев тяжелый перевал, мы с трудом спусти-

лись с водораздела в красивую широкую долину реки Тополевой, густо заросшую тальником и высокими тополями.

Чуть заметная тропка, на которую мы наткнулись, километров через шесть превратилась в горную, хорошо утоптанную тропу со свежими следами рогатого скота.

По карте мы знали, что в устье реки стоит юрта Софрона. Впереди показалось красивое озеро, заросшее с одной стороны тальником. За озером среди лиственниц виднелись старая большая юрта, загон для скота и несколько амбаров.

Около юрты паслись коровы. Наши лошади, завидев жилые постройки, прибавили шагу и весело заржали.

Неистово залаяли откуда-то появившиеся две большие собаки. Из юрты выскочил старик якут в длинной, по колено, грязной рубаше, в летних торбазах из сыромятной кожи, с трубкой в зубах.

Поскользнувшись, он упал, быстро вскочил и стал помогать нам отгонять собак, ругая их по-якутски. Собаки, услышав голос хозяина, послушно отошли в сторону с явным намерением еще раз броситься на наших лошадей. Вслед за стариком вышла сухонькая старушка, повязанная черным платком, одетая в мешковатое черное платье.

— Здорово! Мин — Софрон Корякин. А ты кто? — протягивая руку, спросил якут. Так состоялось наше знакомство.

Мы разбили свой лагерь недалеко от юрты Софрона на высокой террасе реки Индигирки.

Вечером, вернувшись с работы, я застаю у себя в палатке Софрона, Варвару, его жену, чинно пьющих чай, и уплетающего за обе щеки их внука Илью.

Угощает гостей наш каюр, молодой якут Адам. Он рассказывает про нас, про нашу работу. Увидев нас, Софрон обращается ко мне:

— Здорово! Золото есть?

— Нет! — отвечаю я ему не особенно любезно, сбрасывая с плеч тяжелый рюкзак с образцами.

— Хорошо! Очень хорошо, — говорит он, продолжая пить чай.

— Почему же хорошо?

— Так лучше, спокойнее жить, — отвечает он мне.

На следующий день рано утром, захватив с собой одного лишь старика Пятилетова, я иду опробовать небольшой ручей, около которого стоит юрта Софрона.

— Однако, пустой. Напрасно туда пойдешь, — отговаривает меня Софрон. Но мы не слушаем его.

— Да что его опробовать, ключ, действительно, никудышный. Воды почти нет, одни кочки да гары! — ворчит старик Пятилетов, тяжело шагая за мной по кочкам.

Я иду молча. Но мне самому не очень нравится этот ручей. В своей пикетажной книжке я назвал его Горелым. В верховьях его виднеется красивый гранитный голец.

Но мы замечаем, что геология здесь благоприятная для образования металлоносной россыпи, да и петрографический состав наносов подтверждает — в ручье должен быть металл.

Старик еще больше ворчит, когда мы смываем несколько пустых проб, взятых с кос.

— Ни одной тебе «щеточки» нет. Воды — кот наплакал. Да и откуда тут золоту быть?

Вдруг мое сердце поисковика радостно забилося. Впереди я вижу хорошее место для опробования. Ручей здесь делает крутой поворот и подмывает левый увал, обнажая выход коренных пород. Верхние аллювиальные наносы смыты. Сама природа как бы приготовила нам место, где можно удобно взять пробу.

— Вот это местечко! — удовлетворенно мычит мой старик, выплевывая изо рта недокуренную папиросу и быстро направляясь к террасе.

— Ну, если и здесь будет пустая проба, то дальше можно не ходить! Значит, ключ этот пустой, как бубен! — Пятилетов набирает пробу, я окапываю это место, делаю зарисовку обнажения. Подхожу к моему виртуозу-промывальщику и слежу за тем, как в его искусных руках быстро ходит лоток. Вот исчезает смываемая порода. В лотке остается только тяжелый черный шлик. Под ним мелькнули, исчезли, опять мелькнули одна, две, три тяжелые желтые лепешки.

— Смотри! Золото!

— Да еще какое! Вот так проба!

Старик подает мне лоток. Я рассматриваю в лупу почти круглые, желтые, с матовой поверхностью золотишки. «Грамма два—три», — определяю я на глаз вес пробы.

Пятилетов смыкает следующие три лотка — результат еще лучше! И когда я, высушив последнюю пробу, поднимаю совок, чтобы высыпать золото в капсулю, вижу на «щетке» круглый самородок размером с золотой червонец.

— Смотри, какое золото под ногами лежит.

Пятилетов с удивлением смотрит и вдруг начинает ругаться:

— Старый черт, Софрон! Весь век по золоту ходил и не видел! Можно сказать, миллионер был и сам того не знал...

— Ну, миллионером-то он бы и в царское время не стал,

прибрал бы богатство кто-нибудь другой, — отвечаю я ему. — Но шуму и золотой горячки было бы, наткнись здесь старатели на золото до революции. Не одна бы бедная душа здесь погибла...

— А ручей этот, — продолжаю я, — мы назовем не Горелым, а именем Захаренко, в честь погибшего в прошлом году в тайге геолога-разведчика.

— Добрый геолог был Захаренко, — поддерживает меня Пятилетов, — много покойничек по тайге ходил.

С увлечением, забыв про усталость и не замечая комаров, мы продолжаем обрабатывать ключ Захаренко.

В верховьях опять берем хорошие пробы. Они окончательно убеждают нас в том, что мы нашли промышленное месторождение золота.

На обратном пути мы намечаем места для закладки поисковых шурфовочных линий. Они скажут, какие здесь запасы металла.

Довольные, мы возвращаемся в свой лагерь. У меня в палатке — вчерашняя картина. Чинно сидят Софрон и Варвара и пьют чай со свежими лепешками.

— Ну, друг, золото есть? — не без ехидства задает Софрон вчерашний вопрос, продолжая пить чай.

— Есть. И много!

Софрон сразу перестал пить чай, смотрит на меня и Пятилетова. По нашим довольным лицам видит, что мы не шутим, и хмурится.

— Плохо, совсем плохо!

— Как это плохо? — вдруг возмущается старик Пятилетов. — По-твоему, Софрон, пусть себе лежит без пользы металл?.. Ты что же, против, чтобы нашему государству богатства открывать?

— Плохо будет! — твердит свое старик. — Людей много будет! Тайга гореть будет! Шуму много будет! Другое место придется кочевать!

Я успокаиваю старика и говорю, что жить ему будет лучше. Будет работа, одежда, продукты, и никто его не тронет.

...Сейчас, вспомнив все это, я спрашиваю Софрона:

— Ну, как, Софрон, живешь?

— Хорошо живем!

— Очень хорошо живем, — подтверждает Варвара, наливая в чашку крепкого чаю со сливками. Подвигает мне наколотый кусками сахар, сливочное масло, конфеты и тарелку с пышными, еще горячими белыми лепешками.

— Сейчас у меня Софрон работает, сторожит грузы. В колхоз его не взяли, старый...

Иван Новых, попив чаю, благодарит хозяев и, вставая из-за стола, говорит, смеясь:

— Ты, Софрон, говорят, уже третий ящик денег набираешь, да только первых два ящика так спрятал, что и сам найти не можешь...

Софрон делает вид, что не слышит реплики. Его внук Илья, пятнадцатилетний подросток, как старому знакомому, рассказывает мне:

— Чуть беда из-за этих разговоров не приключилась. Прш-лое лето пришел я как-то с охоты и лег спать, закрывшись с головой одеялом. В юрте была одна бабушка. Софрон на реке промыслил рыбу. Вдруг, слышу, Варвара кричит:

«Спасите! Илья!»

Я сразу проснулся, откинул с головы одеяло. Смотрю, мою бабушку два человека держат, а третий ножом ей грозит.

«Отдай деньги! — кричит. — Где, старая карга, три ящика с деньгами спрятано? Показывай, а то убью!»

Меня не видят разбойники. Сильно я испугался. Зарежут, думаю, бабушку. Сдернул осторожно с гвоздя свое ружье, оно заряжено было, и выстрелил. Бандит с ножом сразу мертвый упал к бабушкиным ногам. Второй на меня бросился, тоже с ножом, но я успел по его ногам выстрелить, упал он, а третий из юрты в дверь на улицу выскочил и побежал. Я ему кричу: «Стой, убью!» Прицелился, хотел стрелять. Смотрю, он остановился, руки поднял, ко мне идет. Заставил я его раненого разбойника на спину взять, и так он у меня его на себе до прииска тянул. Там их в милицию сдал. Сейчас у нас спокойно, никто нас не трогает, — смеется Илья.

Вставая из-за стола, Софрон говорит, обращаясь ко мне:

— Здесь будешь спать! — И показывает на лучшее место в своей юрте против камелька.

Утро. Я просыпаюсь от бормотания. Возле меня стоит старый охотник и молится на икону Николая-угодника. Потемневший от времени и дыма Николай-угодник очень похож на якута. «Сердитый Никола» — единственный из святых, кого еще признают старые якуты-охотники.

Я, не желая мешать Софрону, закрываю глаза и невольно прислушиваюсь к молитве. Первые два слова понятны: «Отче наш...», — но дальше начинается невероятная смесь церковно-славянских слов с якутскими. Молитва звучит, как шаманское заклинание. Тут и просьбы послать удачную охоту, чтобы гор-

ностаи не ушли из западней, а лисы не открутили своих лап в капканах. Конец молитвы совершенно неожиданный: «Никола, дай здоровье моей бабе Варваре, детям моим и пошли хорошую охоту стахановцу Софрону».

Софрон кончает молиться, тяжело вздыхает и с довольным лицом садится на скамью.

Около юрты трактористы ремонтируют трактор. Рокот его мотора гулко раздается по Тополевой долине. Машины, груженные техникой, уходят в тайгу. Софрон провожает нас и долго смотрит на дизели и лебедки, уже погруженные на трактор. Потом медленно подходит к своему старому белому коню и с трудом забирается с помощью Варвары в седло. Он едет на очередной смотр своих ловушек и капканов.

— Плохо, совсем плохо охотнику стало. Много людей, шума много, зверь пугается, в тайгу уходит зверь. Далеко надо за ним в тайгу ехать, — жалуется он нам на прощанье и скрывается в кустах тальника.

ПО ЗНАКОМЫМ МЕСТАМ

Наш «ГАЗ-51» стремительно бежит по трассе.

— Смотрите, одни наши «медведи» да «буйволы» теперь на трассе, — так любовно называет Иван тяжеловозы Ярославского и Минского заводов, беспрерывно встречающиеся нам. — Добротные машины, — продолжает он. — Как надсаживается, родной!

Навстречу нам идет «ярославец», загруженный тяжелым бульдозером, который крепко придраен тросом к кузову машины. За ним идет, тяжело вздрагивая, вторая машина.

Я со страхом смотрю, как мимо нас, угрожающе покачиваясь, проплывает неразобранный экскаватор. Водитель осторожно и умело ведет машину.

— Вот это работа! Мастерски крутит баранку, — восхищается Иван.

Впереди красный флажок, дорога перегорожена, мы сворачиваем на объезд. На этом участке трасса проходит через болото, оттаивающее неглубоко, в зоне вечной мерзлоты. Дорожники делают галечную насыпь. Самосвалы ссыпают подвезенный грунт прямо на срубленный лес и кусты. Тяжелые катки укатывают дорогу.

В первые годы дорожники, прокладывая дороги, снимали мох, ил и рыли кюветы. Все это летом таяло, превращаясь в

талую жижу и грязь. Не пройти и не проехать. Никакого грунта для засыпки этой грязи не хватало. Сейчас кусты и мох на полотне будущей трассы не трогают, в особенности на заболоченных местах, а, наоборот, устилают полотно трассы мелким лесом. Сверху все засыпают грунтом с помощью машин-самосвалов, ровняют, и дорога, промерзнув, стоит, как железная, зиму и лето.

Трасса идет вдоль берега реки, прижимаясь к крутому увалу. Впереди стоит человек и машет красным флагом.

— Не успели проскочить! Опять дорожники рвут, на прижиме все трассу расширяют, — с досадой говорит Иван, затормозив машину.

Быстро образуется колонна машин.

Впереди взметнулось облако пыли: одно, второе, третье... Донеслись глухие взрывы, гулко перекачивается эхо среди гор. По привычке горняка считаю взрывы. Насчитываю восемь, и все затихает.

Осторожно едем по заваленной грунтом трассе. Дорожники торопливо отвозят взорванную породу и сваливают ее в русло реки. Проехав прижим, стараемся наверстать потерянное время. У речки, среди топей, мелькают добротные постройки. Около гаража виднеются несколько бульдозеров, грейдеры, снегоочистители и самосвалы. Вся эта техника теперь на вооружении дорожников.

— Сейчас километр в сторону, и мы на месте, — говорит Иван, осторожно сворачивая машину с трассы.

* * *

— А, Иннокентий Иванович, сколько лет, сколько зим! Верочка, смотри, кто приехал! Давай, раздевайся, проходи! Это, как известно, моя жена Верочка, правда, раздобревшая основательно, а это местные уроженцы Павлик и Наташа! Скоро уже в школу пойдут, — смущенно суетась, встречает меня Мика. Это не идет к его солидной высокой фигуре в лихо затянутой ремнем гимнастерке, на которой виднеется длинная колодка с орденскими лентами. Награды он получил за ряд открытий и успешную разведку во время войны.

— Знаю, ругать меня приехал, но я дело уже исправил. Вчера меня по телефону так прочесал Сергей Дмитриевич, что я моментально рабочих снял с этого злополучного ручья и послал туда старшего геолога района. Константина Васильевича, чтобы привел все в порядок и передал соседям. Виноват,

не утерпел. Под носом металл, план побочной добычи мне нужно выполнять, а эти «свистуны» никак разведку закончить не могут. Ну, и согрешил я немного. Урвал металл. Завтра поедем по разведочным участкам, я тебе покажу свои работы. Кстати, выберем место для нового района. Мне Раковский по телефону говорил, что это вам поручено. Проедем по местам, где мы когда-то бродили вместе. Придется только ехать верхом, начинается распутица. Лошади у меня хорошие, — быстро говорит Мика, переходя то на «ты» — по старой привычке, то на «вы» — по служебному положению.

* * *

Лошади, шлепая копытами по мокрому снегу, идут тяжело, часто оступаясь и проваливаясь.

— Да, весенняя дорожка, черт бы ее драл! — цедит сквозь зубы Мика. — Жаль лошадей...

Впереди показывается разведочная линия шурфов, пересекающая перпендикулярно долину. На площадках полностью стоял снег. Виднеются ряды аккуратно выложенных усеченных пирамидок земли — «проходок», как их называют разведчики. В каждую пирамидку воткнуты две хорошо протесанные бирки, на которых карандашом указаны номера проходок, то есть, с какой глубины была вынута эта порода.

Двое шурфовщиков в измазанных глиной телогрейках с помощью воротка выгружают бадьями из шурфа взорванную породу и аккуратно укладывают ее в проходки.

Мика достает пачку «Беломорканала».

— Закуривайте, ребята, не стесняйтесь!

— Смотрите! Сам Александр Егоров, наш старый знакомый, шествует! — кричит он, указывая на шагающего к нам по просеке Александра. Широкое лицо Егорова сияет.

— Давненько я с вами, Иннокентий Иванович, не виделся, — говорит он, здороваясь. — А вроде бы ничуть не изменились...

— Ну, как у тебя дела? Как живешь?

— Целый день на ногах, — жалуется Егоров, — и ноги начинают капризничать. Ревматизм появился, сколько ведь мы тайгу померяли.

— Это дело поправимое, — ободряю я его. — Закончится зимняя шурфовка, выхлопочем тебе путевку на наш местный курорт «Талая» — и ревматизм как рукой снимет...

Осмотрев шурфовочные работы, подходим к разведочному участку. С десятков низких, таежного типа барakov, без крыш,

срубленных из неошкуренной лиственницы, разбросаны среди пней на опушке густого леса.

— Смотри, Иннокентий Иванович, — Мика обводит рукой вокруг, — место подходящее для района. Лесок-то стоит какой, сам просится на постройки.

— Да, место для района хорошее, — соглашаюсь я с Микой.

* * *

Закончив все дела на разведке и выбрав место для постройки нового района, мы прощаемся с Александром.

Едем вниз по ручью. На галечных косах снег совершенно растаял, и под копытами лошадей хлупает вода. Северная весна в полном разгаре. Воздух чист и так прозрачен, что горы с почерневшими южными склонами кажутся совсем рядом, а до них не один десяток километров. Запах тающего снега перемещивается с горьковатым запахом тальника. Слово комочки снега, белеют на деревьях куропатки. Опыленные теплом и светом, они спокойно, не шелохнувшись, сидят на ветках, подпуская к себе совсем близко.

— Смотри, Мика, куропатки!

— А ну их! Далеко за ними лезть по снегу.

И мы проезжаем мимо.

— Что-то не узнаю в вас прежнего страстного охотника, товарищ Мика. Где ваш былой пыл?

— Стареть, видно, начинаю. Предпочитаю теперь стрелять птицу прямо с лошади, — усмехается Мика. — А не заехать ли нам в Антагачан? Это новый оленесовхоз на самой границе Улахан-Чистая, наши соседи богаты мясом, — предлагает он. — Это нам почти по дороге.

— Деловые связи с соседями, богатыми мясом, необходимо поддерживать, — смеюсь я.

По обоям увалам ручья, вдоль которого мы едем, следуя всем их изгибам, вот уже несколько километров тянется прочная высокая изгородь, сделанная из тонкого леса. Это кораль — загон для оленей. Осенью пастухи загоняют сюда оленьи стада. Здесь их подсчитывают, часть отбирают на убой, тут же лечат молодняк, изолируют больных животных.

Въезжаем в большой поселок с добротно построенными зданиями, складами, конторой. В небольшой квартире директора мы долго и с интересом слушаем рассказ об организации совхоза.

Директор, плотный и коренастый человек, с воодушевлением рисует нам перспективы оленеводства на Улахане.

— Антагачан — молодой совхоз. Он существует только два года. Но мы уже крепко стоим на ногах. В тайге пасутся десятки тысяч наших оленей. За один год стада увеличились на две тысячи голов. Это — результат заботливого ухода пастухов за оленями. Горняки получают от нас тонны свежего мяса. Десятки оленьих упряжек везут ваши грузы к местам новых разведок. Впрочем, с геологами беда, — добродушно усмехается он. — Вы забираетесь в такие трущобы, что и на оленях к вам не проникнешь. Беспокойный народ!

В дверь стучат. Входит молодой эвен.

— Заведующий стадом Слепцов, наш лучший оленевод, — представляет его директор.

Что-то очень знакомое в лице эвена. Я вспоминаю урасу на Улаханском плоскогорье, ночную охоту на горных баранов.

— Вот так встреча! Как поживаешь, Петя?

— Да живу хорошо! — широко улыбается Петр. — Женится вот. Семья здесь, квартиру совхоз дал, только я дома редко бываю, все на пастбищах, в стаде.

— Такая уж, брат, служба, — вставляет директор.

— Да я не жалуюсь! Я свое дело люблю.

— А я ведь тебя по делу вызвал, — продолжает тот.

— А что случилось?

— Двадцать оленей потерялось. Отбились от стада, где-нибудь в тайге бродят. Придется, брат, тебя на поиски посылать. Ты же следопыт природный — быстро найдешь.

— Найдем! Куда им в тайге деться! — уверенно произносит Петр. — А я недавно Данилу видел, вашего бывшего каюра, вас вспоминал, Иннокентий Иванович, — обращается он к нам. — Данила сейчас председатель Кыгыл-Балыхтахского колхоза. Женится.

Мы сердечно прощаемся с Петром.

— У нас проблема с кормами, — продолжает свой рассказ директор. — Особенно сложно разработать маршруты для оленьих стад. Два-то стада на одно пастбище не погонишь. Вот и надо спланировать так, чтобы пути не перекрещивались и стада не шли друг за другом. Тут все, брат, приходится учитывать. Над всем этим делом голову поломаешь! Хорошо, помощники опытные есть. На Петра Ивановича я могу во всем положиться. Он Улахан-Чистай, как свою ладонь, знает.

— Наконец-то добрались до дому! — с облегчением говорит Мика, увидев постройки, мелькнувшие среди леса.

Здесь здания посolidнее и повыше, чем на участках, построены из ошкуренного леса, с крышами, покрытыми финской стружкой.

Подъезжаем к конторе и направляемся прямо в кабинет старшего геолога. Он только что вернулся со злосчастного ключа, где ликвидировал «партизанские работы» своих разведчиков.

— Константин Васильевич, — протягивает мне руку геолог.

— Получай пробы, — перебивает Мика, выкладывая из рюкзака на стол запечатанный пакет. — Надо их поскорее обработать. Это — с «Александровского».

— Вера Семеновна! — кричит Константин Васильевич, открывая дверь в соседнюю комнату. — Получите пробы. Обработайте их в первую очередь.

Он передает пакет Вере Семеновне — геологу камеральной группы.

— Здравствуй, Верочка! — нежным голосом здоровается Мика с женой. Вера Семеновна не отвечает. Она не может простить Мике этой истории с ключом.

— Ну, как вы, Константин Васильевич, съездили? — обращаюсь я к старшему геологу. — Прекратили ваши «эксплуатационные работы»?

Мика сразу делает вид, что он страшно заинтересовался лежащим на столе планом.

— Дело это мы уладим, Иннокентий Иванович. На наше счастье, выложенные проходки у непромытых шурфов сохранились. Они сумеют там подсчитать запасы. Вообще мне не надо было в это дело ввязываться.

— Ну, ваше счастье, Дмитрий Павлович, что так благополучно все кончилось, — говорю я, — еще один такой номер — и плохо вам придется...

С улицы доносится звон от ударов железа по привязанному рельсу. Это сигнал на обед.

— Ну, товарищи, пошли все ко мне на обед, — приглашает Мика, как ни в чем не бывало. — Ой, и жрать же я хочу! Как только поезжу по тайге, так во мне опять просыпается звериный аппетит.

За обедом Мика пьет и ест действительно за троих.

После обеда мы с Микой ходим по складам, мастерским, ос-

матриваем новые буровые станки, сборка которых уже закончена. Мика жалуется:

— Не хватает летнего обмундирования для рабочих: сапог и ботинок. Да и с взрывеществами и средствами взрывания дела плохи. Не завезли в достаточном количестве.

Я молча достаю свою записную книжку, в ней записано все, что он взял у снабженцев управления: продукты, промтовары, материалы и инструмент. Мика с удивлением смотрит на меня.

— Летним обмундированием ты снабжен на полный списочный состав. А аммонитом и средствами взрывания тебе еще придется поделиться с соседним районом. А листовое железо, часть дефицитных продуктов и спирт, которые ты забрал на свои склады, возвратишь немедленно на своей машине в управление.

— Да машина же потерпела аварию, пришлось здесь ее и разгрузить, — слабо протестует Мика.

— Знаю я эти поломки с машинами, которые везут дефицит или спирт. Все надо возвратить. И немедленно.

Лицо Мики вытянулось и стало грустным. Он пытается сменить тему разговора. От его самоуверенности не осталось и следа.

Утром я прощаюсь с Микой и Константином Васильевичем. Коренастый якут Михаил Слепцов, личный каюр Мики, подводит двух оседланных лошадей.

— Смотри, Михаил, береги лошадок! Довезешь до Куртаха и возвращайся назад. Там свежих лошадей начальнику дадут.

Я знаю, душа Мики разрывается, ему жаль лошадей, но не дать их нельзя.

— Да, чуть не забыл, — говорит он, морщась. — Будете в райисполкоме, передайте председателю, что арендованные у колхоза «Большевик» олени отправлены обратно... Ну, до свидания! — И он, отводя глаза, подает мне руку.

НА ПОЛЮСЕ ХОЛОДА

— Плохо дело, надо торопиться. Сегодня вечером, наверное, пойдет вода по ключам, можно застрять в тайге, — говорит тревожно мой каюр Михаил, понукая лошадь, то и дело проваливающуюся в промоины на дороге. — Лучше доедем до

старика Пятилетова, пообедаем, поспим, а ночью дальше поедем.

— Давай так и сделаем, — соглашаюсь я, по опыту зная, что по раскисшим за день весенним дорогам лучше ездить ночью, когда они опять подмерзают.

Проезжаем мимо участка «Санах». Я вспоминаю историю открытия маленького ключа, по которому участок и получил свое название.

В конце апреля сорок третьего года мне пришлось срочно выехать сюда, так как положение с разведкой было явно угрожающим. Шурфы прошли на глубину двадцати — двадцати двух метров, но ни один не удалось добить до скалы. На такой глубине шурфы плохо проветривались, рабочие угорали, отказывались от работы. А тут весна, вода сверху бежит. В общем — труба, а не разведка. Шурфовщики в один голос утверждали, что до лета ничего сделать нельзя. Их поддерживал геолог района Герих. —

— Безобразие! — шумел он. — Я буду писать докладную записку геологу управления о нецелесообразности разведки таких бесперспективных ключей.

Сколько я ему ни доказывал, что, по полученным поисковым данным, ключ явно перспективный, он и слушать меня не хотел. Пришлось дать ему категорический приказ продолжать разведку и добывать под его личную ответственность все шурфы.

Через неделю от Гериха было получено письмо. Захлебываясь от радости, он сообщал: «Три добытых до скалы шурфа сели на богатейшее золото... По ручью Санах россыпь с большими запасами металла...»

На следующий день я был на ручье. Шурфовщики, окрыленные результатами, работали круглые сутки. Разведка была закончена до паводка.

Этой же зимой, в конце декабря, всем в Дальстрое было ясно, что план по добыче золота к первому января не будет выполнен. Горняки напрягали все силы, чтобы выйти из прорыва. На пятидесятиградусном морозе, обжигающем лицо и руки, оттаивали дровами мерзлые пески, промывали их на проходных лотках или лотками в дымящейся на морозе воде. До выполнения плана оставалось, правда, добить какие-то сотни килограммов, но суточная добыча по тресту давно уже снизилась настолько, что, как директор ни прикидывал, получалось, что надо мыть еще половину января.

И вдруг утром тридцатого декабря начальник Индигирского горного управления по телефону сообщает, что на одной из

шахт прииска «Полярный» за смену намыто сто восемьдесят килограммов золота.

— Наверное, я ослышался... Восемнадцать? — переспросил директор.

— Нет, не ошиблись, сто восемьдесят...

План по тресту был перевыполнен накануне Нового года.

...Каю мой дремлет. Я решаю его разбудить.

— Почему вас, Михаил, называют якутами? — спрашиваю громко. — Вы же себя зовете «соха»...

— Разное говорят, — трет он глаза. — Старики так рассказывают: давно, еще когда русские с Ермаком в Сибирь пришли, его помощник Михаил Кольцо до реки Лены дошел. Там встретились казаки с незнакомым народом. По-хорошему встретились. Казаки стали угощать водкой. Налили, подали первому старику, он выпил, всего его обожгло, тепло и хорошо на душе у старика стало. Понравилось ему угощение.

А казачий атаман спрашивает его на непонятном языке:

— Как зовут ваш народ?

Старик не понял, думает, еще угостить хотят, чашку пустую протягивает ему и просит: «Кут! Кут!» — «налей, налей», значит по-якутски.

Атаману казаков показалось, что он ему отвечает: «Якут! Якут!» Так он и отписал царскому воеводе: встретил на Лене-реке мирный большой народ, который носит платье подобно русским и называет себя якутами. С тех пор все нас и называют якутами, а сами мы себя зовем «соха». Старики, впервые встретившие в лесу бородатых, обросших рыжими волосами, страшных, не известных раньше людей, стали называть их «нюча», что значит «лесной человек, леший», — не без ехидства добавляет Михаил.

* * *

Едем автозимником, проложенным по руслу реки. Машины здесь уже не ходят. В полдень подъезжаем к двум низким таежным баракам. Около них лежат кипы сена, мешки с овсом и мукой, ящики. Снег около барака растаял и стоят лужи. Из барака в рубаше, с открытой головой, обутый в грязные стоптанные валенки, выбегает сухой, еще крепкий старик и, прикрыв рукой глаза от солнца, долго всматривается в меня. Его редкие седые волосы венчиком окружают лысину, половина левого уха у старика отсечена и гладкий шрам блестит на солнце.

— Здорово, Пятилетов! Что, не узнал? — соскакивая с лошади, здороваюсь я.

— Узнал, Иннокентий Иванович! По голосу узнал! Цыц, окаянный! — прикрикивает он на маленькую лохматую собачонку неопределенной породы, пронзительно лающую на нас. — Глаза стали отказывать, из темноты на свет высочу, совсем ничего не вижу. Он суетливо привязывает лошадей.

— Ишь, как утомились! Пусть немного постоят, обсохнут...

За чаем старик, соскучившийся в одиночестве, непрерывно говорит. Рассказывает о себе, о своих скитаниях по золотым приискам. Я с удовольствием слушаю наблюдательного и умного старика.

— На прииск я попал совсем молодым, — припоминает старик. — В нашу глухую Тобольскую деревню, где я вырос, явились с Амурских приисков два моих дружка. О заработках тамошних рассказывали чудеса. Запала мне мысль тоже на Амур податься. Холостяк я тогда был. Родителям говорю: «Пойду на заработки, через год—два вернусь с деньгами. Хозяйство поправлю, женюсь». Зазноба у меня в деревне была, Маша. Плакала она, расставаясь со мною, чувствовало, видно, ее сердце, что больше меня не увидит. Уехал я на Амур со своими дружками. И началась моя приисковая старательская жизнь. С прииска на прииск, из одной тайги в другую кочую, а счастья нет. Не могу по-настоящему заработать. «Вдоль тайги понал», — смеются надо мною ребята. А если что и заработаю летом, зимой спущу или прогуляю. Кругом кабаки да соблазны по женской линии. Молодой был, смотришь, пьяного и оберут. Домой не пишу — стыдно. А года идут... В девятьсот пятом году, в революцию первую, улыбнулось было мне счастье. Захватили мы в Тимитонской тайге прииск «Лебединый», его только тогда развели, хозяйского заказчика взашей выгнали, сами себе делянки нарезали, стали мыть. Золото хорошее пошло. Да хозяева не поскупились, казаков наняли, выгнали они нас с прииска, золото отобрали, нескольких ребят порубили. Мне тоже тогда досталось — пол-уха лишился. Совсем плохо нам стало в той тайге. Хозяева на работу не принимают. «Бунтари, — говорят, — и грабители».

Пришлось в другую тайгу податься. Явились мы бригадой наниматься к одному толстомясому хозяину прииска. Голы, голодны, в чем душа держится. Видит он, что нам некуда деваться, говорит таким елейным голосом: «Могу нанять вас, ребяташки. Разведать ключишко надо шурфиками. Вы его расшурфуйте до весны, а я вас продуктишками поддержу. А после

лучшую делянку вам на старание дам. По рублику за золотник буду платить. Только вы мне паспорта отдайте в контору». Некуда деваться, согласились. Паспортов-то у нас давно нет. Один паспорт на всю артель оказался. Сдали его. Всю зиму шурфовали, а он нас «поддерживал» ржаным хлебом да соленой кетой. Наеишься ее да весь день и пьешь. А после хозяин отвел такую делянку, что работали, как окаянные, день и ночь, чтобы хоть чуть намыть. Золото принесем, он нам за золотник рубль заплатит да с этого рубля еще удерживает стоимость зимних харчей. Ну, бились, бились мы, да и сбежали, оставив в конторе последний паспорт...

— Жаль, года мои ушли, семидесятый пошел, — задумчиво продолжает Пятилетов, — а то показал бы я молодежи, как не на хозяина, а на себя нужно работать. Прошел бы с поисками и разведками всю эту тайгу и тундру до самого Ледовитого океана. Но ничего, поучим еще кой-чему молодых! Фамилия-то моя с пятилетками стала модной.

Старик выпивает последний глоток чаю из кружки и большой, с утолщенными суставами пальцев и вздутыми синими венами рукой ставит пустую кружку на стол.

— Ну, я совсем заболтался! — вдруг засуетился он, вскочив из-за стола. — Наверное, наши зайчики давно уже готовы.

По зимовью распространяется вкусный запах тушеной зайчатины.

— Однако, не очень мне в этой новой Колымской тайге, Иннокентий Иванович, нравится, — оборачивается ко мне Пятилетов. — Все мы за металлом гоняемся, все его стараемся побольше достать. Хорошо это, конечно, но надо здесь за сельское хозяйство, скотоводство да рыболовство по-настоящему браться. А то все мы себя чувствуем временными жильцами, хотя второй десяток лет здесь живем. По-настоящему все богатства края брать надо и прочно его обживать. Рыба первосортная под боком, в рот лезет, а мы дрянные консервы «частик» и другие какие из Астрахани да Ростова-на-Дону везем. Картошку, капусту, огурцы надо тут выращивать. А то не по-хозяйски выходит.

И старик, угощая нас, еще долго ворчит.

* * *

Побывав еще на нескольких разведочных участках Оймяконского района, мы, наконец, выбираемся с болотистой, залитой весенней водой дороги на сухую трассу. Лошади, почувство-

вав твердую почву, шагают быстрее, иногда без понукания переходя на рысь. Из-под копыт вырываются облачка пыли. Стоит солнечный жаркий день. Снега уже не видно. Пахнет дымом — где-то выжигают прошлогоднюю траву. На черных обгорелых кочках щеткой пробивается яркая зелень. Комаров еще нет. Теплый воздух, дрожь и переливаясь, поднимается вверх от нагретой земли. Далеко, далеко на горизонте, как в мареве, белые цепи гор. Изредка, со свистом рассекая воздух, мелькают небольшие стайки чирков. Деревья стоят еще голые, буровато-зеленые. Но день — два, и они покроются ярким легким кружевом зелени.

— Слушайте! Слушайте! В небе-то жаворонки поют, ну, совсем как где-нибудь под Москвой. Ишь, как заливаются! А простор-то какой! — восхищается мой случайный спутник москвич Поляков, следя глазами за мелькающими точками в голубом прозрачном небе.

— И это на Оймяконском плоскогорье, — развожу я руками, — которое на всех географических картах мира обозначено как «полюс холода».

Впереди виднеется ряд длинных построек. Около них пасется скот. Это молочная ферма лучшего Оймяконского колхоза «Большевик».

Пока Поляков возится, привязывая лошадей, я захожу в помещение. Меня встречает заведующая фермой. Она в белоснежном халате. В большой чистой комнате на столах поблескивают сепараторы, стоят бидоны с парным молоком и сливками. Образцовый порядок и чистота на ферме радуют глаз.

— Мария Николаевна Березкина, — заведующая пожимает руку и пристально всматривается в мое лицо. — Да это вы, Иннокентий Иванович! Не забыли еще?

— Ну, как забыть!

Однако между девушкой, угощавшей меня когда-то молоком на берегу Неры, и сегодняшней Марией такое отдаленное сходство, что я с удивлением спрашиваю самого себя: «Да неужели это та самая Маша Березкина?» А Мария с радостным и гордым видом показывает мне молочную ферму и приглашает нас в гости. Заходим в опрятный, хороший домик. За чаем ее муж Дмитрий Березкин, со значком отличника-охотника на груди, рассказывает о том, как он недавно ездил на курорт в Ялту.

— В Москве ой как много людей! Все равно, как у нас в тайге комаров. По-якутски никто слова не скажет. Спасибо, че-

ловек со мной был, по-якутски говорил. За руку меня по улицам водил. Боялся я заблудиться. Это ведь не тайга. В тайге всегда дорогу найдешь.

— Ну, а как на курорте?

— Продуктов много, работы нет. Жирный стал. Тепло, тепло! Воды много, пить нельзя. Я тоже в море лазил. Но все равно по тайге соскучился. В тайге сейчас совсем хорошо.

* * *

К вечеру подъезжаем к переправе через реку Индигирку. Река уже очистилась ото льда, затопила прибрежные тальники и стремительно несет свои мутные весенние воды. Мурашки пробегают по спине, когда я пробую представить себя на лошади среди этого мощного потока.

— Да, пожалуй, на лошадях вброд на тот берег не переехать, — вслух думаю я, — лошади обязательно всплывут, да и вода мутная, ничего не видно.

— Ничего, переправимся. Я здесь брод знаю, — уверенно говорит Поляков. — Утра только придется подождать. За ночь вода спадет. А пока поедемте, переночуем у наших сплавщиков, — предлагает он.

Подъезжаем к сплаву. У берега, в небольшом заливчике, качается на воде более десятка уютнообразных кунгасов, законпаченных и залитых смолой, пришвартованных к берегу толстыми канатами. Несколько полуготовых кунгасов стоит на козлах. Плотники обивают их остовы досками. Десяток низеньких временных барачков и палаток стоит, прижавшись к реке. В стороне около штабелей леса визжит и скрежещет циркулярная пила. В стороне виднеется мачта с антенной радиостанции. Все завалено стружками, сучьями, обрезками леса, плах и опилками. Сплав работает последний год. С постройкой постоянной трассы и открытием пароходства на Индигирке в сплаве грузов миновала надобность.

К нам подходит мужчина мощного телосложения, одетый в кожаный костюм. Это начальник сплава Коротков. У него своеобразный талант организовывать доставку грузов по быстрому таежному рекам для горных предприятий и экспедиций, до которых еще не дошла трасса.

— С приездом, товарищи, — здоровается он тонким, совершенно не соответствующим его комплекции голосом. — Вам, Иннокентий Иванович, есть копия радиограммы. Просят захватить вас, когда будем сплавливать, только дней с десятка при-

дется подождать. Кунгасы не готовы, да и река ненадежно очистилась. Заторов ледяных боюсь.

— Ждать долговато, тороплюсь, дня через два непременно плыть мне надо, — решительно говорю я Короткову.

— Что ж, устроим! Для старого дружка, как говорится, сержка из ушка. Есть у меня лодка готовая. Груз небольшой с собой захватите: махорки ящика два да чаю ящик — для полевых партий Раковский просил выслать срочно.

Рано утром мы опять у переправы. Под ногами лошадей похрустывает тонкий ледок, затянувший за ночь лужи на дороге. Утренний воздух свеж и прохладен. Вода, действительно, спала и хорошо виден широкий пережат, по которому нам предстоит переправиться на противоположный берег. Лошади, пофыркивая, неохотно идут в воду. Я из предосторожности вынимаю ноги из стремян. Наши якутки осторожно выбирают брод. Я еду первым, стараясь держать голову лошади повыше и направлять ее чуть против течения, чтобы нас меньше сносило. Вода сначала лошади по брюхо, потом выше, я инстинктивно поднимаю ноги, но все же начинаю черпать в голенища воду. Мы пересекаем основную струю реки. Лошадь судорожно цепляется ногами за галечное дно, борется с напором воды. В какую-то долю минуты чувствую всем существом, что ее сейчас собьет. Напряженно слежу, чтобы не упустить этот момент и вовремя спрыгнуть с седла. Лошадь торопливо перебирает ногами, начинает крепче ступать на дно. Напор воды становится меньше, мы пересекли основное течение. На душе легче. Наконец, мокрые, мы выбираемся на берег.

Соскакиваем, снимаем сапоги, выливаем воду, переобуваемся и, вновь сев в седла, гоним лошадей рысью, чтобы согреть. Подъезжаем к поселку Оймякон, административному центру огромного таяжского района. На высоком сухом месте вдоль реки стоят ряды новых добротных домов, прямые улицы, электрические фонари. Проезжаем мимо большого здания школы, нового клуба, столовой, больницы, магазина, фактории. Попадает много строящихся зданий: растет районный центр.

— Здорово! Где райисполком? Где Неустроева нам найти? — спрашиваю я встретившегося нам старика якута.

— Дом райисполкома вот здесь будет, — показывает он на строительные леса, — а пока он помещается в бывшей церкви. Вон там! — указывает он на темное массивное здание, построенное из крупных лиственничных бревен.

Высокое помещение церкви разгорожено на отдельные

комнаты. Проходим в кабинет председателя, помещающегося явно в бывшем алтаре.

— Здорово, Иннокентий Иванович. Слышал, что ты по разведкам разъезжаешь. Думаю, обязательно заедет к старому знакомому. Проходи, садись, — радушно предлагает Неустроев, молодой, среднего роста якут со свежим загоревшим лицом, одетый по-городскому в пиджак и сорочку с галстуком, обутый в легкие летние торбазы.

— Есть у меня к вам претензии, — сразу начинает Неустроев. — Падеж большой среди арендуемых вами у колхозов лошадей и оленей. Это снижает нам прирост поголовья в целом по району. За перевозки и аренду транспорта разведчики неаккуратно расплачиваются.

— Приеду в управление, наведем порядок, — уверяю я Неустроева.

По дороге домой Неустроев показывает на высокое темное здание.

— А вот наша библиотека, раньше часовня была. Старики рассказывают — ее местный купец Кривошапкин построил на деньги, украденные им у экспедиции Черского. Он содрал с него за транспорт втридорога, часть этих денег истратил на часовню и получил от царского правительства за «усердие» медаль, — смеется Неустроев.

Входим в библиотеку. Нас встречает молоденькая якутка с комсомольским значком на блузке.

На полках вдоль стен до самого потолка книги на русском и якутском языках. На столах подшивки местных, центральных газет и журналов. В библиотеке светло, чисто и уютно. Глаза жадно разбегаются по разложенным на столах газетам и журналам, и меня охватывает страстное желание сесть за стол и, не отрываясь, читать и читать.

— А вы можете организовать библиотеки-передвижки для наших разведчиков? — спрашиваю я заведующую.

— Это почти организовано, — смеется она. — Ваши разведчики — частые гости в библиотеке. Заходите вечером, договоримся подробно.

НА ЛОДКЕ ПО ИНДИГИРКЕ

В обед мы с Поляковым уже отчаливаем от берега. Я за рулем. Направляю лодку на середину реки. Поляков, отдуваясь, усердно гребет.

Быстро меняется панорама пустынных берегов. Мы плывем

со скоростью десяти—пятнадцати километров в час. Напряженно смотрю вперед и направляю лодку подальше от нависающих с берегов подмытых деревьев, все время стараясь плыть главным руслом, избегая протоков. Мне помогает опыт плавания по капризным горным рекам. Изредка попадаются рыхлые, рассыпающиеся на иголки льдины.

Солнце медленно скрывается за горами, река и нестаявший снег на берегу окрашиваются в розоватые тона. Впереди, на правом берегу против впадающей слева реки, показалась какая-то постройка.

— Давайте причалим. Чайку попьем, — предлагает Поляков.

Попив чаю, пробуем на вечерней зорьке удить рыбу. Поймав несколько хариусов, плывем дальше.

Река уже стала широкой и мощной. Пахнет дымом, на берегу что-то горит. Мелькают целые цепочки огоньков, видимо, выжигают покосы от прошлогодней травы. Дым низко стелется над рекой. Впереди виднеются горы, русло реки резко сужается.

Смотрю на часы — около двух часов ночи, но светло так, что можно читать газету. Впереди что-то монотонно и однообразно шумит. Шум все усиливается. Лодка быстро плывет по середине реки.

— Подожди! Не греби. Что это такое? — говорю я своему спутнику.

Река повертывает вправо, и лодку несет еще быстрее.

— Давай, греби скорее!

Я направляю лодку к берегу. Русло реки стало совсем узким, на берегах появилось много толстых голубоватых льдин, местами нависают мощные карнизы из льда, они вмерзли в берега. «Зимой здесь была мощная наледь», — вспоминаю я.

Как только наша лодка выплывает из-за мыса, у которого река делает крутой поворот, шум сразу превращается в сплошной гул, грохот и скрежет. Я вижу поперек всей реки какое-то странное нагромождение льдин. Они с грохотом и скрежетом сталкиваются друг с другом, кружатся у края ледяного поля, перегородившего все течение реки. Покружившись, они исчезают вместе с водой, образуя огромные воронки. Нашу лодку, как маленькую скорлупку, несет в этот страшный водоворот.

— Греби! Сильнее греби!

Я помогаю Полякову, гребу изо всех сил кормовым веслом, сжимая его до боли в руках. Как замороженный, смотрю и не

могу оторвать глаз от края льда, неумолимо приближающегося к нам.

Еще, еще одно усилие... Широкое лицо моего спутника побледнело, глаза испуганно округлились. Тяжело дыша, он гребет так, что гнутся весла. «Лишь бы не сломались!» — мелькает у меня мысль.

Но вот наша лодка, наконец, вырывается из основной струи и выходит в более спокойное боковое течение. Еще одно усилие, и она с размаху ударяется о ледяную кромку. Мы выскакиваем на лед, подтягиваем лодку и облегченно вздыхаем оба.

— Ловко бы попали в ловушку, — говорит Поляков, сняв кепку и вытирая капли пота со лба. — Смотрите, какая чертова мельница!

Осторожно берегом, где по воде, где по льду, мы перетаскиваем лодку. Метров через четыреста вода выходит из-под льда и вынырнувшие с ней льдины, покачиваясь, спокойно плывут дальше. Мы садимся в лодку и движемся вперед, придерживаясь берега. Солнце давно уже взошло, с реки тянет сыростью и холодом. Чтобы разогреться, усиленно гребем и быстро плывем вниз по безлюдной, пустынной и угрюмой реке. Встречаем еще один ледяной затор, который благополучно обходим вдоль берега.

Уже полдень. Впереди виднеется гора Ибир-Хая, снег на ней сохранился только на самой вершине. Скоро устье Неры.

Вот замелькали постройки. Мы плывем близко вдоль правого крутого берега, над нами висят корни подмытых деревьев, сыплется галька. Река вгрызается в правый илистый берег, сливая его.

Причаливаем около управления. Навстречу мне бегут мои дети Мила и Боря, чуть не первыми заметившие нашу лодку.

* * *

Я сижу у себя в кабинете, за окном сгущается вечер, тихо падает снег. Из окна хорошо видна улица, которую пересекает широкая трасса, уходящая в далекие сопки. На просторной площади поселка — здания горнопромышленного управления, магазинов, детского сада, жилых домов. На правой стороне площади ярко светятся окна клуба. Клубное здание со стройными колоннами, красивым подъездом, над которым афиша: «Сегодня в кинозале демонстрируется фильм «Повесть о настоящем человеке». В лекционном зале — доклад на тему «Советские люди осваивают Дальний Север». И еще одна афиша, из-

вещающая, что коллектив художественной самодеятельности готовит к постановке пьесу «Гроза». До меня доносятся отдаленные звуки оркестра. Это участники самодеятельности готовятся к выступлению.

Мой взгляд скользит по улицам, где непрерывно снуют пешеходы, раздаются гудки машин, тяжело грохочут тракторы и бульдозеры. Вот, сверкая стеклами и голубой окраской, разворачивается и отходит сорокаместный автобус. Он ушел в очередной рейс из поселка в город. Сколько горных перевалов, ущелий встанет на его пути. Но точно по расписанию он будет на берегу Охотского моря, в Магадане. Этот бывший поселок у бухты Нагаева теперь превратился в крупный, благоустроенный город — центр новой области на Дальнем Севере.

Раздается телефонный звонок. Я поднимаю трубку. Телефонистка сообщает, что разговор с Москвой состоится через сорок минут.

Я сажусь на диван и поудобнее устраиваюсь на нем. Можно послушать радио, можно погрузиться в воспоминания, можно помечтать.

«Советские люди осваивают Дальний Север». Лекция на эту тему никак не выходит из моей головы. Какое огромное содержание в этой маленькой фразе!

То, что произошло на Севере за эти двадцать лет, нельзя выразить будничными словами. Я мог бы сказать: «Там, где шумела тайга, сегодня выросли предприятия. Там, где ходил зверь, сегодня мчатся автомобили. Там, где были неведомые «белые пятна», работают школы, кинотеатры, радиостанции». Но эти слова звучат слишком обыденно и не передают всей красоты и величия того, что произошло здесь. На Дальнем Севере произошло нечто более важное, чем освоение суровой природы.

Но что же именно? Как это назвать?

Я напряженно думаю, пытаюсь подыскать подходящие слова и образы, и не нахожу их.

И. И. ГАЛЧЕНКО

(Биографическая справка)

Иннокентий Иванович Галченко родился в 1902 году на прииске «Владимировском», Зейского горного округа, Амурской области. Отец его служил у частных золотопромышленников.

До 1920 года И. Галченко учился в Благовещенском реальном училище. По окончании его стал учителем.

С 1924 года он работает на Алданских золотых приисках десятником горных работ, смотрителем паромной разведки, опробовальщиком.

В начале 30-х годов И. Галченко переводят на Колыму, где он долгое время работал вместе с В. А. Цареградским, был помощником начальника геологопоисковой партии, принимал участие в разведочных партиях на реках Бахапче и Оротукане. Здесь на базе данных разведки впоследствии было организовано Южное горно-промышленное управление.

В течение трех лет Галченко работает в Верхне-Колымской экспедиции. Затем Иннокентий Иванович принимает участие в Индигирской экспедиции. Поисковый отряд, возглавляемый Иннокентием Ивановичем, обнаружил на Индигирке ряд месторождений.

За работу по освоению Дальнего Севера И. Галченко награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени. В 1945 году он вступил в ряды КПСС.

В последующие годы И. Галченко возглавляет поисковые партии, работает в разных геологоразведочных управлениях Дальнего Севера.

В 1955—1956 годах в альманахе «На Севере Дальнем» (№№ 2, 4) опубликованы отрывки из книги И. Галченко «Геологи идут на Север».

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
В колымскую тайгу	3
Разведка золота	18
В полевой партии	24
Маленькая начальница	39
Голодная зима	45
В новую экспедицию	59
Сплав через пороги	65
По Колыме до Верхне-Колымска	85
Зимой по разведкам	110
В бассейн Индигирки	119
Трудная дорога	135
На Улахан-Чистай	151
Весновка	161
Первые открытия	166
Кольцевые маршруты	184
На белом пятне	190
По следам Черского	201
В бухту Нагаева	206
Десять лет спустя	211
По знакомым местам	223
На полюсе холода	229
На лодке по Индигирке	237
Биографическая справка	241